327
Е79
ЛЕ
Е79

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОКРУЖЕНИЯ СССР

W 4563
ПОДШИВНО
БИБЛИОТЕКА

СЕРИЯ В СЕМИ КНИГАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Е. ПАШУКАНИСА и М. СПЕКТАТОРА

КНИГА ТРЕТЬЯ

А. ЕРУСАЛИМСКИЙ

ГЕРМАНИЯ, АНТАНТА И СССР

МОСКВА 1928

327
Е.79.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

ДЕСЯТЬ ЛЕТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОКРУЖЕНИЯ СССР

КНИГА ТРЕТЬЯ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

★

ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

и

МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

ДЕСЯТЬ ЛЕТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОКРУЖЕНИЯ СССР

★

СЕРИЯ В СЕМИ КНИГАХ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Е. ПАШУКАНИСА и М. СПЕКТАТОРА

КНИГА ТРЕТЬЯ

А. ЕРУСАЛИМСКИЙ

ГЕРМАНИЯ, АНТАНТА И СССР

ЛЕ
Е79

А. ЕРУСАЛИМСКИЙ

Пр. 1958(38-41)г.

ГЕРМАНИЯ, АНТАНТА И СССР

4563сф

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
Инв. № 6867
Отд.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
1928

327
Е79

2

X

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 25998 1972 г.

ТИП. «ЭМЕС», МОСКВА
ГЛАВЛИТ № А-5684
ТИРАЖ 5.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа А. Ерусалимского посвящена выяснению той роли, которую играла Германия в системе капиталистического окружения нашего пролетарского государства на протяжении первых десяти лет его существования.

Автор ограничивает свою задачу преимущественно изображением событий внешне-политической истории, хотя он ни на минуту не упускает из виду тех внутренних социально-классовых сил, которые определяли на каждом данном этапе то или иное направление германской внешней политики.

Изучение этих вопросов представляет для нас далеко не один только академический интерес. Дело не только в том, что германский империализм в эпоху Бреста являлся ближайшим и потому самым опасным врагом еще неокрепшего советского государства; дело не только в том, что на протяжении, примерно, первых пяти лет после Октября пролетарская революции в Германии представлялась наиболее вероятным следующим этапом мировой социалистической революции; дело в том, что и сейчас, в период относительной капиталистической стабилизации, Германия продолжает стоять в центре не только европейских, но и мировых противоречий после-военного империализма. Восстановление экономической мощи Германии, достигнутое благодаря успехам капиталистической рационализации, беспощадному нажиму на рабочую силу и приливу иностранного капитала, заключено в очень тесные рамки. Рост внешней задолженности, плюс репарационные платежи (которые в 1928 г. должны достигнуть 2,5 млрд. марок в год), плюс пассивность торгового баланса Германии — вот те моменты, совокупность которых гарантирует неизбежность серьезнейших экономических затруднений. Всякая же попытка прикоснуться к плану Дауэса в целях его пересмотра неизбежно вызывает на сцену вопрос о междусоюзнических долгах и все связанные с этим проблемы финансового и политического порядка и, прежде всего, проблему европейско-американских взаимоотношений. Отчет генерального агента по репарациям за 1927 г. предлагает пересмотр плана Дауэса, однако, несмотря на поддержку известной части банков-

ских кругов Америки, это предложение встретило решительный отказ со стороны официальных кругов С. Ш.

Таким образом, пересмотр Дауэсовского плана мало вероятен, по крайней мере, в текущем году.

Чтобы иметь возможность платить репарации и проценты по займам, Германия должна увеличить свой вывоз. Это, в свою очередь, возможно лишь путем значительного увеличения покупательной способности мирового рынка в целом, или путем вытеснения своих конкурентов. На первую возможность не приходится сейчас рассчитывать; вторая доступна для капиталистической Германии только путем такого снижения жизненного уровня трудящихся, которое позволило бы побить своих конкурентов дешевизною товаров. Но этот путь чреват не только бешеным сопротивлением извне, со стороны капиталистических конкурентов, но и крайним обострением социальной борьбы внутри Германии.

Вместе с тем германский капитализм, консолидирующийся экономически, все еще лишен аттрибутов внешнеполитической мощи. Это результат того положения вещей, которое создано Версальским миром. Германский империализм лишен колоний и обезоружен; на западе Рейнская область занята французскими войсками, на востоке польский коридор отрезает Восточную Пруссию. Лучшая часть Верхней Силезии находится в руках Польши, Саарский угольный бассейн, фактически, в руках Франции. Версальский договор запрещает Германии об'единение с австрийской республикой.

Германская буржуазия, которая отчетливо сознает, что она сумела удержаться в седле только благодаря притоку американских капиталов, не мечтает, разумеется, об одновременном разрешении всех этих жгучих для нее проблем. Но она накапливает силы, чтобы постепенно ставить их в порядок дня, используя всякую выгодную для нее политическую ситуацию.

Здесь мы подходим к вопросу, который самым непосредственным образом касается СССР, ибо речь идет о позиции буржуазной Германии в конфликте между Советским Союзом и британским империализмом. Германия, несомненно занимает видное место в замыслах британского империализма касательно создания единого анти-советского фронта. Можно даже утверждать, что именно германская проблема является в данном случае центральной.

До сих пор Германия в общем оставалась верна политике нейтралитета. Эта политика нашла себе выражение в одновременном подписании Локарнского пакта и Берлинского договора. Мотивы германского нейтралитета лежат в экономической и политической области. Экономически

Германия заинтересована в советском рынке; развитие экспорта на Восток является для нее жизненной необходимостью. Политический расчет показывает германской буржуазии, что позиция нейтралитета в данный момент наиболее выгодна.

Таким образом, советское государство в настоящий момент, так же, как и при своем возникновении, имеет возможность использовать для укрепления своих дипломатических позиций те противоречия, которые имеются в лагере империалистов. Из этих противоречий не на последнем месте стоит противоречие между вчерашними победителями и побежденной Германией. Поэтому работа т. Ерусалимского, прослеживающая все повороты германской политики, ее лавирование между «восточной» и «западной» ориентацией, ее зигзаги, иногда для нас весьма неблагоприятные, представляет значительный интерес.

Принимая во внимание то обстоятельство, на которое указывает и сам автор, а именно, что по его теме, особенно для последних лет, имеется весьма скудный материал и многое, м. б. самое важное, еще хранится в тайниках дипломатических архивов, нужно, тем более, признать, что картина германской внешней политики дана им достаточно полная и достаточно отчетливая.

Е. Пашуканис

О ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В системе международно-политических отношений капиталистических государств Германия для Советской России, а позднее для Советского Союза, занимает совершенно особое место. Собственно говоря, о единой системе международно-политических отношений со времени Октябрьской революции говорить не приходится, ибо история последнего десятилетия характерна такими грандиозными зигзагами, каких еще, быть может, не знало прошлое Европы. Империализм получил первую брешь в самом слабом месте — в России, а значение самого факта Октябрьской революции не могут недооценить даже те, кто является ее противниками. Дело будущего подвести итоги и дать всесторонний анализ той роли, которую Октябрьская революция сыграла за пределами Советского Союза. Для этого требуется не только большой подбор фактического материала, но и широкая, вернее, глубокая историческая перспектива. Однако, уже теперь можно, хотя бы лишь п у н к т и р о м, наметить основные международно-политические линии, являющиеся в своей совокупности той системой отношений, в которой Советской России, а затем Советскому Союзу приходилось пробивать себе дорогу. Если неустойчивость системы международно-политических отношений является вообще весьма характерной чертой эпохи империалистической политики, — то это тем более относится к истории последнего десятилетия, которое проходит под знаком грандиозных социальных потрясений и перерождений, как результатов социальной революции и мировой империалистической войны.

Как бы ни складывалась в каждый данный момент система международно-политических отношений, однако, с точки зрения социологической, в ней неизбежно поляризуются две основные силы современности: империализм и социальная революция. Основные противоречия последнего десятилетия лежат именно тут, однако, это вовсе не преодолевает противоречивого характера самой империалистической системы. Наиболее опасным моментом для революции было непосредственное столкновение с побеждающим германским империализмом. Положение бы-

ло особенно остро до подписания Брестского мира. В результате революционного потрясения и военного катаклизма государства Центральной Европы вышли из строя империализма, и если это было победой империалистических держав Антанты, то, с другой стороны, для империализма, взятого в целом, это было таким ударом, который в условиях неподоспевшей социальной революции на Западе оказал известноое влияние и на положение Советской России. К тому же крах империалистических держав Центральной Европы создал совершенно новую ситуацию, которая, в свою очередь, послужила стимулом для развития противоречий в стане победившей Антанты. Побежденная Германия, оставшись страной капиталистической, являла собой брешь в окружающей Советский Союз системе империалистических держав. Если рабочее движение на Западе и национально-революционное движение на Востоке являлись опорой Советской республике, непосредственно нанося империализму могучие удары, то побежденная Германия косвенно, самым фактом своего существования и своей борьбой за существование volens-nolens содействовала международно-политическому укреплению Советского Союза, в свою очередь, отчасти опираясь на него. Но законы, имманентные капитализму, продолжают свое действие: Германия, не превращенная революцией в страну социалистическую, капиталистически стабилизируясь, перестала быть об'ектом политики Антанты, верней, доминирующей в ней силы,—довольно быстро превращается в мощный суб'ект самостоятельной политики и даже делает первые попытки выступления на широкую дорогу империалистической практики. Империалистические державы Антанты воевали с Германией для того, чтобы выбить из строя, обескровить своего наиболее могучего соперника, наиболее грозного конкурента на мировом рынке. Затем—в условиях вскрывшегося и обнаженно-выступившего англо-французского соперничества за гегемонию в Европе — каждая из сторон пыталась по своему использовать политическую слабость Германии. Перевес был дан вмешательством С. Штатов, для которых гарантией их экономических интересов являлась «замиренность» Европы. Роль Германии на арене международно-политических отношений становится все боле значительной — и подобно тому, как раньше пытались использовать с л а б о с т ь Германии, — теперь наиболее яркий носитель империалистической политики пытается использовать ее у с и л е н и е, в частности, для организации антисоветского блока. Таким образом, при рассмотрении того значения, которое Германия имеет для неоднократно меняющейся в последнем десятилетии международно-политической системы, можно вычертить три основные линии в

схеме: Германия между Антантой и Советским Союзом. Схема эта остается для истекающего десятилетия неподвижной, однако, намеченные три основные линии, дабы не остаться простыми значками, указывающими направление в смене международно-политических отношений в капиталистическом окружении Советского Союза, нуждаются в детализации, в некотором наполнении конкретным материалом, который, конечно, ни в коей мере не может выражать собой все неисчерпаемое многообразие действительности,— тем более, что дипломатия не перестала быть тайной, и таким образом, богатейшие залежи материала лежат вне пределов непосредственного эмпирического наблюдения. Задача, таким образом, определяется сама собой: наметить по возможности в терминах относительно-конкретных основные контуры германской политики, занимающей особое место в отношениях между Советским Союзом и его капиталистическим окружением.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БРЕСТСКИЙ МИР И КРУШЕНИЕ ГЕРМАНСКОИ ИМПЕРИИ

Если правомерно утверждение, что поражение Германии заложено было в Брест-Литовске, то, быть может, также с некоторым правом можно заключить, что вступление С. Штатов в войну на стороне Антанты с сокрушительным для Германии новым притоком технического, военного и свежего человеческого материала не случайно совпало с российской революцией.

Из опубликованных материалов германских политических деятелей с очевидностью явствует, что не только в тех политических кругах, которые были против об'явления беспощадной подвойной войны, но и в тех, которые были за нее, понимали, что подобная война неотвратимо приведет С. Штаты к выступлению. Германский посол в Вашингтоне, хорошо осведомленный о положении дел на месте, не упускал случая сообщить об этом своему правительству [1]. Борьба вокруг этого вопроса началась еще в ноябре 1914 г. по инициативе яростного апологета неограниченной подводной войны—адмирала Тирпитца, и усилилась в конце 1915 г., перейдя в политическом отношении в руки организаций правящих классов Германии—шести крупных экономических союзов (союз сельских хозяев, германский крестьянский союз, христианские сельские союзы, центральное об'единение германских промышленников, союз германских промышленников, имперский союз среднего класса). То или иное отношение к об'явлению беспощадной войны подвод-

---

[1] „Если теперь начнется подводная война,—телеграфировал в Берлин германский посол в Вашингтоне граф Бернсторф 27 января 1917 г.,—президент сочтет это за пощечину и война с С. Штатами будет неизбежной. Здешняя партия войны возьмет верх, и окончание войны, по моему мнению, значительно отдалится, так как, несмотря на все слухи, сила С. Штатов огромна. С другой стороны, если мы пойдем на предложение Вильсона, то президенту будет невозможно вступить в войну против нас, даже если мы начнем подводную войну. Дело идет, следовательно, лишь о небольшой отсрочке в вопросе об улучшении нашей дипломатической позиции. Я все же представляю себе, что мы путем конференции достигнем лучшего мира, чем в том случае, если С. Штаты примкнут к нашим врагам".

Graf Johann-Heinrich Bernstorff. Deutschland und Amerika. Berlin. 1920. S. S. 374—375.

ными лодками, определялось не столько вопросом о подготовленности Германии, сколько оценкой возможности выступления С. Штатов на стороне Антанты. Соображения формального характера явились лишь фасадом, прикрывающим общую оценку политической ситуации, в связи с тем местом, которое занимали С. Штаты в борьбе между Четверным союзом и Антантой. «Внимание к американским интересам,—гласила петиция вышеназванных экономических союзов,—не должно итти так далеко, чтобы выбивать из рук Германии сильнейшее оружие, которым она теперь располагает в экономической борьбе с Англией»[1]. Весь вопрос сводился к оценке перспективы противогерманского выступления С. Штатов, как возможного и как неизбежного.

Сначала в кругах официальной политики отказом от беспощадной подводной войны предполагалось предотвратить возможное, между тем, как возглавляемая Тирпитцем оппозиция этой войной предполагала предупредить неизбежное. «Концентрация англо-саксонской хозяйственной и культурной жизни в Англии и Америке уже до войны сильно продвинулась,—писал адмирал Тирпитц в одной из своих докладных записок императору Вильгельму, доказывая неизбежность выступления С. Штатов на стороне Антанты и обосновывая твердую политику и необходимость незамедлительного об'явления беспощадной подводной войны.—Во время войны развитие это продолжалось с утроенной быстротой и силой. В настоящее время эта связь настолько крепка, что Америка непосредственно заинтересована в победе Англии. Америка, кроме того, убеждена в том, что сотрудничество Англии ей понадобится для борьбы против японской опасности и поэтому стремится оградить европейский фланг от какой-либо опасности. Отсюда следует необходимость тесного союза с Англией в обеспечение нашей собственной победы. Именно это, а ничто другое, является ключом к американской политике в вопросе о подводных лодках: Америка хочет нашего поражения»[2]. Борьба вокруг вопроса о применении беспощадной подводной войны разгорелась, и жертвой ее пал, между прочим, сам адмирал Тирпитц, который теперь в своих мемуарах и изданием интереснейших документов пытается доказать, что если виновной в возникновении войны была Англия, то виновниками исхода войны являются политические руководители Германии, не поняв-

---

[1] Эрцбергер. Германия и Антанта. Мемуары. Перевод с немецкого Е. Федотовой, 1923. Стр. 182.

[2] Politische Dokumente von A. Tirpitz. Deutsche Ohnmatchtspolitik im Weltkriege. 1926. S. 531. Bericht des Grossadmirals v. Tipritz über den deutsch — amerikanischen Konflikt. 27. April 1916. Ср. Brief an Graf Hertling. Ende Mârz 1916. SS 514—517.

шие актуального значения своевременного выступления крайней мерой — беспощадной подводной войны. «Если бы Германия могла предусмотреть русскую революцию, — писал позднее Тирпитц, — то может быть, в 1917 г. нам не пришлось бы рассматривать подводную войну, как наше последнее средство. Однако, в январе 1917 г., не было заметно еще ни одного внешнего признака русской революции»[1]. Отставленный Тирпитц все же победил, считая теперь свою победу слишком запоздалой: в начале января 1917 г. в германской главной квартире было принято окончательное решение начать неограниченную беспощадную подводную войну, как последнее средство («ниспосланный небом дар», по выражению Тирпитца)[2] блокировать, задушить голодом и поставить на колени Англию, прежде чем С. Штаты реально смогут бросить свой меч на весы. Первые результаты беспощадной подводной войны казались сначала в Германии благоприятными. Статс-секретарь Гельферих пытался даже доказать, что ввоз хлеба в Англию сразу уменьшился более чем на 20%, однако, с точки зрения военной,— несоответствие между небольшим количеством имеющихся подводных лодок (как сообщил 28-го сентября 1918 г. статс-секретарь морского министерства фон-Манн в рейхстаге, на 13 января 1918 г. у Германии имелось всего лишь 143 подводных лодки, из коих две трети находились в верфях или в починке и только одна треть действовала) и грандиозным масштабом поставленной задачи только затрудняло положение Германии, тем более, что оборонительные средства ее противников неуклонно усиливались, а впоследствии—в 1918 г.—Германия больше теряла подводных лодок, чем успевала их строить. С.-А. С. Штаты, обслуживавшие европейскую войну, развившие у себя военную промышленность и субсидирующие Антанту[3], выступили в тот момент, когда обе европейские коалиции были достаточно изнурены борьбой, когда Германия решилась

---

[1] А. Тирпитц. Из воспоминаний. Перевод с немецкого Д. П. Кончаловского. С пред. В. Гурко-Кряжина. 1925. Стр. 236—237.

[2] А. Тирпитц. Из воспоминаний. Стр. 224.

[3] До конца 1918 года С. Штаты снабдили займами следующие государства.

Англия. . .	4.175.981.000	долл.
Франция .	2.436.427.000	„
Италия. . .	1.310.000.000	„
Россия. . .	325.000.000	„
Бельгия . .	252.895.000	„
Сербия. . .	12.000.000	„
Греция. . .	39.554.036	„
Румыния. .	6.666.666	„
Всего:	8.558.523.702	„

(O. Krahl. Die Rolle Amerikas im Weltkriege. Berlin und Leipzig 1920. S. 187).

прибегнуть к последнему средству, и когда своим вмешательством Вашингтон становился решающей силой в мировой войне и руководящей силой в мировой политике[1]. Однако, это выступление произошло не сразу. 1 февраля 1917 года Германия начала беспощадную подводную войну. В ответ на это С.-А. С. Штаты тотчас же оборвали официальные дипломатические отношения. 26 февраля в своем послании конгрессу Вильсон об'явил положение «вооруженного нейтралитета», потребовал кредитов и вооружения американских торговых судов. Исход борьбы, происходившей между различными американскими группировками при усиленном содействии с одной стороны Антанты, с другой стороны, Германии,—по вопросу о вступлении С. Штатов в войну, определился, нужно думать, не только предпринятой Германией беспощадной подводной войной, но и фактом русской мартовской революции. Предложение Вильсона об об'явлении войны было 4 и 5 апреля принято обеими палатами, 14 апреля конгресс принял закон о всеобщей воинской повинности и открыл военный кредит в семь миллиардов долларов. Для Германии еще более осязательно вставала задача—добиться победы в Европе прежде, чем подоспеет американская помощь Антанте[2], перед которой в свою очередь вставала та же задача—продержаться до тех пор, пока эта помощь подоспеет. А положение на русском фронте было для Антанты уже в начале революции воистину угрожающим. «Как бы трудно ни было положение России, с точки зрения общего дела,—писал Керенский Ллойд-Джорджу позднее, накануне Октябрьской революции,—мы можем утверждать, что оно лучше, чем прошлой весной. Тогда на нашем фронте установилось фактически состояние перемирия—результат пропаганды, «братания» и упадка военной дисциплины. Это положение тем больше внушало беспокойство, что немцы с ним считались, воздерживаясь от всяких военных действий на нашем фронте, в надежде использовать освобождающиеся таким путем военные силы против наших союзников. Признавая всю опасность, временное правительство решило положить ему конец во что бы то ни стало. Наше наступление, несмотря на успех вначале, кончилось неудачей. Тем не менее, его главная цель—положить конец состоянию перемирия и возобновить войну—должна рассматриваться, как достигнутая ценою вели-

---

[1] „Как банкиру и как кредитору, — гласит заявление председателя совета банков С. Штатов опубликованное 22 марта 1917 г.,—С. Штатам необходимо иметь место за столом на мирной конференции и быть в более выгодной позиции, сопротивляться всяким предложениям отвергнуть долги, так как следует помнить, что мы вынуждены будем с палкой в руках заступиться за всякого гражданина, владеющего обязательствами, которые могли бы быть отвергнутыми".

[2] Hindenburg. Aus meinem Leben. Leipzig 1920. S. 311.

ких жертв»[1]. Правительство Керенского делало все возможное, чтобы оказать поддержку Антанте, и потому, в свою очередь, пользовалось поддержкой последней.

Одной из задач Октябрьской революции была борьба за мир. В ноябре Второй всероссийский с'езд советов принял декрет о мире и обратился к воюющим странам с предложением вступить в общие переговоры о мире, и к правительствам нейтральных стран с предложением воздействовать на воюющие стороны в этом направлении. Не получив ответа, советское правительство повторило свое обращение к державам Антанты, которые на сей раз, уклонившись от прямого ответа, решились на протест, к тому же направленный к смещенному генералу Духонину. Тем с большей готовностью вступили в переговоры о перемирии, а затем и о мире, Германия и ее союзники, особенно последние, пережившие угрожающие продовольственные затруднения. Для Германии вопрос заключался не только в том, чтобы миром на Востоке разрешить продовольственные затруднения Австро-Венгрии и Турции, и тем самым удержать их от сепаратного мира, но и в том, чтобы, ликвидировав восточный фронт, перебросить войска для удара на Западе. Это последнее диктовало определенную политическую линию еще ранее, по отношению к царской России: недаром впоследствии адмирал Тирпитц обвинял германское правительство в том, что оно недостаточно энергично боролось за мир на Востоке. Центральные державы, действительно, искали сепаратного мира на Востоке (в конце марта 1916 г. переговоры Стиннеса с японским послом в Стокгольме о сепаратном мире Германии с Японией и Россией; переговоры доктора Варбурга с будущим русским министром Протопоповым и др.). Но и последняя попытка завязать сношения с русским двором оказалась неудачной: личное письмо принца Макса Баденского императору Николаю было написано как раз в день мартовской революции[2]. Задачей Советского правительства было добиться всеобщего подлинно-демократического мира без аннексий и контрибуций на основании самоопределения народов. Именно поэтому одним из первых шагов Октябрьской революции было — разоблачение империалистической политики путем опубликования тайных договоров, а с другой стороны — именно на этих основаниях покоилась деятельность советской делегации в Брест-Литовске. Наконец, из того, что Октябрьская рево-

---

[1] Цит. М. Н. Покровский. Внешняя политика России в XX веке Москва 1926. Стр. 62.

[2] Prinz Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Brl. Lpzg 1927. S. 85. Письмо это довольно ясно давало понять о желательности прекращения военных действий на восточном фронте и аргументировало тем, что английская дипломатия подготовляет в России революцию.

люция рассматривала себя как начало мировой революции— исходила и тактика советской делегации тогда, когда ясно стало, что такого мира добиться невозможно: тянуть переговоры, но не доводить до разрыва, превратить мирную конференцию в трибуну мирной, истинно-социалистической пропаганды среди народов, и в первую очередь — обращение к германскому народу через голову германских генералов и профессиональных дипломатов. 3 декабря в главной квартире германского командующего восточным фронтом, в Брест-Литовске, начались советско-германские переговоры о перемирии. Первое требование советской делегации было — полная гласность переговоров, — требование, на которое германское командование вынуждено было согласиться, выполняя у себя это впоследствии довольно своеобразно: германские публикации относительно переговоров подвергались предварительной тенденциозной обработке. Условия перемирия были выработаны германским верховным командованием заранее, — однако советская делегация первая выдвинула свои условия общего перемирия, которые сводились к следующему: 1) длительный срок перемирия с тем, чтобы мог собраться мирный конгресс всех народов, 2) отказ германского командования от перевозки войск с восточного фронта на западный и 3) эвакуация германских войск с Моозундских островов, откуда имелась угроза положению Петрограда[1]. В последнем вопросе генерал Гофман в терминах достаточно резких отказал, легко, однако, согласившись принять второе требование советской делегации: «уже раньше, чем начались переговоры в Брест-Литовске, было отдано распоряжение о перевозке большей части войск с восточного фронта на западный»[2]. В виду того, что германский ответ на советское требование всеобщего перемирия сводился к предложению сепаратного перемирия на всем восточном фронте, советская делегация, не входя в официальное рассмотрение германских условий, потребовала перерыва в переговорах. «Российское правительство понимает,—заявил член делегации Каменев в своем отчете о переговорах на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, — что тот факт, что мы привезли в Брест условия не сепаратного перемирия, а перемирия всеобщего,—должен иметь большое значение в глазах народов воюющих стран. В ту неделю, которая осталась до возобновления переговоров, правитель-

---

[1] Мирные переговоры в Брест-Литовске. Т. I. Полный текст стенограмм. Под редакцией и с примечаниями А. А. Иоффе, с предисл. Л. Д. Троцкого. Москва 1920. стр. 188.

[2] General Max Hoffmann. Der Krieg der Versäumten Gelegenheiten. München. 1924. S. 192.

ства, парламенты, пресса, партии воюющих стран должны заявить — желают ли они принять участие в переговорах российской революции, в которых революционная Россия будет отстаивать не сепаратный сговор, не эгоистические начала, а принципы, равно дорогие для всех демократий»[1].

15 декабря перемирие сроком до 14 января 1918 г. было подписано советской делегацией и представителями высшего командования Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Через неделю, 22 декабря, начались заседания мирной конференции. Исходя из основных принципов Октябрьской революции, советская делегация выдвинула, как основу для мирных переговоров, следующие положения (текстуально): 1) Не допускаются никакие насильственные присоединения, захваченных во время войны территорий. Войска, оккупирующие эти территории, выводятся оттуда в кратчайший срок. 2) Восстанавливается во всей полноте политическая самостоятельность тех народов, которые во время настоящей войны были этой самостоятельности лишены. 3) Национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности путем референдума. Этот референдум должен быть организован таким образом, чтобы была обеспечена полная свобода голосования для всего населения данной территории, не исключая эмигрантов и беженцев. 4) По отношению к территориям, занимаемым несколькими национальностями, право меньшинства ограждается специальными законами, обеспечивающими ему культурно-национальную самостоятельность и, при наличности фактической к тому возможности, административную автономию. 5) Ни одна из воюющих стран не обязана платить другим странам так наз. «военных издержек»; взысканные уже контрибуции подлежат возвращению. Что касается возмещения убытков частных лиц, пострадавших от войны, таковое производится из особого фонда, образованного путем пропорциональных взносов всех воюющих стран. 6) Колониальные вопросы решаются при соблюдении принципов, изложенных в пунктах 1, 2, 3 и 4.

В качестве дополнительных основных положений Советская делегация предложила считать недопустимым ограничения свободы слабых народов—сильными державами, в какой бы форме это ни происходило: экономический бойкот, навязанный торговый договор, морская блокада и т. п.[2].

---

[1] Ю. Каменев. Борьба за мир. (Отчет о мирных переговорах в Бресте) Птгр. 1918. стр. 11—12.

[2] Мирные переговоры в Брест-Литовске Т. I. Протокол Пленарного заседания мирной конференции 22 декабря 1917 г.

Делегация Четверного союза согласилась принять советские предложения, хотя и с некоторыми существенными поправками, как основу для переговоров о всеобщем мире. Однако, за приемлемой формулой скрывались истинные цели германского империализма, политика которого в дальнейшем выстраивалась, как равнодействующая борьбы различных сил: внутренне-политических, внешне-политических и военного соотношений на западном и восточном фронтах. Германской дипломатии пришлось потратить немало усилий, чтобы обезвредить позицию своих союзников и чтобы сохранить единый фронт, взрываемый по ту сторону официальных переговоров противоречиями интересов в пределах Четверного союза. Не понимая тонкой политической игры, которую Германия собиралась вести в Бресте, болгарский депутат, при обработке ответа на декларацию советской делегации, наотрез отказался признать для себя обязательность формулы «без аннексий», соглашаясь принять эту формулу лишь в том случае, если присоединение к Болгарии сербской и румынской территории не будет считаться аннексией [1]. Германской и австрийской дипломатии пришлось прибегнуть к решительным мерам, чтобы сломить тупое, но откровенное упорство болгарского делегата. Германии пришлось выдержать дипломатическую борьбу также и с Турцией, которая собиралась потребовать от Советской России эвакуации войск с Кавказа,—вместе с чем, конечно, неизбежно вытекал вопрос об эвакуации германских войск из Польши, Курляндии и Литвы,—на что германское командование соглашаться не собиралось. Внутренне-потрясенная, стоящая накануне продовольственного краха Австро-Венгрия всецело поддерживала Германию в тех случаях, когда поставленный Болгарией или Турцией вопрос затруднял течение мирных переговоров, и таким образом, политика двуединой монархии солидаризировалась с Германской официальной дипломатией, которая проводила «миролюбивую» политику легкой индустрии, интересы одной из буржуазных группировок, нуждающейся во внешнем рынке [2] и ведущей за собой более широкие круги общества, уставшего от войны и жаждущего мира. Этой группировке противостояла фактически существующая в Германии, выдвинутая интересами тяжелой индустрии и юнкерством, военная диктатура в лице высшего командования. Ее представителем в брестских переговорах был генерал Гофман, все время поддерживавший связь с фельдмаршалом Гинденбургом и генералом Людендорфом, и действовавший по их инструкциям. Таким образом, позиция Германии опре-

---

[1] О. Чернин В дни мировой войны. Перев. с немецкого М. Константиновой. пред. М. Павловича, 1923. Стр. 243.

[2] М. Покровский. Стр. 69 и сл.

делялась сложным взаимоотношением внутренне и внешне политических сил. В общем же двойственность политической линии, которая в начале брестских переговоров наметилась между позицией Германии и ее союзников, в дальнейшем все более углублялась, однако, уже в другом разрезе: с одной стороны, высшее военное командование и, с другой стороны, германская дипломатия, в лице Кюльмана, и германские союзники, поддерживающие ее в требовании мира вплоть до вовсе недвумысленно высказанной австрийской угрозы заключить сепаратный мир. Политическая программа германского генералитета в Брест-Литовске в степени своей агрессивности и заостренности определялась не только интересами германского империализма, но и положением дел на фронтах. Поскольку на западном фронте положение к этому времени угрожающим для Германии не было, а на восточном фронте русская армия продолжала таять, германские генералы на сей раз искренне сожалели, когда мирной конференции пришлось согласиться с предложением советской делегации о десятидневном перерыве, чтобы Антанта смогла принять участие в переговорах на основе установленных демократических принципов: дело в том, что немецкие генералы в самом деле испугались возможного появления Антанты на конференции. Однако империалистический характер политики Антанты в данном случае устранил опасения германского милитаризма: Антанта на конференцию, как известно, не явилась, положение Германии на Западном фронте не казалось еще безнадежным, и германский генералитет вмешался в ход дальнейших переговоров, навязав принципам, положенным ранее в основу работ мирной конференции, свою собственную интерпретацию и проводя совсем иную политическую линию. Вообще нужно заметить, что до начала брест-литовских переговоров единство цели, задач, как в смысле их постановки, так и в смысле определения методов их разрешения,—не было достигнуто ни между Германией и ее союзниками, ни между ответственными политиками и военным командованием в самой Германии. В германских политических кругах не доверяли Вене, предполагая, что последняя в целях присоединения к себе в какой-либо форме русской части Польши постарается договориться с Петербургом за спиной Германии. В ходе переговоров политическая линия, занятая германской дипломатией, выравнялась уже хотя бы в том, что со стороны Австро-Венгрии, Болгарии и Турции имелась определенная поддержка в смысле желания достигнуть скорейший мир.

Чернин, австрийский министр иностранных дел, неоднократно заявлял германским представителям, что готов поддерживать Германию до крайней степени, т.-е. до раз-

рыва переговоров, после чего он оставлял за собой свободу действий—право заключить сепаратный мир: в Австрии началось сильное забастовочное движение, продовольственные беспорядки и протесты против вялости брестских переговоров. Требование Советской власти о перенесении конференции в Стокгольм было самым решительным образом и ультимативно отклонено Центральными державами, боявшимся вести переговоры в условиях, когда советская делегация не была бы изолированной от всего мира: в этом отношении единый фронт был проведен до конца. Но уже в самом начале второй стадии переговоров взятая вначале линия переговоров была резко разоблачена энергичным вмешательством военного командования, которое решило, отбросив всякие дипломатические тонкости, действовать методом «удара по голове» („noch eine ordentliche auf den Kopf zu schlagen",—как выразился ген. Гофман), говорить тоном победителя с побежденным. Это самым ярким образом проявилось тогда, когда вопрос о самоопределении перешел из сферы формальных деклараций в плоскость конкретного и реального разрешения. Проводя усиленную подготовку на западном фронте весеннего наступления, которое считалось решающим и которым надеялись нанести Антанте сокрушительный удар до прибытия американской помощи,—германское высшее военное командование готово было в Брест-Литовске заключить мир, но мир быстрый и соответствующий ее империалистическим притязаниям, а поскольку этому противодействовали и тактика, и твердая позиция советской делегации, возглавляемой Троцким, германская военщина явно взяла курс на срыв переговоров,—тем более, что для одной и достаточно широкой части восточного фронта нашлись удобные партнеры в лице делегации Украинской Рады, с которой—уже хотя бы по ее социально-политической природе,—можно было договориться скорее. Переговоры Четверного союза с украинской делегацией с обеих сторон форсировались, т. к. власть Рады на Украине сильно колебалась волною восстаний, переговоры же с ее представителями сильно затрудняли позицию советской делегации, а заключенный мир являлся бы «хлебным миром» (Brotfrede, как называли в Австрии этот мир с Украиной). Советская делегация, признавшая независимость Украины, не могла, однако, признать единственной политически-правомочной ее представительницей Центральную Раду, ибо, ко времени подписания последней сепаратного мира с державами Четверного союза, «единственной территорией, где еще держалась Рада,—по выражению Троцкого,—был Брест-Литовск». И чем дальше и интенсивней проходили переговоры Четверного союза с украинской Радой,—тем затруднительней ста-

новилось положение советской делегации, для которой реальные условия мира, по мере того, как выдвигались к практическому разрешению новые конкретные вопросы,— становились все более неприемлемыми. Уже в конце первого периода мирных переговоров, победа военной партии сказалась в вопросах восточной политики в явных притязаниях на аннексию Литвы, Польши, части Латвии. Методом согласования первоначальной декларации о демократическом мире с явно-аннексионистской политикой служили для Германии буржуазно-националистические тенденции, успевшие расцвести во время войны, а главным образом, после революции в бывших российских окраинных областях. Относительно говоря, предложенные Четверным союзом в этой стадии переговоров условия мира были наиболее мягкими, однако, революционное правительство, боровшееся за всеобщий демократический мир, согласиться на эти условия не могло. С самого начала второго периода переговоров в Брест-Литовске, после того как советскому правительству перенести конференцию в Стокгольм не удалось, аннексионистские замыслы, одержавшего победу германского командования, ловко использовавшего переговоры с украинской Радой,—выступили с полной ясностью. Советская делегация превратила Брест в мировую трибуну революционной агитации. Надежда на стачечную волну, охватившую в январе Австро-Венгрию, Германию и Польшу, как на начало революции в Центральной Европе, — оказалась преждевременной: пролетарское движение было отброшено. Все средства затянуть переговоры были использованы и исчерпаны. Подписание мирного договора между украинской Радой, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией, с другой стороны, ускорило развязку. Кюльман получил телеграфный приказ Вильгельма покончить переговоры, выставив еще более тяжелые требования. Аннексионистские замыслы и агрессивные тенденции германских империалистов по отношению к Советской России были вскрыты до конца. Советская делегация уехала, об'явив войну законченной, но мира не подписав и, таким образом, апеллировала к германскому пролетариату. Поддержка эта не пришла, а разрешение вопроса принесло состоявшееся 13 февраля в Гомбурге совещание высших военных и политических властей, которое протекало в условиях, когда положение на востоке было полно неопределенности, а на западе Германия готовила решительное наступление. «В данный момент,—пишет Людендорф,—русская армия не являлась боевым фактором. Но Антанта только ждала случая укрепить русский фронт, да и большевистские вожди были люди дела, которые могли работать агитацией, а если оставить им время, то сумели бы и без Антанты пустить в ход оружие. Русский фронт ежеминутно мог возродиться тем

или иным путем. Румыния также никогда не заключила бы мира, если бы Россия не подписала его первая. В таком случае наступление на Западе становилось совершенно безнадежным, а вместе с тем мы упускали момент, когда являлась возможность победоносно закончить мировую войну, которую мы вели, имея слабых союзников, против во много раз превосходного противника. Украина нам была нужна, как вспомогательная сила для борьбы с большевизмом, но прежде всего мы должны были не выдать ее большевикам... Без Украины голод был неизбежен... Чтобы воспрепятствовать самим большевикам образовать новый восточный фронт, мы должны были нанести короткий, но сильный удар расположенным против нас русским войскам, который позволил бы нам при этом захватить большое количество военного снаряжения. Дальнейшее развитие операций на востоке не имелось в виду на ближайшее время... Финляндия, которая обратилась к нам за помощью против большевистского засилия, также могла явиться нашей союзницей в борьбе с большевиками. Ее присоединение усиливало давление на Петроград, а также в сторону Мурманской железной дороги... Надо было действовать, и этого требовал извечный закон войны. На этом пути можно было быть уверенным, что удастся добиться мира»[1]. Именно в этих терминах обрисовал Людендорф в Гомбурге общее положение вещей, и такова была его программа действий, которая, выдержав некоторую борьбу со стороны имперского канцлера и Кюльмана, была впоследствии полностью реализована. Со своей точки зрения Людендорф был столь же прав в оценке общей ситуации, сколь и верно наметил метод ликвидации восточного фронта и заключения нужного германскому империализму мира. Действительно, «короткий, но сильный удар» разбил всю конструкцию «ни мира, ни войны», вскрыл правильность утверждения Ленина, «что революционная фраза о революционной войне может погубить нашу революцию»[2]. Советское правительство вынуждено было под напором вооруженных сил германского империализма принять не только чрезвычайно тяжелые условия германского ультиматума, но и пред'явленные Турцией претензии на области Ардагана, Карса и Батума.

3 марта 1918 года Брестский мир[3], «похабный мир», был заключен, и притом на условиях несравненно более тяжелых для Советской России по сравнению с теми, на которых была возможность заключить мир раньше. В про-

---

[1] Людендорф—Мои воспоминания о войне 1914—1918. Т. II. Перевод с 1-го немецкого издания под ред. А. Свечина. ГИЗ. 1924. Стр. 131—133.

[2] Н. Ленин. Собрание сочинений. Т. XV. 1923. С. 100.

[3] Кюльман подписал Брест-Литовские акты 7/III, в Бухаресте, и потому они носят двойную дату 3/7 марта.

межутках между Октябрем и Брестом, сложившиеся тогда об'ективные условия были хорошо использованы германским милитаризмом. И если верно, что «Ленин уже в конце ноября настаивал на заключении мира, как можно скорее, — он был совершенно прав, ибо чем раньше мы заключили бы мир, тем менее он был бы для нас тяжелым» [1]. Но революционизирующее значение Бреста было велико, а моральную победу, одержанную Советской Россией, вынуждены признать даже противники последней: «В этом русско-германском споре наша сторона была правой,—пишет принц Макс Баденский в своих недавно опубликованных мемуарах,—и мы имели, как никогда до тех пор, доверие остальных народов; но те тайные методы, по которым велись наши переговоры, выставили Германию врагом, а Россию защитником мелких наций перед остальными странами» [2]. Мирная программа и общая позиция Советской России была настолько популярна в широких кругах европейской и американской демократии, что руководитель английской политики Ллойд-Джордж, воспользовавшись позицией германского империализма, разоблачившего себя в Бресте, вынужден был, дабы удержать свое влияние, в своей речи, произнесенной 5 января 1918 г. перед английскими трэд-юнионами, прикрыть истинные цели империалистической политики и войны до конца заимствованными из советского лексикона словами о самоопределении народов. Все это было, конечно, лишь тактическим маневром умного политического деятеля, но об отношении его аудитории к брестским переговорам можно судить по тому, с какой сдержанностью вынужден был говорить о Советской России будущий организатор иностранной контрреволюционной интервенции. И еще в некоторых отношениях стоит упоминания это симптоматическое выступление. Дело в том, что выдвинутые тут некоторые пункты могли быть истолкованы, как мирные условия Антанты,—отчасти, в требованиях, пред'явленных Германии,—совпадающие с программой советской мирной делегации. Так, например, Ллойд-Джордж требовал плебисцита в германских колониях,— извращая, таким образом, в интересах Антанты истинно-демократическую программу мира, защищаемую Советской Россией. Требуя от Германии ясности в Бельгийском вопросе и подтверждая безусловное право Франции на Эльзас-Лотарингию, английский премьер, в условиях захватнической политики Германии в Бресте, в форме демократических требований пытался разоблачением Четверного союза завуалировать империалистические притязания Антанты и

---

[1] М. Н. Покровский. Внешняя политика России в XX веке. Стр. 73.
[2] Pinz Max von Baden. Erinnerungen und Dokumente. S. 193.

преодолеть тем самым движение усиливающейся внутри страны оппозиции.

Ясности в бельгийском вопросе было довольно трудно добиться от германского правительства не только Ллойд-Джорджу или Асквиту (публично запрашивавшему германского канцлера в речи 27 июля 1917 г.), но и Ватикану, дипломатии различных нейтральных государств, и даже депутатам партии большинства германского рейхстага: германский империализм не мог раскрыть своих истинных намерений оставить оккупированную территорию за собой «в качестве залога», по выражению канцлера графа Гертлинга, т.-е. намерений вассализировать Бельгию.

Удар, полученный в Бресте, Антанта пыталась компенсировать по своему, используя, как поучительный урок, печальный опыт роли соотношения сил в мирных переговорах на Востоке, провоцируя quasi- демократическими формулами германский империализм и преодолевая свою собственную внутреннюю оппозицию. Указывая, что Германия, силой захватившая ряд областей России, добровольно их не вернет, Ллойд Джордж заявил: «Теперешнее правительство ведет переговоры с общим врагом относительно сепаратного мира. Я не делаю резких упреков, я констатирую только факты, дабы сообщить, что Англия не может нести ответственность за дела, происшедшие без ее ведома» [1].

Это выступление Ллойд-Джорджа было не случайно в политической линии Антанты. Оно было соответствующим образом оценено в прессе обоих враждующих лагерей, а именно, как ответ одного из руководителей политики Антанты на мирные переговоры в Брест-Литовске, где во всей своей обнаженности столкнулись две программы мира: программа агрессивного германского империализма и подлинно-демократическая программа Советов. Это столкновение, осложненное усилением общей тяги к миру, и заставило официальную политику Антанты изменить свой внешний лик разоблачением германской политики и нейтрализацией советского влияния. Завершающим выражением этого общего поворота политики Антанты, исходящего из факта и течения брест-литовских переговоров, как они сказались на всем комплексе международно-политических и внутренне-политических отношений, — можно считать знаменитые 14 пунктов Вильсона, которые являются разработанной, углубленной, дополненной, модифицированной формой основных положений английского премьера.

Моральную победу Советской России в Брест-Литовске Антанта старалась использовать под углом зрения полити-

---

[1] Prinz Max von Baden. S. 196.

ческой компрометации Германии. Если об'ективно-исторически Брестский мир оказался для Германии Пирровой победой, то еще является проблемой другая сторона дела: был ли Брест действительно сильнейшим ударом по Антанте? Во всяком случае, противоположный тезис имеет не менее прав и оснований для своего об'ективного рассмотрения.

Еще во время брестских переговоров вопрос о заключении мира с Румынией, диктуемый для Четверного союза необходимостью покончить с правым флангом восточного фронта, не только стал в порядок дня, но и вошел, благодаря предпринятым уставшей Австрией секретным даже от Германии шагам, в стадию своей реализации. Эти мирные переговоры с Румынией с самого начала вскрыли те противоречивые линии интересов, которые гнездились внутри Четверного союза и которые прорывались каждый раз, когда появлялся повод для дележа результатов побед. На сей раз столкнулись интересы всех держав, входящих в Четверной союз. Германия пыталась навязать Румынии длительный финансовый контроль и получить для своих торговых обществ железные дороги и гавани, казенные земли и нефтяные промыслы. Эти требования, носившие не столько специально-военный, сколько обще-экономический характер, формулированы были не кем иным, как Людендорфом: еще одна иллюстрация социальной природы германского военного командования. Но тут Германии пришлось встретиться с резким противодействием Австро-Венгрии, которая вовсе не хотела примириться с проникновением в соседнюю ей Румынию германского экономического и политического влияния. Для того, чтобы ослабить напор Германии, Австро-Венгрии пришлось открыть карты и об'явить основные предварительные условия, намеченные в тайных переговорах с Румынией. Еще более серьезная борьба между союзниками разыгралась по вопросу о Добрудже, на которую Турция и Болгария пред'являли права и которую Румыния, пользуясь поддержкой Австрии, всячески старалась оставить за собой. Борьба разгорелась до такой степени, что Германии и Австро-Венгрии пришлось потратить достаточно усилий для предотвращения развала Четверного союза. Болгария требовала Добруджу ультимативно, грозя в противном случае выйти из союза, Турция же, аргументируя тем, что Добруджа завоевана ее двумя армейскими корпусами, соглашалась уступить яблоко раздора, лишь получив соответствующую компенсацию в виде куска болгарской территории. В результате многочисленных конференций австро-германской дипломатии удалось выработать формулу, которая и была принята, но которая никого не удовлетворила: Старая Добруджа была уступлена Болгарии, судьба же остальной ее части, для которой устан-

вливался временный кондоминимум всех держав Четверного союза, подлежала разрешению в будущем. Вопреки давлению Германии, Венгрии удалось аннексировать некоторые территории у Румынии, которая, в результате довольно искусно проведенной игры на вскрывшихся между державами Четверного союза противоречиях, компенсировала себя выходом к Черному морю и захватом Бессарабии. И Германия и Австро-Венгрия санкционировали этот захват, и, таким образом, жертвой Бухарестского мира, подписанного 7 мая 1918 г., но никогда не ратифицированного, в виду вскоре последовавшего выпадения Болгарии из ряда Четверного союза, оказались интересы Советской России.

Германское высшее военное командование не ошиблось, когда оценивало Брестский и Бухарестский мир, как мир вооруженный, и считалось с возможностью возникновения восточного фронта, тем более для держав Центральной Европы опасного, что на западе концентрировался ударный кулак для решительного наступления. Действительно, Антанта всячески пыталась восстановить восточный фронт, а советское правительство, в поисках противодействия агрессивности германского империализма, вступило с неофициальным американским агентом в переговоры, не давшие, однако, реальных результатов [1]. Именно в этой связи и следует, вероятно, понимать приветственную телеграмму Вильсона, полученную Четвертым Всероссийским чрезвычайным с'ездом советов. Брестский договор 16 марта был ратифицирован этим же с'ездом, а через несколько дней германским рейхстагом. Не восстановив военного фронта против Германии силами Советской России, Антанта стала пытаться сделать это, опираясь на антисоветские силы. Соперником Антанты в борьбе за эту опору была Германия, которая по отношению к Советской России вела двойственную политику, вытекавшую из позиции германского империализма: с одной стороны, борьба с показательным уроком социальной революции, с другой стороны, желание использовать заманчивые перспективы, открываемые Брестским договором, и, в первую очередь, скорейшее возвращение военнопленных и интернированных немцев, коих можно было бы, в условиях явного истощения человеческого материала, использовать на западном фронте, и получение возможности эксплоатации естественных богатств и сырья Советской России, всего того, в чем Германия ощущала такой острый недостаток в напряженной экономической войне. Эта двойственность политической линии германского империализма внешним образом отозвалась в том, что в то время как граф

---

[1] Alfred V. P. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia. New-York, 1924. P. 460—461.

Мирбах в Москве пытался ослабить экономическую блокаду Германии, а в Берлине министерством иностранных дел велись с допущенным туда полномочным представителем Советской России—Иоффе переговоры о дополнительных соглашениях политического, территориального, финансового и экономического характера,—Германия, с другой стороны, открыто поддерживала всех тех, кто с оружием в руках боролся с советской властью: в Финляндии—генерала фон-Маннергейма, на Украине—сначала Раду, а затем гетмана Скоропадского, на Дону—генерала Краснова и предполагала привлечь на свою сторону генерала Алексеева, в Грузии—меньшевистское правительство, которое поддерживалось тем более охотно, что таким образом Германия получала возможность добраться до кавказского сырья и эксплоатации проходящей через Тифлис железной дороги независимо от Турции (предварительное соглашение, заключенное в Поти 28 мая 1918 г.):—именно так аргументировало германское высшее командование свои действия и тем самым надлежащим образом охарактеризовало существующие между державами Четвертного союза отношения. Ненасытная в своих империалистических притязаниях, выявленных в переговорах о дополнительных соглашениях, Германия своими войсками, совместно с австрийскими, оккупировала бесконечные пространства восточных областей, преследуя цели раздробления соседней великой державы на востоке и надеясь вывезти отсюда как можно больше продовольственных запасов. Однако, из оккупированных областей экспортировались не только продовольственные грузы, но и революционные идеи, которые оказали на положение Центральных держав двоякое влияние: во-первых, благодаря их силе, т.-е. в результате различных форм сопротивления крестьянства и рабочих (особенно железнодорожников), количество вывозимого продовольствия далеко не достигало предполагаемой величины [1], а это не могло не отразиться на положении центральных держав, а во-вторых, они, эти революционные идеи, проникли и в среду оккупационных войск, откуда перекинулись на благодарную почву отечественной действительности и на западный фронт, который с лета 1918 г. уже был окончательно сломлен. Положение на Западе, вне зависимости от сознательной антивоенной пропаганды агитаторских кадров, имело революционизирующий характер, а факт смены в Германии в течение 15 месяцев трех канцлеров (после ухода Бетман-Гольвега, Михаэлис, Гертлинг и Макс Баденский) и переход к парламент-

[1] В общем, если верить Чернину, из Украины— с начала весны 1918 года до ноября 1918 г. всего было вывезено 42.000 вагонов продовольствия или 113.421 тонн (в Германию, Австро-Венгрию, Болгарию и Турцию).

скому режиму—все это внешним образом свидетельствовало о мощном напоре низших классов общества, о прорвавшихся наружу глубочайших процессах социальной борьбы, о нарушении социальной устойчивости. Германская революция явно наростала—Советская Россия ошиблась только в сроке, а каково было влияние Октябрьской революции, можно заключить из того, что наиболее законченные представители германского империализма (Гельферих, Людендорф и др.) впоследствии считали самой большой ошибкой отказ Германии от интервенции и подавления революции и политику переговоров с Советской Россией.

Если еще зимой 1916—1917 года, как показали Гинденбург и Людендорф перед Следственной Комиссией Германского Национального Собрания, военное командование видело в применении беспощадной подводной войны единственную возможность выиграть мировую схватку, то к лету 1918 г., уже совершенно ясно стало, что ставка на этот способ борьбы бита. Америка, в условиях, когда Россия из рядов Антанты вышла и когда своим энергичным вмешательством в решительный момент она предполагала в результате победы получить возможность диктовать свои условия не только Германии, но и Антанте,—стала транспортировать в Европу свои войска с такой быстротой, которая оказалась неожиданностью для Германии. К началу лета С. Штаты имели во Франции 15—20 дивизий, а вскоре общее количество американских войск возросло до 900.000 человек [1]. Одновременно французы ввели в бой большое количество цветных войск. Не только германская солдатская масса понимала безнадежность положения, но и оптимисты ex officio, Германский главный штаб летом 1918 г. перестал скрывать отсутствие всякой надежды на победу. Благоприятная для германских войск военная ситуация на западном фронте уже к концу марта 1918 г. была потеряна. Для восстановления ее было предпринято грандиозное новое наступление широким фронтом по обе стороны Реймса, которое закончилось сокрушительным контр-наступлением Антанты, особенно сильным на участке между Реймсом и Аррасом. Этот период военных событий, закончившийся

---

[1] О роли С. Штатов в войне дает некоторое представление следующая таблица:

Государственный доход		Расход	
1915/16. . .	1.153.044.639 долл.	1.072.894.093	долл.
1916/17. . .	3.882.068.711 „	3.083.467.791	„
Смета:			
1917/18. . .	13.647.716.161 „	18.775.919.955	„
1918/19. . .	5.176.060.460 „	12.804.034.440	„

(O. Krahl. S. 160).

лишь к середине августа, сделал для Германии необходимым дальнейшее отступление на старые Зигфридовские позиции и на примерах крупного масштаба вскрыл истинное отношение армии к беспощадной войне: началось то, что военное командование называло дезорганизацией армии. Солдатская масса на деле показала свое отношение к бессмысленно тянущейся войне: «Наши солдаты,—пишет генерал Людендорф в своих обстоятельных и интересных воспоминаниях, посвященных этим трагическим для германского империализма событиям,—сдавались отдельным неприятельским всадникам, сомкнутые части складывали оружие перед танком. Одной свежей дивизии, которая храбро шла в атаку, отступающие войска кричали: «Штрейкбрехеры» и „Kriegsverlängerer". Эти слова повторялись еще впоследствии. Во многих частях офицеры уже не имели никакого влияния и плыли по течению»[1]. Военное командование пыталось бороться всякими средствами, например, насаждением «политического просвещения», однако все это было паллиативом и не могло, конечно, противостоять нарастанию мощной революционной волны в тылу и на фронте. То, что поняла солдатская масса, лишь в результате сильного военного поражения начало понимать главное командование: безнадежность войны и необходимость скорейшего мира, заключением которого германское правительство предполагало предотвратить надвигающуюся революцию

Попытки завязать мирные переговоры с Антантой делались Германией неоднократно. Зондирование почвы через Гаагу, имевшее место еще летом 1917 г., оказалось безрезультатным, так как с германской стороны был дан слишком неопределенный и потому для Антанты неприемлемый ответ на публичный запрос Асквита о будущей судьбе оккупированной Бельгии. Попытка Ватикана (в августе 1917 г.) выступить посредником между воюющими странами повисла в воздухе. Далее обоюдного предварительного зондирования ничего не подвинулось и в Женеве, где в феврале 1918 г. состоялась встреча члена германского рейхстага Гауссмана с одним американцем (профессором Herron) и намечалась через одного голландского пацифиста другая встреча с тремя видными английскими парламентскими деятелями, сорвавшаяся, впрочем, благодаря тому, что английское правительство отказало в паспортах. В самом начале марта была, очевидно, сделана попытка договориться с Антантой в Гааге, где Макс Варбург, действовавший с ведома канцлера графа Гертлинга, вел переговоры через голландских дипломатов с американским посланником, однако, и это ни к чему не привело, так как со стороны последнего, в качестве

---

[2] Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918. Т. II. С. 241.

одного из главных предварительных условий мирных переговоров, было выставлено требование пересмотра Брестского договора, на что с германской стороны последовал отказ. Имеются сведения, что тогда же в Гааге, через других лиц, С. Штаты, в качестве необходимых условий для вступления Антанты в официальные переговоры с Германией, выставили требование обязательной эвакуации германских войск из оккупированной Бельгии и северной Франции, уплаты репараций, об'явления самостоятельности Эльзас-Лотарингии, отказа от Брестского мирного договора, передачи всех вопросов, касающихся Восточной Европы, на усмотрение созываемой Антантой мирной конференции и, наконец, полное изменение правительственной системы в Германии [1]. Принц Макс Баденский в своих мемуарах весьма низко оценивает точность этих сведений, которые, однако, в перспективе общего направления германской политики, в свете материалов, богато представленных в тех же мемуарах, все же могут иметь известное значение. Дело в том, что, с увеличением общих затруденний, в связи с напряжением внутреннего состояния государств Четверного союза и положения на фронтах, в руководящих кругах Германии все более явственно назревала политическая программа, которая ориентировалась на то, чтобы укреплением своего, полученного в Брест-Литовске, влияния на Востоке, компенсировать неизбежные, в виду невыгодно сложившегося соотношения сил, уступки Антанте на Западе.

В этом отношении весьма характерно состоявшееся 20 августа 1918 г. выступление статс-секретаря Зольфа, заявившего, что Германия ни в какой форме не собирается оставить Бельгию за собой, что «восстановлению Бельгии ничто не препятствует, кроме желания воевать, имеющегося у наших врагов», и охарактеризовавшего далее Брестский договор только как схему, конкретное содержание которой разработано лишь в самых общих чертах: «Германское правительство решило, что просимая (окраинами бывшей Российской империи.—А. Е.) и предоставленная защита не будет использована для насильственной аннексии» [2]. Это были новые слова, которые свидетельствовали о том, что германский империализм ищет выхода из создавшегося положения.

Развязка пришла, но, однако, совсем с другой стороны. Ненадолго утихшие бои снова возобновились дальнейшим наступлением войск Антанты на Зигфридовские позиции, при чем 12 сентября американские войска, которые за

---

[1] W. Foerster. Graf Schlieffen und der Weltkrieg. Berlin 1921. Dritter Teil. S. 79. Ср. Prinz Max von Baden S. 243.

[2] Prinz Max von Baden. S. 293.

один лишь август прибыли во Францию в количестве 350.000 человек, при поддержке французов и бросив в бой не менее тысячи танков,—повели наступление на германские позиции С. Мигиеля, к востоку от Мааса, пытаясь окружить германскую армию. Этого последнего американцам не удалось сделать во всей полноте, однако, позиции были заняты и победа была полная. Для преследования немецких войск, пытавшихся отразить или ослабить энергичное наступление Антанты, были брошены большие свежие кадры человеческого и богатейшие запасы технического материала. Наступление шло по всему западному фронту от Северного моря до Вогезов,—а значение этих военных событий и соотношение сил между воюющими сторонами было достаточно ясно: Германия за два дня конца сентября потеряла все то, что войска Антанты не смогли в прошлом году достичь в течение пятимесячной борьбы, пожертвовав громадными потерями. Одновременно в середине сентября, когда на западном фронте наступление Антанты на Зигфридовские позиции свидетельствовали о начале конца, свершилось падение Болгарии и Турции, столь еще недавно препиравшихся из за дележа Добруджи. Под ударами войск Антанты, революционного брожения (в армии появились советы солдатских депутатов), а также, вероятно, не без влияния деятельности дипломатии С. Штатов, с которыми Болгария официально в войне не находилась, болгарская армия распалась,—и таким образом, Четверной союз получил первую реальную брешь, тем более для держав Центральной Европы опасную, что их позиция на Балканах сразу оказалась сломленной: Антанта получила возможность произвести удар на Венгрию во фланг Австрии и Германии, ибо Италия готовилась к наступлению, в Румынии Бухарестским миром была создана обстановка весьма напряженная, а на благоприятное отношение Советской России Германия надеяться, конечно, не могла.

Брешь в системе Четверного союза тотчас же разрослась благодаря капитуляции Турции, которая потерпела решительное поражение в результате предпринятого 19 сентября наступления англичан в Сирии по всему фронту. Наиболее слабые из членов Четверного союза, вышли из строя. Первая наружная трещина в системе Четверного союза дана была Австро-Венгрией. Нараставшее в двуединой монархии революционное и сепаратистское движение вместе с внутренним истощением страны давно толкало австро-венгерское правительство в сторону заключения мира. Австрийские угрозы сепаратного мира во время брест-литовских переговоров были вполне реальны. Надежды на Брестский мир—«хлебный мир»—оказались преувеличенными. Двуединая монархия заколебалась в своих основах, а отношение к

Германии обострилось не только тем, что от последней перестала поступать помощь, но и тем, что при заключении дополнительных соглашений с Советской Россией—Австро-Венгрия оказалась оттертой на задний план,—черта весьма характерная для империалистического государства, которое остается верным самому себе даже на краю гибельной пропасти. 14 сентября австро-венгерский министр иностранных дел граф Буриан, сменивший на этом посту Чернина, сделал, без предварительного соглашения с Германией, прямое предложение всем воюющим державам открыть переговоры об условиях мира, но если Германия (20 сентября), Болгария (21 сентября) и Турция (24 сентября) ответили согласием,—то правительства Антанты встретили австрийское предложение весьма холодно, по-своему его истолковав: «Настоящее предложение,—заявил Бальфур от имени британского правительства,—не есть попытка перейти к мирному соглашению, но попытка ослабить силы, которые на фронте проявили себя слишком крепкими; предложение не может повести к миру». Германия, таким образом, стояла накануне катастрофы: отпадение Болгарии и Турции и вовсе недвусмысленная позиция Австро-Венгрии—все это означало крах системы Четверного союза; потрясение и начало распада всего фронта под сокрушающими ударами превосходных сил Антанты, получающей свежий приток американских подкреплений, в то время как в германских войсках, кстати сказать, не получающих пополнения, углублялся процесс антивоенного революционного брожения,—все это характеризовало положение на Западе,—между тем, как на востоке отношения с Советской Россией, а главное перспективы были только такими, какими они могли быть в результате Брестского договора и вынужденного дополнительного, заключенного в Берлине 27 августа 1918 г. договора, по которому советское правительство, на ряду с целым рядом уступок в территориальных и политических вопросах, обязалось уплатить «Германии для вознагражде-ния потерпевших от русских мероприятий германцев сумму в шесть миллиардов марок»[1]. Германия оказалась в военном отношении потрясенной, международно-политически изолированной, в условиях, когда изнутри раздавались первые раскаты революционной грозы. Необходимость «поддержания авторитета внутри государства»—такова была та главнейшая задача, которую имперский канцлер Гертлинг сформулировал еще в середине сентября, когда результаты наступления Антанты и нежелание германских войск воевать выявилось в полной мере. Предотвращение рево-

[1] Ст. 2 дополнительного финансового соглашения. См. Б. Е. Штейн. Торговая политика и торговые договоры Советской России 1917—1922. Гиз. 1923.

люции в самой Германии, заключение перемирия на Западе, как единственная возможность сохранить разбитую армию, и активная политика на Востоке по отношению к Советской России, как борьба с революцией и одновременно козырь в будущих переговорах с Антантой,—таковы были задачи, как они диктовались об'ективным пониманием вещей, правящих классов Германии. 31 сентября канцлер граф Гертлинг ушел в отставку, а затем принц Баденский, известный, как сторонник компромиссного мира, либерал, изобретатель «этического империализма» и как автор фразы о «мировой совести»—реальной опоры в деле достижения мира,—составил из представителей парламентского большинства кабинет, в который вошли и социал-демократы. Под сильнейшим напором военного командования новый кабинет решился, наконец, 3 октября отправить Вильсону ноту с предложением начать мирные переговоры на основе программы, выставленной американским президентом в его послании конгрессу от 8 января 1918 г. (т. назыв. 14 пунктов Вильсона об условиях мира) и в позднейших его декларациях, в частности от 27 сентября, и с просьбой немедленного заключения всеобщего перемирия. Независимо от этой ноты 5-го октября последовало аналогичное предложение от Австро-Венгрии. Основным требованием полученного ответа (нота государственного секретаря С. Штатов Лансинга от 5 октября 1917 г.) являлось предварительное очищение областей Антанты, оккупированных войсками Центральных держав. Германия эти требования принять согласилась (нота от 12 октября), однако, в ответ на это получила новое требование (нота 14 октября) предоставления дальнейших гарантий: обеспечения превосходства сил союзников на всех фронтах и прекращения подводной войны, а кроме того было заявлено, что конкретные вопросы очищения оккупированных областей «должны быть предоставлены суждению и мнению военных советников правительств С. Штатов и союзников», и сделано вильгельмовской Германии весьма многозначительное напоминание слов Вильсона (4 июля 1918 г.) о необходимости «сокрушения всякой основанной на произволе власти, которая может сепаратно, секретно и по своему единоличному усмотрению потрясти всеобщий мир».

Ответ на эти новые требования последовал лишь в результате напряженной борьбы, протекавшей между военным командованием, не соглашавшимся на предварительное прекращение подводной войны, и политическими руководителями, а также в среде этих последних. Не выдержавший германский империализм, изнутри подтачиваемый назревающим революционным движением, под ударами Антанты был вынужден быстро маневрировать, чтобы предупредить

свое крушение, однако, условия, порожденные всей системой Брестского мира, оказались тут для него мертвым грузом. Один из наиболее дальновидных германских политиков, будущий участник Раппальского договора, Вальтер Ратенау уже ранее, тотчас же после получения первой ноты Лансинга, представил план продолжения борьбы, первым пунктом которого обозначена была неотлагательная необходимость пересмотра Брестского договора[1]. В сложившихся тогда условиях все это было легче предложить, чем выполнить, так как план был рассчитан на то, что Германия еще сумеет продержаться некоторое время на территории противника, а Людендорф в этом смысле рассеял всякие сомнения: отступление было все равно неизбежно. Как видно из протоколов заседания германского военного кабинета, созванного 17 октября 1918 г.[2] для обсуждения положения в связи со второй нотой Вильсона, затруднения были не только или, вернее, не столько военно-технического порядка, сколько обще-политического: Германия накануне своего краха не могла выпутаться из того узла противоречий, который был так крепко завязан ею в Бресте. Германский империализм предполагал Брестским договором связать Советскую Россию, но в сложившихся условиях оказалось, что Брестским узлом стянуты его собственные руки. Перебросить войска с востока на запад генерал Людендорф считал невозможным до тех пор, пока не будет с Советской России взыскана вся контрибуция. С другой стороны, в виду хозяйственного значения Украины, еще более увеличивающегося в связи с необходимостью очистить Бельгию, германское военное командование считало невозможным эвакуировать отсюда войска, хотя содержание тут большой армии ни в какой мере не покрывалось экономическими выгодами оккупации. На восстановление Восточного фронта германское командование не рассчитывало, Красная армия была, с его точки зрения, слишком слаба, но революционизирующей роли Советской России была дана верная оценка, а этим оправдывалось содержание на Востоке большой армии, хотя, как было признано, противобольшевистский кордон сам подвергался заражению: германские солдаты, по свидетельству генерала Людендорфа, превращались в «русских большевиков». Есть много оснований предполагать, что все эти противоречия в сложившейся для императорской Германии ситуации охватывались все же единой политической линией, исходящей так или иначе из учета положения под углом зрения необходимости спасти монархию, соответствующим образом направляющей мероприятия военного кабинета и

---

[1] Pinz Max von Baden. S. S. 393—394. Brief an den Kriegsministe Scheuch. 9. Oktober 1918.

[2] Jb. S. S. 419—452. Sitzung der Kriegskabinetts 17. Oktober 1918

рассчитанной на определенный эффект в будущем. Борьба с революцией, с «большевизмом» стала главнейшей задачей германского правительства,—это достаточно ясно выступает во всех материалах, относящихся к данной эпохе. Вопрос сводился к методам политического действия. Адмирал Тирпитц, не совсем осведомленный об истинном положении вещей, даже в самом конце октября еще предлагал укрепить общее положение и предупредить развитие «большевизма» сильным ударом на Западном фронте [1]. Но руководящие политические круги, более осведомленные, чем отставленный адмирал, руководились иной политической методологией: в борьбе с революцией, нарастающей внутри Германии, стали опираться на привлеченную к власти социал-демократию, а борьбой с российской революцией предполагали вырвать некоторые уступки у Антанты, полная победа которой стала очевидной. В результате борьбы различных политических группировок, германское правительство поставило своей главной целью, как это совершенно ясно и неоднократно формулировал тогдашний канцлер [2], спасти, опираясь на социал-демократию, династию Гогенцоллернов. Отсюда вытекает политическая линия, получившая свою реализацию в практике германского правительства, которое шло на тяжелый мир, надеясь спасти корону и предупредить развитие «большевизма».

Германское правительство в своей третьей (от 20 октября) и на новые требования Антанты согласилось, заметив при этом, дабы снять с дискуссии вопрос об императоре, что оно является правительством ответственным. С. Штаты, не удовлетворившиеся этим, в ноте от 23 октября пред'явили такие предварительные условия для перемирия, которые означали требование полной капитуляции Германии: «Если же С. Штатам придется теперь вести переговоры с военными властями Германии и ее монархом, то они будут требовать не мирных преговоров, а сдачи».

Первые взрывы германской революции дали событиям ускоренный темп. Возмущение частей военного флота в Киле в связи с приказом выйти в открытое море (28 октября), вылившееся тотчас же (30—31 октября) в восстание, охватившее весь флот,—получило революционно-организационную форму в виде советов рабочих и солдатских депутатов. Революция перекинулась в Ганновер, Гамбург, Шверин и др. города, народные массы забирали свою судьбу в собственные руки, и германское правительство,, которое не смогло подавить стихию революции, дабы не выпустить из своих рук руководящего значения, очевидно, надеясь еще

---

[1] A. Tirpitz. Deutschlands Ohnmachtspolitik im Weltkriege. S. 619 f. Zweiter Brief an Max Prinz von Baden. 30. Oktober 1918.

[2] Prinz Max von Baden. S. S. 495,614 и др.

не быть сметенным, решилось при полном одобрении верховного командования, как это подчеркивает Эрцбергер, выкинуть белый флаг и отправиться к маршалу Фошу на капитуляцию. И уже тогда, когда решение это было принято, получилось от американского государственного секретаря Лансинга (5 ноября) согласие вступить в переговоры на основе принципов, изложенных Вильсоном в обращении к конгрессу от 8 января 1918 г.,—однако, с тем непременным условием, что право интерпретации остается за Антантой, и «что Германией будет дана компенсация за все убытки, причиненные гражданскому населению союзников и их имуществу вследствие нападения Германии на суше, на море и с воздуха».

Основное направление германской политики данного остропереломного момента достаточно выпукло выступает в том, что одновременно с решением капитулировать перед Антантой последнее правительство Германской империи создало в отношении Советской России такое положение, которое германскими милитаристами оценивалось как возобновление состояния войны. Разрывом дипломатических отношений с Советской Россией, состоявшимся 5 ноября, германское правительство предполагало изолировать нарастающее революционное движение от Октябрьской революции, а борьбой с революционной Россией—купить себе благосклонность Антанты. Принц Макс Баденский еще в начале 1918 г. публично выступил с многозначительной концепцией о германской миссии бороться с восточным большевизмом, как врагом всей западной цивилизации. При первых раскатах германской революции он получил в этом поддержку социал-демократов, которые теперь подсказали даже предлог разрыва с Советской Россией: «Шейдеман находился теперь всецело в заботах об угрозе большевизма, которые он еще в начале октября осмеивал как мещанскую истерию,—пишет последний канцлер Германской империи.—28 октября после большого заседания, он вместе с Древсом настаивал на том, чтобы установить строгую слежку за русским посольством и его связями. Тот же самый Шейдеман был инициатором внезапного вскрытия курьерского мешка на Шлезвигском вокзале и предложил в качестве угрозы прекратить поставки угля России»[1]. День разрыва с Советской Россией не случайно был тем днем, когда из Вашингтона получено было согласие приступить к мирным переговорам и когда вожди германской социал-демократии, боясь потерять влияние в массах, требовали отказа императора Вильгельма от престола, а не желая углубления революции, пытались настоять на введении демократической

[1] Prinz Max von Baden S. 523. Эти сведения подтверждаются и генералом Гренером.

монархии. «Я вам советую, генерал,—заявил будущий президент германской республики представителю правительственной и военной власти,—принять еще раз самые срочные меры к спасению монархии и предложить одного из принцев на пост регента» [1]. «Если кайзер не передумает,—заявил Эберт принцу Максу Баденскому,—то социальная революция неизбежна. Я ее не желаю, для меня она ненавистна, как смертный грех» [2]. Попав между молотом победившего империализма Антанты и наковальней революционной России, запутавшись среди противоречий, созданных собственными руками в Бресте, в условиях, когда в самой Германии поднялась могучая революционная волна, угрожающая не только династии, но и всему социально-политическому строю, побежденный германский империализм надеялся получить хотя бы минимальные условия для своего существования, выступив в качестве активного агента мирового империализма в борьбе против революции, организованной в государство. «Об очищении областей на востоке вопрос (на совещании с ген.-фельдм. Гинденбургом.—А. Е.) не поднимался, и я думаю, что в данном случае Антанта признала бы опасность большевизма, которая угрожала также и ей»—это генерал Людендорф говорит всеми словами [3].

Однако реализовать намеченную политическую линию императорской Германии не удалось. Выступление в качестве агента Антанты в борьбе с Советской Россией было парализовано революционным выступлением в самой Германии. 9 ноября империя в Германии рухнула, через два дня в Компьенском лесу, близ Ретонд, между Антантой и Германией было подписано перемирие, а еще через два дня в Москве Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет аннулировал Брест-литовский договор. Если программа дореволюционного германского правительства борьбы с революционным Востоком в целях смягчения своей участи перед лицом империализма Антанты имела свой исторический, т. е. относительный и событиями преодоленный raison d'être то вся геополитическая конфигурация и расстановка во времени только что названных событий имеет свой исторический и для всего периода завершающий смысл, который в отношении к Советской России может быть уложен в одну формулу:

«Ленин уступил пространство, но выиграл время».

---

[1] Jb. S. 523. Ср. Der Dolchstossprozess. Nach den Berichten von Ewald Beckmann. München 1925.

[2] Prinz Max von Baden. S. 600.

[3] Людендорф. Мои воспоминания о войне. 1914—1918. II, стр. 273.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«КАРФАГЕНСКИЙ МИР»

«Нужно сделать что-нибудь новое, но чтобы это не было ни милитаризм Бисмарка, ни большевизм Ленина. Для этого необходимо прочное военное положение, большое чувство меры и вера в народ, выражающаяся в демократизме без анархизма»[1]. Так писал историк и бывший министр иностранных дел Франции Габриэль Аното в своей докладной записке, поданной в генеральный штаб 11 ноября 1918 года, т. е. в день подписания германской капитуляции, именуемой условиями перемирия, и за два дня до аннулирования советским правительством Брестского договора и всех последующих соглашений, навязанных стране Советов германским империализмом. Время составления и содержание этой записки имеет свой политический смысл, а заключенные тут суждения приобретают свой истинный характер и программную значительность в свете тех общих и основных проблем, которые встали перед империалистической группировкой, именуемой Антантой, — а, главным образом, перед политикой французского империализма, тогда, когда нужно и можно было приступить к реализации своей победы, зафиксированной в Компьенском лесу. Если угодно, в предложенной политической формуле можно уловить, правда, в весьма схематичном, сконденсированном виде, ту основную линию, которая проложена была в результате борьбы различных сил и элементов на Парижской конференции «Союзных и об'единившихся держав», собравшейся 18 января 1919 года, чтобы в результате войны, охватившей большую часть человечества и преобразовавшей всю систему мировых отношений, выработать условия мира. Когда Клемансо, фактически установивший во Франции свою диктатуру, перефразировав афоризм Бернгарди, сказал, что этот мир будет все той же войной, но продолженной другими средствами, он этим самым выдал секрет будущего Версальского трактата и той позиции,

---

[1] Gabriel. Hanotaux. Le Traitè de Versailles du 28 juin 1919. L'Allemagne et l'Europe. Paris. 1919. p. 174.

которая занята была французской политикой на Парижской конференции. Но этот разоблаченный секрет требует своего дальнейшего рассмотрения и наполнения конкретным содержанием, ибо весь вопрос в том, каковы эти средства, против кого они направлены и, далее, кто, в какой обстановке и в каких целях этими средствами пользуется? Выраженная в отрицательных терминах вышеприведенная программная формула Габриэля Аното тем и характерна, что в ней, в момент низвержения германского империализма, схетично указано направление дальнейшей борьбы, как оно понималось представителями французского империализма и как оно действительно впоследствии реализовалось в работах Парижской, считавшей себя мирной, конференции, собравшейся для разрешения сложнейших проблем мирового жизнеустроения. Судьба Германии—эта центральная проблема сразу выступила для побежденной Антанты в своей неразрывной связи с проблемой большевизма, вопрос о Центральной Европе стал рассматриваться под углом зрения связи с Восточной Европой. А к такой постановке вопроса, удачно выраженной Аното, обязывала вся сложившаяся ситуация, интересы же победившей империалистической группировки определяли и тот угол зрения, под которым воспринимались развертывающиеся события, и те методы борьбы, которые были предложены или использованы. Мощное развитие революционного движения, охватившее всю Восточную и Центральную Европу, установление советского режима в России, быстрая радикализация рабочего класса в побежденных странах, рост спартаковского движения в Германии, радикально-социалистического в Австрии, провозглашение советского строя в Баварии и Венгрии, наконец, сильное забастовочное движение в Англии, Франции, Италии,—такова была общая социально-политическая обстановка, на фоне которой работала Парижская конференция. «При каждом новом повороте переговоров,—пишет председатель американского комитета печати на Парижской конференции, сравнивая последнюю с Венским конгрессом,—поднимался с Востока, подобно мрачной туче, призрак хаоса, грозивший охватить и уничтожить весь мир. В Вене не было России, стучавшей в дверь. В Вене, очевидно, не было революции, которая неустанно грозила Парижу»[1]. И Париж, собиравшийся разрешить Германскую проблему,—понимая под этим весь комплекс вопросов европейской и колониальной политики, вынужден был одновременно предпринять шаги к разрешению проблемы, вы-

---

[1] Ray Stannard Baker. Woodrow Wilson and World Settlement. Volume I. New-York 1923. p. 102. Русский перевод: С. Бекер. Вудро Вильсон, Мировая война и Версальский мир. Библиотека современных мемуаров 1923. Стр. 130.

двинутой интенсивным и экстенсивным ростом того, охватившего всю Европу, движения, которое разразилось Октябрьской революцией в России и стало подступать к его—Парижа—собственным предместьям. Российская революция, организованная в Советское государство, представляя собой наиболее действительный пример борьбы рабочего класса и исторического преодоления парламентаризма, сразу стала в центре внимания Парижской конференции, для которой проблема крушения центрально-европейских империй, низвержения германского империализма оказалась неразрывно связанной с проблемой революции на Востоке, с проблемой Советской России. Реально-политическая связь обеих проблем для победившей империалистической группы держав была так ясна, что она выразилась даже в хронологическом их выдвижении: уже через три дня после начала работ конференция, собравшаяся для выработки условий мирного договора с Германией, обсуждала вопрос об отношении к Советской России [1]. Эта непосредственная связь между двумя основными проблемами, выдвинутыми фактом поражения Германии и победы революции в России, совершенно отчетливо рисовалась победившей Антанте, перед которой встала задача не только добить и обессилить своего наиболее мощного врага и соперника на мировом рынке—Германию, но и одолеть новую могучую и опасную силу. В каждом элементе сложного комплекса вопросов, выдвигаемых на Парижской конференции так или иначе отражалось, как в смысле постановки, так и в смысле общего его разрешения, это двойственное направление генеральной политической линии, определявшееся фактом поражения германского империализма и победы российской революции. Вокруг каждого из этих вопросов протекала напряженнейшая борьба между тремя руководящими силами—Францией, Великобританией и Америкой. Фактом краха Четверного союза определялась и перестановка сил в системе: Антанта—Германия—Советская Россия, вскрылись основные противоречия интересов в стане самой Антанты,—и это неизбежно проявлялось на Парижской конференции, в работах которой над мирным договором с Германией так или иначе отражалась и проблема борьбы с Советской Россией. В этом отношении весьма характерно то, что и Вильсон, и Лансинг, эти выразители различных и противоположных линий американской политики, считали договор с Германией первой предпосылкой успешной борьбы с обще-европейским революционным движением [2], с «ядом большевизма», за

[1] Temperley. A History of the Peace Conference of Paris. Vol. VI. London 1924. p. 312.

[2] Robert Lansing. Die Versailler Friedensverhandlungen. Berlin 1921. S. 83.

новый порядок, устанавливаемый «по возможности добром, если потребуется — злом». К этой оценке, на которой сошлись представители двух борющихся в американской действительности сил, могли бы примкнуть и все другие участники Парижской конференции, — но весь вопрос заключался в том, каковы будут реальные условия вырабатываемого договора, а в связи с этим и вопрос о том, каковы будут методы борьбы. И тут, на пути к установлению этих основ и этих методов, и разгорелась внутренняя борьба между главными победителями, ибо граница их единства — полная капитуляция Германии — была предварительно достигнута условиями перемирия.

Уже самый факт принятия нотой от 5 октября 1918 г. в основу будущих мирных переговоров четырнадцати пунктов программы Вильсона — свидетельствовал о том, что германский империализм, ведя войну на чужой территории, вынужден отказаться от своих аннексионистских замыслов и готов итти на такой компромисс, который являлся для него тяжелым ударом. Еще не так давно от ответственных представителей германской политики трудно было добиться вразумительного ответа о будущей судьбе Бельгии. Если получаемый ответ и звучал недвусмысленно, то только так, что можно было различить германские планы вассализировать Бельгию. Теперь, принимая программу Вильсона, как основу для мирных переговоров с Антантой, — если исключить весьма туманные пункты (к тому же дающие возможность весьма различного и широкого толкования фактически той силе, которая завоюет это право) об уничтожении тайной дипломатии, о свободе судоходства на морях вне территориальных вод, о «свободном чистосердечном и абсолютно беспристрастном разрешении всех колониальных вопросов», об «устранении, насколько это возможно, всех экономических барьеров и установлении равенства условий для торговли всех наций, — стоящих за мир и об'единяющих свои усилия к поддержанию такового», о Лиге Наций, — Германия соглашалась итти на большие уступки, ибо соответствующие, более реально и конкретно очерченные пункты означали: эвакуацию и восстановление Бельгии, отказ от попыток ограничить ее суверенитет, эвакуацию всей французской территории и возвращение Франции областей Эльзас-Лотарингии, распад Австро-Венгрии и расчленение ее территорий на новообразующиеся национальные государства, эвакуацию Румынии, Сербии и Черногории, автономию для национальностей, живущих под властью Оттоманской империи, свободный проход для всех судов через Дарданеллы. Вильсоновские пункты, касавшиеся позиции Германии на Востоке Европы, означали отказ от Брестского и Бухарестского мира, отказ от Познани, части

Силезии и предоставление доступа к морю в пользу создаваемого независимого Польского государства.

Между первой нотой германского правительства, выражающей согласие вступить в мирные переговоры на упомянутых условиях, и фактическим подписанием перемирия прошло, как известно, более месяца,—и это время было хорошо и сознательно использовано Антантой в целях получения реальных гарантий германской капитуляции. Отвечая вынужденным согласием эвакуировать занятую территорию, германское правительство (в ноте от 12 октября) подчеркивало, что «целью при вступлении в переговоры является только соглашение относительно практических деталей осуществления вышеозначенных (т. е. вильсоновских.—А. Е.) условий». Оно, таким образом, старалось формально закрепить в виде, так сказать, контракта тот максимум уступок, который в условиях реального соотношения сил, в том числе эвакуации занятых областей,—легко, под напором Антанты, мог обратиться в минимум. Весь политический смысл целый месяц продолжавшихся германо-американских переговоров о перемирии сводился, между прочим, к тому, что Германия старалась формально застраховать себя от предстоящего на мирной конференции дальнейшего напора противника, а Антанта старалась реально застраховать себе возможность диктовать условия повергнутому врагу. Этим последним и об'ясняется требование Вильсона и всей стоящей за ним Антанты (выраженное во второй ноте от 14 октября) того, чтобы выработка деталей перемирия была предоставлена военным советникам С. Штатов и союзников, чтобы была обеспечена полная невозможность возобновления военных действий со стороны Германии, чтобы подводная война была прекращена. Следующая нота (от 29 октября) еще более определенно требовала такого перемирия, «которое дало бы С. Штатам и союзным державам возможность провести силой всякое условие, какое может быть ими выдвинуто, и которое сделало бы возобновление враждебных действий со стороны Германии невозможным». И когда, наконец, германское правительство, стараясь предупредить революцию, спасая династию, вынуждено было, всячески обходя недвусмысленные и настойчивые намеки Вильсона об отречении Вильгельма, согласиться на все заранее обессиливающие Германию условия перемирия,—Антанта пред'явила еще два требования, вводя две оговорки: в первой Антанта оставляла за собой право толкования принципа свободы морей, а вторая гласила следующее: «В мирных условиях, изложенных в обращении к Конгрессу от 8 января 1918 г., президент об'являет, что занятые неприятелем территории должны быть восстановлены, равно как территории эвакуированные

и освобожденные. Союзные правительства считают, что не должно быть никакого сомнения относительно этой оговорки. Они понимают под ней обязательство Германии возместить весь ущерб, причиненный гражданскому населению союзников, равно как и его имуществу, ее нападениями на суше, на море и с воздуха»[1]. Приняв эти оговорки, Германия потеряла последнее—формальную позицию, закреплявшуюся в переписке с Америкой о перемирии, дающую призрачное право не итти на дальнейшие существенные уступки. Реальная позиция была уже безнадежно потеряна и, следовательно, занята Антантой, которая условиями перемирия предвосхитила будущие условия Версальского договора и получила неограниченную со стороны Германии возможность дальнейших нажимов. Кроме эвакуации занятых областей, выдачи большого количества военных материалов, орудий, транспортных средств, немедленной репатриации без взаимности всех военнопленных, принадлежащих к армии союзников и С. Штатов, германское правительство согласилось эвакуировать свои армии из местностей левого берега Рейна, которые были заняты войсками победителей, признало право Антанты на «возмещение убытков» и согласилось выполнить еще целый ряд обязательств финансового и военно-стратегического характера, которые превратили предварительную германо-американскую переписку, рассматривавшуюся побежденной страной, как гарантийный контракт,—именно с этой точки зрения, в куски ни к чему победителей не обязывающей бумаги. Все рычаги для давления на Германию перешли в руки Антанты. Германия из суб'екта самостоятельной мощной империалистической политики превратилась условиями перемирия в об'ект империалистической политики союзных и об'единившихся держав, которые создавшееся положение тотчас же постарались использовать для своих собственных целей и, в первую очередь, для борьбы с Советской Россией. Последняя надежда германских империалистов—добиться облегчения условий капитуляции на Западе взамен предоставления Антанте сил для борьбы на Востоке—рухнула. Планы, рассчитанные на ту компенсацию, которую предполагалось получить на Востоке взамен потерь на Западе и в колониях, были, конечно, весьма сообразительны для германского империализма: аннексия больших территорий, экономическая экспансия в страну, в которой в довоенное время германский ввоз стоял на первом месте и

---

[1] Materalien, betreffend die Friedensverhandlungen. Teil I. Amtlicher Text. Der Notenkampf um den Frieden in Versailles. Charlottenburg 1919. N. I. S. 5.

которой были навязаны тягчайшие соглашения финансового и иного характера,—все это могло возместить потери. Но эти планы и расчеты не могли осуществиться. Брестский мир был аннулирован советским правительством, а отказаться от него заставила Германию Антанта, которая уже в условиях перемирия потребовала эвакуации германских войск из территории бывшей Российской империи, но вместе с тем сделала существенную оговорку о том, что эта эвакуация должна состояться «как только союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий». Эта оговорка вместе с требованиями предоставления союзникам свободного доступа на территории, эвакуированные немцами на восточных границах, либо через Данциг, либо через Вислу,— означала то, что Антанта, не давая побежденной Германии никакой компенсации, старалась немедленно использовать ее в своих целях для борьбы с Советской Россией. Предприняв интервенцию против Советской России под предлогом борьбы с Германией [1], Антанта теперь стала пользоваться германскими войсками для поддержки своей интервенции. В условиях перемирия для Германии стало не автономным правом, а вмененной обязанностью оставаться в оккупированных ею на Востоке областях для борьбы с Советской Россией, при чем иногда, как например, в Николаеве, деятельностью германских войск руководили представители союзного командования [2]. Однако эта политика Германии на Востоке никакими компенсациями со стороны Антанты не окупилась. Франция явно затягивала начало работ мирной конференции, отодвигала демобилизацию своей армии, стараясь превратить условия будущего договора в fait accompli. Неоднократно возобновляемое соглашение о продлении перемирия между союзниками и Германией сопровождалось обязательными дальнейшими захватами. Оккупация нейтральной зоны правого берега Рейна, оккупация сектора Страсбургских укреплений, т. е. захват Эльзас-Лотарингии, богатейшего каменным углем Саарского района и глубокого клина правобережной территории Рейна, таковы были новые требования Антанты и уступки Германии, положенные

---

[1] Президент комитета иностранных сношений сенатор Хичкок называл в качестве одной из причин отправки в Россию американских войск — необходимость воспрепятствовать созданию в Архангельске базы подводных лодок. Телеграмма Народного Комиссара по иностранным делам РСФСР Чичерина на имя государственного секретаря С. Штатов Америки от 12 января 1919 г.

[2] Протест против пребывания иностранных войск на Украине. Обращение Председателя Временного Рабоче-Крестьянского Правительства и Народного Комиссара по Иностранным делам Украины Раковского на имя Французского, Великобританского, Итальянского, Японского и Американского правительств 6 февраля 1919 г.

в условия дальнейшего продления перемирия [1]. Сюда же, к условиям территориального порядка, относится запрещение переходить установленную линию в Восточной Пруссии, что означало отторжение от Германии Познани в пользу Польши. Тем же соглашением о продлении перемирия Германия вынуждена была согласиться отдать весь свой торговый флот под контроль и под флаг союзных держав и С. Штатов. Победители аргументировали это требование необходимостью «обеспечить снабжение Германии и остальной Европы продовольственными припасами», а между тем жесточайшая блокада, которой была окружена Германия, еще долго не прекращалась, так как Антанта видела в этом лишнее средство физически задушить своих побежденных противников. И лишь в конце апреля блокада была снята вопреки Франции и по настоянию Америки: «Мы не верим, что блокада могла бы быть действительным инструментом водворения мира,—аргументировала одна докладная записка, поданная Вильсону,—но она вполне действительна для усиления большевизма» [2]. С принятым решением аргументация эта нисколько не вязалась: дело в том, что блокада по отношению к «большевистской России и большевистской Венгрии» осталась в силе. Это последнее решение было одним из логических выводов всей политической линии в отношении Советской России. Но в данном случае важно отметить то, что для империалистической Антанты проблема отношений к побежденной Германии так или иначе, но неизбежно упиралась в проблему борьбы с революционным движением, — и в первую очередь с Советской Россией. В этом отношении характерно также навязанное Германии, в качестве одного из условий продления перемирия [3], требование допустить в Берлин военную комиссию для контроля над русскими военнопленными и для урегулирования их репатриации, т. е. для переотправки их в контр-революционные армии, борющиеся с Советской Россией [4].

Германский империализм, запутавшийся в противоречиях, созданных собственными руками в Брестском мире, изнутри взорванный могучей революционной волной, был низвержен и теперь физически обезоружен первоначальны-

---

[1] Соглашения о продлении перемирия в Трире от 13 декабря 1918 г., 16 января и 16 февраля 1919 г.

[2] Sidney Brooks. Amerika and Germany 1918—1925. New—York. 1925. p. 41.

[3] § 4 соглашения о продлении перемирия, заключенного в Трире 16 января 1919 г.

[4] Нота Народного Комиссара по иностранным делам РСФСР Чичерина, адресованная правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и С. Штатов в связи с условиями соглашения о продлении перемирия с Германией. 21 января 1919 г.

ми и последующими условиями перемирия. Мелкие державы и впоследствии даже Италия были оттерты от непосредственного участия в выработке условий мирного договора, а побежденный противник, впервые в истории нового времени, вовсе не был приглашен к работам конференции. Три великих державы—Франция, Великобритания и С. Штаты—забрали в свои руки руководство конференцией и судьбы побежденных,—и уже в том порядке выдвижения на первый план проблем, как и в их постановке,—который рекомендовался каждой из этих держав, сказался специфический индивидуальный интерес и проявлялись вскрывшиеся между ними противоречия. Воспользоваться этими противоречиями, повторить политику Талейрана Германии не удалось, ибо у нее не имелось необходимой базы для маневрирования, для активного вмешательства. Говоря об этом, следует иметь в виду не техническую невозможность, столь понятную, в условиях, когда представители германского правительства не были приглашены в Париж, а нечто неизмеримо большее: общую социально-политическую ориентацию тех сил, в руки которых попала власть после ноябрьской революции и которые, прибегая к самой беспощадной борьбе, эту власть удерживали, дабы не допустить ломки социально-экономических отношений. Германия, загнанная в тупик и искавшая выхода, стояла на историческом перепутьи, и выбор из двух основных, открывающихся перед ней, направлений в международной политике в последнем счете определялся тем, какая социальная сила выйдет победителем из бурлящего котла революционной борьбы. Победа спартаковцев означала бы провозглашение в Германии советского строя, и перед германской внешней политикой тотчас же открылась бы перспектива ориентации на Восток. Для Антанты создалась бы самая страшная комбинация: политический и военный союз Советской Германии и Советской России. Однако новая комбинация была страшна не только для империалистической Антанты, но и для побежденной германской буржуазии, которая в борьбе с социальной революцией поддерживала социал-демократическое правительство. Борьба за направление внешней политики Германии является как бы продолжением внутренней социально-политической борьбы классов: поскольку в условиях революционной борьбы внешне-политическая ориентация на Советскую Россию лежала через социальную революцию, правящие классы Германии не могли получить широкой базы для самостоятельной политики противодействия Антанте и стали на другой, противоположный путь: борьба с социальной революцией, восстановление социальной устойчивости капиталистических отношений, восстановление и консолидация кредита, как условие привлечения

интересов американского банковского капитала, получение займа, который облегчил бы дальнейшую борьбу с революцией и дал бы возможность внешне-политически опереться на С. Штаты и тем самым добиться уступок в мирных переговорах с Антантой. Это круговое сплетение внутренне и внешне-политических линий правящих классов Германии очень хорошо выражено было в той политической программе, которая предложена была в виде секретного документа вступающим в обязанности министра иностранных дел графом Брокдорф-Рантцау и которая, очевидно, была принята правительством Шейдемана. Программа эта в основном сводилась к четырем пунктам: установление такой внутренней ситуации, которая означала бы кредитоспособность Германии и позволила бы получить американский заем, образование республиканской армии, внешне-политическая ориентация на С. Штаты и защита программы Вильсона и, наконец, ограничение сферы компетенции советов рабочих и солдатских депутатов [1]. Внутренне-политическая линия борьбы с социальной революцией за стабилизацию капиталистических отношений вела, таким образом, в области внешней политики к ориентации на Америку и к поддержке приемлемой в данных условиях программы вильсонизма. И еще две черты иллюстрируют эту общую социально-политическую ориентацию: германское правительство не упускало случая подчеркнуть, как бы желая этим рассеять всякие сомнения и опасения у Антанты и в Америке, что оно опирается не только на рабочую демократию, но и на буржуазные классы народа, а с другой стороны, выступило с требованием интернационального регулирования социального вопроса. Полученный в Брест-Литовске от советской дипломатии урок не прошел, очевидно, бесследно: своим лозунгом интернационального рассмотрения вопроса о социальном освобождении рабочего класса германское правительство как бы апеллировало к европейской демократии, надеясь тут снискать себе поддержку. Развитая при этом аргументация сводилась по существу к тому, что обращение к социальному вопросу диктуется предостерегающим примером русского большевизма [2], — черточка, лишний раз акцентуирующая общее направление политики германского правительства. Политический курс на Америку и поддержка вильсонистской программы, как база противодействия дальнейшим требованиям Антанты,

---

[1] Graf Brockdorf—Rantzau. Dokumente. 1920. S. S. 7-12. Promemoria. Anlage zum Schreiben an den Volksbeauftragten Scheidemann. 9. Dezember 1918.

[2] Graf Brockdorf - Rantzau. Dokumente. S. S. 54—56. Programmrede vor der Verfassunggebenden Deutschen National—Versammlung. 14. Februar 1919.

перспектива вступления в организуемую Лигу Наций в качестве равноправного члена, поиски моральной поддержки широких кругов европейской демократии и дипломатической поддержки нейтральных стран,—таково было на первых порах общее направление официальной германской политики. Чтобы снять с себя, навязываемую Антантой, виновность за войну, германское правительство всячески подчеркивало свою новую социальную природу,—однако в своих отношениях к Советской России оно продолжало прежнюю, еще до революции установленную политическую традицию. Это выразилось не только в демонстративном отказе от партии хлеба, посланной Советской республикой голодающим Германии, но и в общей программе и конкретных высказываниях ответственных руководителей германской политики. Противодействуя польскому движению на Востоке, германское правительство призывало поляков не срывать общего фронта против «большевистского империализма»[1]. Регулировать свои отношения с Советской Россией официальная германская политика в это время считала возможным только идя по стопам Антанты[2]. Ставка поставлена была на помощь американского капитализма, при поддержке которого, опираясь на принципы вильсонизма, закрепленные, как основа для мирных переговоров, в германо-американской переписке о перемирии, германская политика рассчитывала получить приемлемый мир, сделать минимум территориальных уступок, так или иначе сохранить за собой колониальные владения, получить возможность восстановить свой полуразрушенный народно-хозяйственный организм и свою заморскую торговлю. Повернувшись спиной к Востоку, правящие классы Германии искали выхода в Америке, однако, ничего не нашли, кроме того тупика, который создан был на Парижской конференции в виде системы Версальского мира.

Американские принципы вильсонизма в своей наиболее абстрактной, не обязывающей и привлекающей, как соломинка утопающего, форме сыграли свою роль и либо были вовсе отставлены, либо стали наполняться конкретным содержанием реальных экономических и политических интересов, как они понимались правящими классами Франции, Великобритании, С. Штатов и Италии.

Американский империализм, развернувший свою бурную и, казалось, неисчерпаемую активность в экономической, финансовой, военной и продовольственной помощи Антанте в ее борьбе с Германией, проявил относительную пассивность в своей политической деятельности на Парижской конференции. Германия была побеждена, условия во-

[1] Graf Brockdorf—Rantzau. Dokumente. S. 51.
[2] Graf Brockdorf—Rantzau. Dokumente. S. 60.

зобновленного перемирия закрепляли победу Антанты,—и уже в этом одном интересы американского империализма казались удовлетворенными. Крушение германского империализма рисовало перспективы господства и значительного увеличения удельного веса экономических интересов С. Штатов там, где Германия ранее выступала грозным конкурентом, означало ликвидацию опасного, деятельного, исторически-испытанного члена или организатора антиамериканской коалиции [1], означало, наконец, то, что государства победившей группировки—именно как победители, смогут выполнить все свои обязательства, смогут выплатить свои долги и проценты по ним. Активность американской политики по выработке мирного договора с Германией проявлялась больше, так сказать, с отрицательной стороны, т. е. тогда, когда приходилось бороться с такими слишком далеко идущими претензиями или требованиями партнеров по игре—Франции и Великобритании,—которые, чрезмерно усилив эти первоклассные силы мировой политики. могли бы в будущем сделать их опасными соперниками. Относительная пассивность и уступчивость американской политики отчасти об'яснялась еще тем, что к началу мирной Парижской конференции американские войска были на французской территории лишь островком, окруженным могучими и многочисленными армиями Антанты. Вильсон своим предложением поставить на первом плане занятий Парижской конференции вопрос о Лиге Наций и в дальнейшем разрешить под этим углом зрения вопрос о мирном договоре с Германией вначале было смешал все карты своих партнеров. Та формула о Лиге Наций, которая имелась в его 14-ти пунктах программы, была слишком неопределенна и больше всего рассчитана на моральное влияние, которое она могла оказать—и оказала—на усталые, жаждущие мира народные массы Центральной Европы. Но привезенные Вильсоном в Европу противоречивые и неразработанные планы организации Лиги Наций, скомпанованные в форме общих мест, этических оснований и нечетких суждений, выражали в своей внутренней, сокровенной социологической ткани реально-политические тенденции американского финансового капитала выйти за пределы своего материка и получить в форме новой организации такую опору, которая позволила бы установить систему европейского равновесия и была бы рупором американского влияния в Европе и, следовательно, в таком центре, вокруг которого переплелись главнейшие проблемы мировой политики. «Только Лига Наций могла дать Америке после войны (не требуя новых вооружений)

[1] См. нашу статью «Германо-американские отношения в конце XIX века». Журнал «Мировое Хозяйство и Мировая Политика». 1926 г. № 10—11.

все то, за что она, главным образом, воевала: мир и спокойствие» [1], — так пишет американский апологет вильсонизма, выражая в форме пацифистской сентенции по существу те же самые черты в направлении интересов американской политики, которые проявились в следующих принципах, формулированных и рекомендованных одним из непримиримых врагов вильсонизма, американским секретарем по иностранным делам Робертом Лансингом: «Когда будут устранены войны и во взаимоотношениях различных народов будут царить правовые основы,—в мирном договоре должны быть выражены три доктрины. Эти доктрины следующие: «Руки прочь», «Открытые двери» и «Гласность». Первая из этих доктрин базируется на земельном владении и праве отдельного народа; вторая—на мировой торговле и мировом хозяйстве, и третья — на международных соглашениях» [2].

Именно утверждение этих доктрин означало бы создание таких об'ективных условий, которые способствовали бы внедрению влияния заморского империализма на весь комплекс европейских, а следовательно, и колониальных дел. Вильсоновский план Лиги Наций рассчитан был как бы на то, чтобы включить весь мир в круг действия американской доктрины Монро. В таких условиях всякое нарушение равновесия в системе европейских отношений означало бы американскую интервенцию. Но подобное расширение действия доктрины Монро неминуемо подорвало бы ее американский характер, т. е. систему политической самоизоляции. Гарантия «территориальной неприкосновенности и политической независимости» (будущая статья X статута Лиги Наций), являющаяся основой проекта, была обоюдо-острая и своим обратным концом политически могла привести к реальному срыву американской интерпретации доктрины Монро: увязнув в европейских комбинациях, политика С. Штатов могла оказаться лицом к лицу с фактом вмешательства европейских держав в американские дела. Это было самым сильным аргументом в руках той постепенно усиливающейся оппозиции, которая восстала в Америке против вильсоновских планов. Республиканская партия, руководимая промышленным капиталом, выступила как защитница политики, рассчитанной на внутри-американские силы, на внутренний рынок, как носительница обычного толкования исторически испытанной и благотворной доктрины Монро, и в условиях вызванной, вскоре начавшимся экономическим кризисом, реакции против активного вмеша-

[1] Ray Stannard Baker. Woodrow Wilson and World Settlement Vol. I. p. p. 247—248. (русск. перевод стр. 270).

[2] Robert Lansing. Die Versailler Friedensverhandlungen. Berlin. 1921. S. 57.

тельства в европейские дела, проявляемой в интересах банковского капитала, начала постепенно пользоваться поддержкой различных кругов американского народа. Включение статута Лиги Наций в мирный трактат встретило самую резкую оппозицию в Америке, где считали, что вся эта политическая линия может втянуть Америку в европейские комбинации, не давая взамен никакой гарантии от возможных опасностей, встающих на новом пути. Выразителями поднявшейся в Америке оппозиции Вильсону явились и некоторые участники Парижской конференции (ген. Блисс, Лансинг, проф. Джемс Браун Скотт). «Я не считаю разумным позволять другим державам ограничивать наше суверенное право в других странах света,—писал Лансинг еще задолго до Парижской конференции, анализируя первые проекты организации Лиги Наций. — В международном представительстве, которое могло бы принудить народы применить свою армию и флот против одного из членов, Америка всегда оставалась бы в меньшинстве»[1].

Явным предостережением политике Вильсона и свидетельством появившегося в Америке поворота к обычной политике самоизоляции была победа республиканцев над демократами при выборах в конгресс еще в ноябре 1918 г., а в марте 1919 г. многие влиятельные сенаторы открыто заявили, что если статут Лиги Наций будет каким-либо образом связан с мирным трактатом, то они будут голосовать против ратификации обоих документов[2]. Рост оппозиции вынудил Вильсона вернуться из Парижа и предпринять пропагандистскую поездку по Америке, не достигшую, однако, поставленной цели. Гарантии, положенные в основу планов организации Лиги Наций, считались в Америке слишком обязывающими и обременительными, а в Париже—недостаточными, но именно они представлялись германской политике обнадеживающими в смысле получения некоего отправного пункта для дальнейшего расширения сферы своего влияния и для противодействия политике Антанты. Политическая идеология вильсонизма, ставшая надеждой германской политики, попала таким образом между двух огней, встретила энергичную внутренне и внешне-политическую оппозицию и, дабы не остаться вовсе изолированной и не потерять последнюю долю своего влияния, вынуждена была искать средних линий между борющимися делегациями, устанавливать компромиссы, которые, однако же, оказались для нее самой и для Германии убийственными. Нужно заметить, что Антанта вообще не придавала боль-

---

[1] Robert Lansing. Die Versailler Friedensverhandlungen. S. 30.
[2] Margarete Rothbarth. Die Grossen Vier am Werk. Beiträge zur Geschichte der Friedenskonferenz. Berlin. 1921. S. 77.

шого значения планам организации Лиги Наций, считая, что этот выставленный в свое время лозунг удачно выполнил свою роль в деле морального ослабления Германии и, следовательно, теперь может быть сдан в архив. Францию, Великобританию, Италию в гораздо большей степени привлекала перспектива дележа результатов победы над Четверным союзом, реализации тех договоров о разделе мира, которые в свое время секретнейшим образом были заключены, и о содержании которых С. Штаты узнали лишь благодаря публикации советского правительства. Вопросы о передвижении границ, о разделе германских колоний, о возложении убытков на побежденных, о дележе германского флота волновали Антанту в гораздо большей степени, чем проблема претворения в жизнь неопределенно-выраженного, практически-неясного, а главное устарелого лозунга о Лиге Наций. Планы организации этого учреждения подготовлялись в Англии еще с 1916 г. и теперь были снова выдвинуты в противовес американскому влиянию в этом вопросе. Английский план, представленный лордом Сесилем, сводился в своих основных чертах к организации верховного учреждения олигархического типа, в котором руководящая роль в разрешении всех вопросов мировой политики осталась бы за концертом пяти великих держав[1]. «Заранее нужно признать,—пишет уже цитированный Лансинг,—что Лига Наций является орудием сильных, служащим для затруднения нормального возрастания национальных сил и национального стремления у тех, которых поражение сделало бессильными». Это неоднократно и не только Лансингом подмеченное сходство английского плана организации Лиги Наций, впоследствии в основных чертах претворенного в жизнь, со Священным союзом оправдывается еще одной общей чертой: английский план другим своим острием направлен был против Америки и рассчитан был на уменьшение ее роли в разрешении проблем мировой политики. Недаром Франция в конце концов перешла на английскую точку зрения в этом вопросе, и в результате уступок, сделанных теряющим политическую опору Вильсоном, план этот восторжествовал.

Германия зорко следила, поскольку это вообще возможно было, за работами Парижской конференции и по каждому выдвинутому там вопросу старалась так или иначе формулировать свою точку зрения. Время работало против Германии. Поражение вильсоновского проекта Лиги Наций было вместе с тем крахом для расчетов германской политики. Именно этим следует об'яснить предпринятую в Германии пропаганду против, как официально было квалифи-

---

[1] Robert Lansing. Die Versailler Friedensverhandlungen. S S. 61—69.

цировано[1], олигархического устройства Лиги Наций, за ее демократизацию. Германия рассчитывала войти в такую международную организацию, в которой влияние единой Антанты не было бы доминирующим, имело бы свой противовес, в котором Германия получила бы возможность выступить как суб'ект самостоятельной политики, играющий на противоречиях между державами Антанты, опирающийся на силу американского влияния и сгруппировавший возле себя нейтральные страны. Германия не войдет в Лигу Наций в положении пария,—такова была первоначальная формулировка германской политики, которая, однако же, вскоре, как только выяснились другие требования Антанты, перестала звучать столь резко. Германская политика в этом вопросе стала менее определенна, более двусмысленна, ибо из Парижа доносились новые угрожающие вести о лишении Германии колоний.

Пока шла разработка вопросов об организации Лиги Наций, Великобритания поспешила продвинуть и соответствующим образом разрешить вопрос, более всего ее интересующий: вопрос о разделе германских колоний, фактически уже захваченных. В обороте деятельности великих держав находились планы трех систем построения колониальной политики: интернационализация колоний, система получения колониального мандата от Лиги Наций и обычная империалистическая аннексия. Отказ от колониальных аннексий, об'явленный в свое время Ллойд Джоржем на конгрессе трэд-юнионов, в Париже был, конечно, забыт. Английский империализм устами представителей доминионов потребовал немедленного раздела и аннексии германских колоний — и был в этом тотчас же поддержан Японией, Францией и Бельгией, также потребовавших удовлетворения своих колониальных притязаний. Даже маленькая Португалия попробовала напомнить о себе, но на нее, конечно, никто внимания не обратил. Дело по существу сводилось к реализации заключенных в свое время сепаратных договоров о разделе германских колоний. Американская программа о самоопределении народов в своих последовательных выводах не могла быть, конечно, применена к разрешению вопросов колониальной политики. Предложенная система мандатов должна была отвечать, в условиях превалирующего влияния С. Штатов в Лиге Наций, интересам американского империализма. «Никаких различий не должно быть сделано для членов Лиги Наций, никому из них не должен быть затруднен доступ к вспомогательным ресурсам страны, все государства должны платить одинаковые пошлины и пользоваться равным правом доступа в коло-

[1] Graf Brockdorf-Rantzau. Dokumente. S. 74.

нии» [1], такова была программа Вильсона, которая означала попытку расширить американскую доктрину Гея — «открытых дверей» — на весь комплекс колониальных вопросов. Американский империализм как бы хотел предложенной системой мандатов нейтрализовать действие секретных договоров, отчасти парализовать колониальную активность своих соперников, создав для себя условия равноправия. Не удивительно, что германская политика, не имея возможности непосредственно повлиять на ход конференции, стала пропагандировать американскую программу, устанавливая противоречия между проводимой Антантой политикой аннексии и соответствующими пунктами вильсоновской программы. Германская политика продолжала требовать возвращения всех своих колоний, соглашаясь, однако, уступить некоторые из них, но не иначе, как по соглашению т.-е. в качестве автономного суб'екта самостоятельной политики. Германия, в частности, соглашалась на интернационализацию некоторых частей Африки и намекала о своей готовности уступить Америке некоторые из своих африканских колоний [2]. Германская поддержка была для Америки никчемна перед единым фронтом всей Антанты. В колониальном вопросе Германии не удалось сохранить своей позиции. Американская система мандатов встретила об'единенное противодействие всей Антанты, но в результате длительной борьбы восторжествовала (ст. 22 статута Лиги Наций), однако, обратившись лишь в форму, реальным содержанием которой оказалась все та же аннексия. В конце концов уступка, сделанная Антантой, была ей же выгодна: ничем не прикрытая аннексия заставила бы вычесть стоимость германского колониального богатства из общей суммы репарационных требований.

Если Америка, представленная Вильсоном, на первый план работ Конференции выдвигала вопрос о Лиге Наций, если главнейший интерес Великобритании заключался в удовлетворении ее колониальных претензий, а также в том, чтобы не допустить французской гегемонии в Европе, то главнейшей задачей французского империализма являлось, в формулировке его представителей, получение гарантий безопасности, т. е. по существу утверждение своего преимущественного влияния в Европе. Вынужденный под напором американской оппозиции смягчить гарантийные обязательства, включенные в планы Лиги Наций, Вильсон пытался компенсировать Францию договорами, подписанными С. Штатами и Великобританией, гарантирующими ей помощь в слу-

---

[1] Ray Stannard Baker. Woodrow Wilson and World Settlement. Vol. I. P. 262. (Русский перевод стр. 284).

[2] Graf Brockdorf-Rantzau. Dokumente. S. 35.

чае нападения Германии [1]. Соглашение это не было впоследствии ратифицировано Вашингтоном и вследствие этого было аннулировано Лондоном. Америка, главнейшая цель которой — низвержение германского империализма — была достигнута, — вовсе не расположена была ратификацией гарантийного соглашения обострить франко-германские отношения, в условиях, когда это было в интересах Франции, и без того достигшей самого влиятельного положения в Европе [2]. Но для характеристики французской политики на Парижской конференции можно добавить то, что на отвергнутое впоследствии Америкой гарантийное обязательство Франция согласилась лишь в результате большой борьбы: гарантии казались ей недостаточными. В противовес англо-американским планам Лиги Наций, когда выяснилось, что дело носит серьезно политический, а не лишь пропагандистский и демонстративный характер, французский империализм выставил свой проект (проект Буржуа [3]), который предусматривал Лигу Наций, как международный штаб военного союза, имеющий в своем распоряжении армию и флот, разрабатывающий планы быстрых военных операций и переброски войск. Французский план требовал введения всеобщей воинской повинности во всех странах (кроме побежденных, конечно), так как предусматривал всеобщее подчинение генеральному штабу. По существу все это свидетельствовало о небывалых попытках французского империализма, обладающего самой сильной армией в Европе, неограниченно расширять свое влияние через подобную организацию генереального штаба, почему-то именуемого Лигой Наций. Французский план не прошел, наткнувшись на единый в этом вопросе англо-американский фронт. Но план этот характерен тем, что он являлся как бы проектом организации тыла, и в этом отношении дополнял экономическую, политическую и военную программу французского империализма. А какова была эта программа, можно уже в основных чертах заключить по той секретной инструкции, которая дана была для французской правительственной прессы: инструкция предлагала, во-первых, усилить оппозицию американской республиканской партии против Вильсона и его политики, во-вторых, преувеличить хаотическое состояние России, и, в-третьих, доказывать, что Германия хочет и может возобновить войну. Вопрос о закулисной роли французской поли-

---

[1] Англо-французское и франко-американское соглашения от 28 июня 1919 г. «Вестник Народного Комиссарита по Иностранным Делам». 1919. № 2.

[2] Ср. Robert Lonsing. Die Versailler Friedensverhandlungen. S. S. 135—138.

[3] Ray Stannard Baker. Woodrow Wilson and World Settlement. Vol. II p. 12.

тики в деле усиления республиканской оппозиции против американского президента — должен быть оставлен в стороне. Во всяком случае, позитивная программа французского империализма получила возможность быть не только широко развитой на Парижской конференции, но и в значительной мере реализоваться в живой действительности.

То, что на французском языке называлось «безопасность», на языке реального соотношения сил, означало утверждение гегемонии в Европе. Обратная сторона этой программы, абстрагированной от отдельных линий политической практики, сводилась к такому сложному и запутанному комплексу проблем, который можно было бы назвать советско-германским, ибо это сочетание проявилось в каждом крупном пункте, к рассмотрению которого подходили державы-победительницы и вокруг которого развертывалась порой ожесточенная борьба. Гарантии безопасности, предложенные англо-американским проектом Лиги Наций, не удовлетворили французских империалистов, так же, как впоследствии не ратифицированные и не вступившие в силу гарантии, предоставленные С. Штатами и Великобританией. Французская политика, вынужденная эти гарантия принять, с самого начала считала их как бы не существующими, и выдвинула свою собственную программу, которая заключалась в том, чтобы обессилить Германию, превратить ее в политический об'ект, подорвать самые основы ее экономической жизни, территориально расчленить, изолировать ст Советской России и тем самым задушить революционное движение Восточной и Центральной Европы — эту новую, грозную для империализма, силу. Пути английской политики во многом совпадали с этой программой, однако, далеко не во всем: Германия была побеждена, ее колонии захвачены, ее морская сила была сокрушена, и приходилось считаться с тем, как бы Франция чрезмерно и угрожающе не усилилась за ее счет. Но в одном три руководящие державы на Парижской конференции сходились: в необходимости скорейшего разоружения Германии. Однако мотивы каждой из держав были различны. Англия и особенно Америка рассматривали разоружение Германии, как предпосылку для демобилизации армий, что означало бы удар по французскому милитаризму. Но Франция всячески противилась этой демобилизации, рассматривая свою армию, как силу, необходимую для того, чтобы продиктовать Германии условия порабощающего мира, и для того, чтобы бороться с революционным движением, охватившим Восточную Европу и углубляющимся в Центральной Европе. В конце концов под влиянием французских требований решено было предоставить Германии право содержать наемную армию в количестве 100.000 человек, исходя из такого расчета, что эта

армия будет достаточной для борьбы с революцией, но не может противостоять соседней, могущественной милитаристической державе. Контроль над германскими вооружениями не попал в руки Лиги Наций, как это предлагала Америка, а был передан специальной контрольной комиссии, главную роль в которой играла та же Франция. Разыгравшаяся между участниками Конференции борьба о судьбах германского флота еще более подчеркнула противоречия интересов великих держав. Ликвидация германского маринизма означала абсолютное господство на морях Великобритании. Это угрожало ее могущественному сопернику в мировой торговле С. Штатам, а также Франции. Американские представители, в их числе и Вильсон, настаивали на том, чтобы сделать американский флот равновеликим английскому, и встретили поддержку Франции, которая, желая увеличить численность своих морских сил, настаивала на разделе германского флота, в то время как для Великобритании в таких условиях лучшим выходом могло быть его потопление.

Так вокруг отдельных пунктов деятельности Парижской конференции вскрывались противоречия интересов великих держав. Это в значительной степени отразилось и на их подходе к проблеме, которую можно было назвать советско-германской, и, которая, с английской точки зрения, весьма выразительно была очерчена Ллойд-Джорджем в его представленном Парижской конференции меморандуме, озаглавленном: «Некоторые соображения к сведению мирной конференции, прежде чем она примет в окончательной редакции свои постановления»[1]. «В тот момент,—писал английский премьер,—когда нации измучены войной, которой они отдали свои силы и из которой они вышли истекающими кровью, изнуренными и усталыми, не трудно, конечно, заключить мир на каких угодно условиях. Он будет сохранять силу ровно столько, сколько нужно, чтобы поколение, испытавшее все ужасы войны, сошло со сцены... История доказывает, что всякий мир, продиктованный правительством и дипломатами победоносной нации, всегда, даже в случае его умеренности, заключал в себе непредвиденные опасности для победителей... Можно забрать у Германии колонии, заставить ее разоружить на четыре пятых свой флот и свести до размеров полицейского отряда ее армию. И все же она сохранит убеждение, что в 1919 г. при заключении мира над ней было совершено насилие, она найдет средства реванша... Я решительный противник того, чтобы отнять у Германии значительные слои немецкого населения без крайней необходимости. Нет более

[1] Меморандум этот в свое время в больших выдержках опубликован был в английской и американской печати, а полностью приведен у Ф. Нитти. Европа без мира. 1923 г. Стр. 82—90.

верного способа вызвать новые войны в будущем, как это желание окружить германский народ, доказавший неоднократно силу своей расы, мелкими государствами, не знавшими никогда в прошлом твердой правительственной системы и стремящимися ныне к подчинению целых слоев немцев, которые страстно желают воссоединиться со своим отечеством. Однако, помимо желания уничтожить в зародыше все те причины, которые могут вызвать новую войну через тридцать лет, существует другое, еще более веское соображние в пользу длительного мира... Революция находится в своем начале. В России царствует неистовый террор. Вся Европа проникнута революционным духом. Существует не только недовольство, но и ярость и гнев рабочего класса, направленные против условий его существования. Население всей Европы начинает сомневаться в закономерности современного социального, политического и экономического порядка. В некоторых странах, как в Германии и России, это брожение выливается в форму открытого восстания; в других странах, как Франция, Англия, Италия, недовольство проявляется в стачках... Добрую часть этого недовольства надо признать здоровой... Опасно бросить европейские массы в об'ятия экстремистов, которые строят свои планы возрождения человечества на полном разрушении настоящего социального порядка. Они восторжествовали в России... Каким-то путем большевики ухитрились удержать свое влияние на массы русского народа и, что является еще более знаменательным, они сумели создать крупную, повидимому, хорошо дисциплинированную армию, которая в большей своей части готова принести любые жертвы за свои идеалы...

«Наибольшую опасность современного положения я усматриваю в возможности союза Германии с Россией. Германия может предоставить России свои богатства, свой опыт, свои организационные способности... Эта опасность не простая химера. Современное германское правительство слабо и не пользуется престижем; оно держится только потому, что вне его имеется лишь возможность захвата власти спартакистами, а для этого Германия еще не созрела. Однако спартакисты пользуются моментом с большим успехом... Если в Германии власть будет захвачена спартакистами, она неизбежно соединит свои судьбы с судьбой большевистской России. Если это произойдет, вся восточная Европа будет вовлечена в большевистскую революцию, и через год перед нами будет под командой немецких генералов и инструкторов многочисленная красная армия, снабженная немецкими пушками и пулеметами и готовая к нападению на Западную Европу... Мы должны быть достаточно умны,

чтобы предложить Германии такой справедливый мир, который для всех здравомыслящих людей будет предпочтительней господства большевизма... Наконец, если мирная конференция действительно хочет обеспечить Европе мир и порядок, которые все разумные люди должны предпочитать анархии, она должна обсудить положение дел в России. Большевистский империализм угрожает не только странам, граничащим с Россией, он угрожает также всей Азии, и Америка отстоит от него не дальше, чем Франция».

Характерной чертой этого меморандума является то, что за предложенным анализом и данной оценкой общеевропейской ситуации выступает не только политическая программа английской политики, но и явная критика того течения, по которому шла работа Парижской конференции и которое выражало превалирующее значение французской политики, захватившей руководящую роль и действующей под непосредственным влиянием интересов тяжелой индустрии. Французская программа, проводившая под знаком необходимости решительной борьбы с европейским революционным движением специфические интересы тяжелой индустрии, в своих главных и основных чертах развернута была 12 января 1919 года на совещании Верховного Военного Совета. В своем крайнем выражении она требовала об'явить беспощадную борьбу с европейским большевизмом, отправить через Германию большие армии в Польшу для того, чтобы произвести интервенцию против Советской России, использовать для этой цели находящихся в Германии русских военнопленных и, наконец, длительную военную оккупацию Рейна[1]. И вся последующая программа, выдвинутая французским империализмом и в основных своих чертах реализованная в результате деятельности Парижской конференции, имела в своей конечной цели или в своей аргументации три заострения, направленные, с одной стороны, против Германии, с другой стороны, против Советской России и, наконец, на то, чтобы не допустить углубления революционного процесса и образования мощного союза революционных стран Восточной и Центральной Европы. Вопрос присоединения Эльзас-Лотарингии к Франции был предрешен, и если в связи с ним и возникли споры на Парижской конференции, то только о том, следует ли немецкую собственность, передаваемую вместе с областями, зачислить в счет будущих германских репараций. Требование Германской политики произвести плебисцит в Эльзас-Лотарингии[2] было оставлено без внимания. Гораздо более серьезные столкновения вызвали французские притя-

[1] Ray Stannard Beker. Woodrow Wilson and World Settlement. Vol. II p. 8—11.

[2] Graf Brockdorf-Rantzau. Dokumente, S. 45.

зания на весь левый берег Рейна. Уже условия перемирия фактически разрешили вопрос об оккупации Рейнланда, и теперь наиболее яркий представитель французского империализма, Фош, повел настойчивую политическую атаку против своих союзников с целью добиться от них включения в мирный трактат условия о полном отторжении от Германии богатой Рейнской области, которую предполагали сделать широким военно-стратегическим базисом для того, чтобы постоянно держать под ударом Германию и чтобы иметь возможность приступить к оперативным действиям в борьбе против революции. «Оккупация линии Рейна, — аргументировали французские представители, — необходима для Франции, так как Франция имеет населения вдвое меньше, чем Германия, потеряла союзную поддержку России и не имеет достаточно хороших естественных границ»[1].

В свое время Франция обеспечила эти свои притязания секретным договором с Россией, заключенным 14 февраля 1917 г., — но подготовленная поддержка была снесена революцией, а со стороны Англии и Америки было проявлено сильное противодействие, об'ясняющееся опасением чрезмерного усиления Франции на континенте и создания, по выражению Ллод Джорджа, новой Эльзас-Лотарингии[2]. Предложенная англо-американская гарантия безопасности и являлась для Франции компенсацией за отказ от ее притязаний относительно левого берега Рейна. Французы всячески настаивали на своем требовании образования на Рейне буферной республики, создали и стали политически поддерживать сепаратистское движение и, в конце концов, добились от Конференции не только демилитаризации, но оккупации, ограниченной, однако, пятнадцатилетним сроком. Проводя программу территориального расчленения и подрыва самых основ народно-хозяйственной жизни Германии, французская политика полностью проводила линию интересов своей тяжелой индустрии относительно Саарского бассейна. «Если бы Франция в момент заключения мира не владела Саарским бассейном, ее экономическое положение было бы ужасным, — гласил соответствующий французский меморандум. — Этот бассейн необходим не только для Эльзас-Лотарингии, потребляющей на 7 миллионов тонн угля больше, чем она производит, но также и для самой Франции. До войны Франция импортировала до 23 миллионов тонн ежегодно. Теперь же, при присоединении Эльзас-

---

[1] André Tardieu. La Paix. Paris. 1921, p. 197. Note sur la suggestion présentée le 14 mars 1919.

[2] Charles Homer Haskins. Les nouvelles frontières de l'Allemagne. В сборнике Ce qui se passa rèelement à Paris en 1918—1919. Histoire de la Conférence de la Paix par les dèlêgues americains, publié par le colonel House et Charles Seymour. Paris 1922. P. 54.

Лотарингии, она, не имея Саарского бассейна, принуждена была бы импортировать до 30 миллионов тонн даже после восстановления своих северных копей, а до этого — свыше 50 миллионов, при общем потреблении в 75 миллионов... Иначе говоря, — гласил далее меморандум, — Франция была бы экономически зависящей от Германии, которая этим углем контролировала бы цены всей нашей западной металлургии и играла бы преобладающую роль в нашей политике... В настоящее время Эльзас-Лотарингия, Франция, Италия и Швейцария являются по отношению к Саарскому бассейну крупными покупателями. Возвращение Эльзас-Лотарингии Франции и ориентация, которую Германия добровольно создала в Саарском бассейне, могут в дальнейшем лишь усилить это положение»[1].

Неожиданная французская аргументация в виде обоснованных исторических прав на восстановление Франции в границах 1814 года не стоит рассмотрения, ибо она является лишь риторической формулой и производной основой программы, — присоединить к французской железной руде богатейшие угольные районы и поразить этим Германию в самое сердце: лишить угля — это означало подорвать жизненный нерв электрической, стальной, химической промышленности. В виде компенсации за разрушение угольных копей северной Франции, угольные копи Саарского бассейна перешли в полное владение Франции, получившей исключительное право эксплоатации, а управление областью было решено передать Лиге Наций на пятнадцать лет с тем, чтобы по истечении этого срока был произведен плебисцит. Таким образом, интересы французской металлургии определили и постановку и решение никогда ранее не поднимавшегося вопроса: область, не насчитывающая в своем населении более ста французов, была отторгнута от Германии, а ее природные и экономические ресурсы оказались в руках Франции. Французская программа, рассчитанная на то, чтобы парализовать германскую индустрию, проводилась достаточно твердо: присоединив к себе Эльзас-Лотарингию, Франция лишила Германию 75% ее общей добычи железа; отторгнув Саарский район — она лишила Германию богатейшего угольного района, из остатка угольной добычи Германии навязывалась выдача Франции, Бельгии, Италии и Люксембургу угля или кокса в счет общего плана репараций, наконец, французы добились на конференции и того, чтобы в Верхней Силезии, где Германия получала около 23% своей общей добычи угля, был произведен плебисцит, и хотя этот проведенный впоследствии (в 1921 г.) плебисцит дал поло-

---

[1] Mèmoire prèsentè par la Delegation française напечатан у André Tardieu. La Paix p.p. 279—289.

жительные для Германии результаты, богатейшая часть Верхней Силезии была передана Польше. Эта история вопроса о Верхней Силезии весьма характерна, ибо тут вскрываются две основные, переплетенные между собою, линии французской политики. Одна из них направлена на то, чтобы вырвать у Германии самую основу ее экономической деятельности, подорвать ее народно-хозяйственный организм, — и эта линия впоследствии приведет Францию к рурской эпопее. Другая линия направлена была на то, чтобы расчленить Германию, окружить ее новыми государственно-политическими формациями, которые играли бы роль барьера между нею и Советской Россией, в целях максимального ослабления политического влияния обеих стран, локализации и удушения революционного движения и борьбы с Советской Россией. В свете этих основных линий французского империализма, характеризующих его политику по отношению к Германии и Советской России, и делаются понятными те идеологические конструкции, которые представлены были в докладных записках Габриэля Аното и которые в откровенной и резкой форме отражали истинные, но в полной мере не реализованные цели французской политики. Теоретическим фундаментом служило утверждение, что центробежные силы Германии превосходят центростремительные, что послереволюционную Германию следует рассматривать просто как побежденный империализм, всегда готовый к реваншу и опасный возможностью сближения с Советской Россией[1]. Аното считал необходимым раздробление «Бисмарковской», т. е. единой Германии, соответственно с этим предлагал вести мирные переговоры сепаратно с каждой из составляющих Германию политических единиц, а в качестве гарантий рекомендовал оккупировать германскую территорию не более и не менее, как до самой Эльбы[2]. Участник Парижской конференции и французский редактор Версальского трактата, Тардье, передает, что в руководящих кругах французской политики эти конструкции и планы Габриэля Аното считались неосуществимыми (irrèalisable[3]). Однако, если они и были неосуществимыми, то только в том смысле, что их не удалось осуществить: основная же тенденция французской политики — направленная на то, чтобы не только экономически обессилить, но и, если возможно, политически раздробить Германию, окружить ее системой новообразуемых государств и оградить ее валом от Советской России, — эта тенденция достаточно определенно выступала в конкретных актах французской политики. Франция была организатором

[1] Gabriel Hanotaux. Le Traité de Versailles. p.p. 250—257.
[2] Ib. p.p. 196—208.
[1] André Tardieu. La Paix, p. 417.

сепаратистского движения на Рейне, в Саарской области, поддерживала сепаратизм в Баварии, сумела впоследствии передать Верхнюю Силезию Польше, воспрепятствовала, вопреки единогласному постановлению Германского Национального Собрания (21 февраля 1919 г.) и, — что еще более важно,—вопреки американской территориальной программе [1] в этом пункте поддержанной Италией [2], воссоединению немецкой Австрии с Германской республикой. Наконец, на развалинах Австро-Венгерской монархии, присоединив сюда отрезки германской территории,—Франция создала систему новых государственных образований, связав их с собой военным союзом, и таким образом получила базу влияния в Центральной и Восточной Европе и установила заслон против революционного и политического влияния Советской России. Все это явно выражало то, что Франция стремится занять положение гегемона на континенте—и именно этим об'ясняется та критическая позиция, занятая английской политикой, которая выражена была в вышецитированном, предостерегающем меморандуме Ллойд Джорджа. «Конференция решила создать ряд новых государств, — гласила французская ответная нота.—Может ли она, не будучи несправедливой, принести их в жертву, заставив их, в угоду Германии согласиться на неприемлемые границы? Если эти народы—Польша, Богемия,—особенно противостоят до сих пор большевизму, то это исключительно под влиянием национального чувства. Если эти чувства будут попраны, большевизм найдет тут почву, и единственная преграда, существующая до сих пор между русским и немецким большевизмом, будет сломлена. В результате получится либо конфедерация Восточной Европы под предводительством большевистской Германии, либо покорение этих стран Германией, пережившей реакцию в результате всеобщей анархии. В обоих случаях союзники проиграют войну. Французская политика, наоборот, всячески поддерживает новые государства» [3].

И именно французской политикой раздробить единство Германии, расширить барьер между последней и Советской Россией и следует об'яснить то, что Польша, — «Франция на Востоке»—получила, так называемый, Данцигский коридор с двумя миллионами немецкого населения, перерезывающий надвое живое тело германской территории. И только благодаря англо-американскому противодействию Франции не удалось отдать Польше Данциг, который, в виде компромиса, превратили в вольный город. При поддержке и даже под непосредственным руководством французского

[1] Robert Lansing. Die Versailler Friedensverhandlungen. S. S. 144—147
[2] Margarette Rothbarth Die Grosse Vier am Werk. S. S. 70.
[1] André Tardieu. La Paix. p. 130.

генерального штаба, Польша, Чехо-Словакия, Румыния спешили сорганизовать большие армии, и еще в апреле 1919 г. американский военный агент в своем секретном докладе относительно положения в Восточной Европе указывал, что Франция подготовляет себе союзников, что насаждаемая ею в Польше милитаристическая система более опасна, чем большевизм,— и рекомендовал американской политике, в противовес французскому влиянию в Польше, поддерживать украинцев, борющихся и с поляками, и с большевизмом [1]. Этот доклад дает любопытную иллюстрацию той борьбы, которая происходила между победителями на Парижской конференции не только по вопросу об условиях мирного договора с Германией, но и по вопросу о Советской России.

Версальский договор заключает в себе лишь несколько статей, так или иначе относящихся непосредственно к России [2], между тем, на Парижской конференции, где вырабатывали этот договор, вопрос о Советской России, как уже неоднократно было указано, играл одну из доминирующих ролей. Вопрос о борьбе с Советской Россией ставился не только отраженно через призму Германской проблемы, но и вполне самостоятельно.

С большим приближением к об'ективному соотношению вещей можно сказать, что политика Англии по отношению к России была весьма похожа на политику Франции по отношению к Германии. Эта политика рассчитана была на то, чтобы разрушить государство, занимающее шестую часть мира, вывести из строя могучего исторического соперника, ликвидировать его влияние на Востоке, не допустить возможности его союза с Германией. «Нет больше России! восклицал в своем интимном дневнике один из представителей старой английской дипломатии, британский посол в Париже лорд Берти. — Она распалась и исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., с к о л ь б ы и х н и у д а л о с ь с ф а б р и к о в а т ь, то по мне остальное может убираться к чорту и вариться в собственном соку. Российская республика не была бы в состоянии управлять магометанскими ханствами в Средней Азии и кавказскими княжествами» [3]. Однако, дело осложнялось еще тем,

---

[1] Memorandum confidentionel pour la Commission americaine de la Paix. Ray Stannard Baker. Le President Wilson et le Réglement franco — allemand. Paris 1924. p.p. 95—101.

[2] F. Zittelmann. Russland im Friedensvertrage von Versailles. Berlin 1920.

[3] Лорд Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже 1914 — 1919. Пер. Е. С. Берловича М.-Лг. 1927 г. С. 191.

что на территории Российской империи возникла Советская республика. К тому же, Америка в поисках противовеса Английскому влиянию в мировой политике, усилившемуся в результате крушения германского империализма, вовсе не склонна была поддерживать английские планы в том виде, как они развиты были лордом Берти. Вильсоновская программа о самоопределении народов в своем конкретно-политическом выражении очень хорошо приспособлялась к реальным интересам американской политики или к трезвому учету соотношения сил. По существу программа эта, будучи развита последовательно, до своего логического конца, как правильно отметил американский противник вильсонизма Лансинг, была начинена динамитом, но все дело в том, что она, как и весь вильсонизм, был лишь идеологическим и искривленным продолжением основных тенденций американской политики, как если бы они действовали вне соответствующего контекста и противодействия реальных сил. Вильсон, не желая допустить чрезмерного усиления Франции в балканизированной Европе, поддерживал план присоединения немецкой Австрии к Германии, — и тут принцип самоопределения народов выступал во всей своей силе. Но было бы безнадежно требовать проведения этого принципа в английских колониях, ибо это означало бы крушение Британской империи,—и право народов на самоопределение имело все основания быть забытым. Территориальная программа Вильсона, исходя из оценки общей системы международно-политических отношений, как они рисовались под углом зрения американских интересов, преследовала цель восстановления на территории бывшей Российской империи единого крупного государственно-политическо целого, исключив отсюда только Польшу и Финляндию[1]. В колониальном вопросе принцип шел дальше об'ективной возможности, в «русском» вопросе он не отвечал реальным интересам американской политики. В свете англо-американских противоречий времени начала работ Парижской конференции и делаются понятными статьи Гарвина в „Observer" об американском покровительстве делу восстановления России.

Через несколько дней после официального открытия мирной Конференции Вильсон сделал в Совете Десяти сообщение о переговорах, имевших место между американским и советским представителями. Как передает английский историк Парижской конференции, Совет Десяти, обсуждая вопрос борьбы с Советской Республикой и разрешения «русского вопроса», стал перед тремя возможностями: во-первых, приступить к активной военной интер-

---

[1] Robert Lansing. Die Versailler Friedensverhandlungen S. 75.

венции, во-вторых, установить кордон между Советской Республикой и Европой и, наконец, в-третьих, непосредственно договориться с советским правительством и для этого пригласить его представителей,—но не от имени конференции, а от имени великих держав,—в Париж [1]. Французский план завоевания Советской России был явно неосуществим и опасен, ибо тут вставал вопрос не только о советском противодействии, о позиции остающейся в тылу Германии, но и о том, к т о это должен сделать. Вильсон совершенно недвусмысленно указал на то, что ни американская, ни английская армии не согласятся воевать против Советской республики за реставрацию в России, и предложил воспользоваться мирным предложением советского правительства [2], пригласить его представителей в Париж и попробовать политически взять их на капитуляцию. Предложение Ллойд-Джорджа о приглашении на конференцию всех правительств, образовавшихся на территории бывшей Российской империи было поддержано Вильсоном, а так как Клемансо решительно воспротивился приглашению советских представителей в Париж,—то и возник план о созыве конференции на Принцевых островах. Советское правительство, узнавшее о созываемой конференции окольным путем, выразило согласие вести переговоры, отметив при этом готовность сделать уступку в вопросе о долгах и предоставить Антанте ряд концессий [3]. Но Франция сделала все от нее зависящее, чтобы сорвать созываемую конференцию,—вплоть до того, что задержала приглашение, адресованное советскому правительству, и инспирировала антисоветские правительства ответить отказом, обещая им за это свою поддержку [4]. К тому же образовавшаяся в Америке под руководством республиканцев и при поддержке части демократов сильная оппозиция выступила также против попытки Вильсона договориться с Советской республикой. Конференция в таких условиях не состоялась,—и следующей попыткой американского правительства в этом направлении явилась специальная миссия в Москве бывшего редактора „Philadephia publik Ledger" Вильяма Буллайта, вступившего в переговоры с Лениным. Переговоры эти, как известно, закончились выработанным проектом договора,—который, если бы он вступил в силу, дал бы некоторую передышку Советской России, ибо одним из условий договора являлось прекращение блокады и отказ Антанты от интер-

[1] Temperley. A History of the Peace Conference of Paris. Vol. VI. London 1924. p.p. 312—313.

[2] Нота Чичерина — Государственному Секретарю С. Штатов от 2 января 1919 г.

[3] Ответ Нар. Комиссариата по Иностр. Делам РСФСР от 4 февраля 1919 г.

[4] Margarette Rothbarth. Die Grossen Vier am Werk. S. S. 95—96.

венции и от поддержки контрреволюционных правительств [1]. Но об'единившиеся реакционные элементы Антанты (главными представителями их во Франции были Клемансо, маршал Фош, в Англии—Черчилль, в Америке—сенаторы Кинг, Маперс, Шерман), воспользовавшись начавшимся наступлением армии Колчака, повели сильную кампанию против политики переговоров с Советской республикой, и привезенный Буллайтом проект договора остался неподписанным, а сделанное впоследствии (3 апреля) Нансеном предложение об организации благотворительной помощи России также повисло в воздухе. В Совете Четырех снова стали рассматриваться планы, представленные французскими министрами, об образовании тотчас же по подписании мирного договора с Германией об'единенной армии для борьбы с большевизмом. Маршал Фош представил план организации армии, составленной из французов, англичан, американцев, сербов и румын, для борьбы с Советской Россией и Советской Венгрией. Антанта стала совершенно определенно на путь интервенции, вооруженной борьбы с революцией и поддержки антисоветских сил. Поворот был сделан так резко, что свергнутый австрийский император решился через третьих лиц предложить Антанте восстановление двуединой монархии, как радикальное средство в борьбе с расширением революционной зоны в Центральной Европе [2]). Скорейшее подписание мирного договора с Германией являлось, в таких условиях, первой предпосылкой для дальнейшего наступления империалистической Антанты.

Время продолжало работать против Германии. Условия возобновленного перемирия все более ухудшались, единственная опора, избранная германской политикой,—вильсонизм,—потерпела на Конференции поражение. По мере того, как Антанта продвигалась в деле выработки условий закабаления Германии, последняя вынуждена была открыто об'являть о своем согласии итти на уступки далее предусмотренных Вильсоновскими пунктами. В апреле германская политика выразила согласие на уступки не только в территориальных, но и в финансовых вопросах. Правовая база условий перемирия была оставлена. Антанте предлагалось лишь принять во внимание экономическое и политическое положение Германии. «Только экономически возрожденная Германия может помочь ее прежним врагам исправить убытки, нанесенные войной» [3] — так аргументировал граф Брокдорф-Рантцау перед Германским Наци-

[1] М. Н. Покровский. Внешняя политика царской России в XX в. Ср. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia.

[2] Ray Stannard Baker. Le President Wilson et le Rêglement franco-allemand. p.p. 117—119.

[3] Graf Brockdorf—Rantzau. Dokumente. S. 87. Rede vor dem Verfassungsgebenden National—Versammlung. 10. April 1919.

ональным Собранием, обращаясь, конечно, в сторону Парижа. Руководитель германской внешней политики еще не знал, что выработанная в Париже система репараций была рассчитана именно на то, чтобы не дать возможности Германии экономически окрепнуть, чтобы держать народнохозяйственный организм Германии под постоянным комбинированным ударом, и что если бы перед французским империализмом стоял свободный, но необходимый выбор между аккуратным получением репарационных платежей и полным распадом Германии, избрано было бы последнее. Когда принятые в Париже решения о судьбе Саарской области и левого берега Рейна стали известны, германская политика, подчеркивая несоответствие этих решений с Вильсоновской программой, впервые взяла более резкий и решительный тон, угрожая неподписанием подготовляемого трактата. Одновременно Германия попыталась отстоять Саарскую область, выражая согласие приступить к переговорам с Францией и заключить экономическое соглашение. В Париже не было на это обращено никакого внимания. Германия продолжала оставаться совершенно изолированной, — и тут, поняв, что колониальная деятельность для Германии закрылась, что возможность как-либо договориться с Антантой совершенно безнадежна, германская политика сделала первый слабый поворот в сторону Востока, сделала первый, более чем осторожный дипломатический шаг в поисках установления первичных связей с Советской Россией.

Антанта могла быть удовлетворена: возможность советско-германского союза не была осуществлена. Германия, представители которой были приглашены в Версаль для получения выработанных условий мира, оказалась перед лицом Антанты слабой, разбитой и совершенно изолированной. Все попытки германских представителей добиться личных переговоров с победителями оказались безрезультатными. Кое-какие закулисные зондирования возможности договориться с Америкой и Англией,—если они и были,— ни к чему не привели. Условия Версальского трактата оказались гораздо более тяжелыми, чем это в Германии предполагали: они были не выполнимы. Перед Германией встал вопрос о том, как она «сможет выполнить свою обязанность финансового вознаграждения без того, чтобы быть раздавленной под тяжелым бременем»[1].

Апелляция к вильсоновской программе оказалась беспредметной. Германия пыталась вначале смягчить условия по отдельным вопросам (вопрос о виновности в возникно-

---

[1] Materialien, betreffend die Friedensverhandlungen. Teil I. Rede des Reichsministers des Answärtigen Grafen Brockdorf—Rantzau. № 2. S. 15.

вении войны, Саарский вопрос, вопрос о принятии в Лигу Наций и др.), но получила категорический отказ [1]. Такова же была судьба и всей системы германских контр-предложений [2]. В результате переписки германским представителям удалось добиться лишь крайне мизерных уступок: обещания плебисцита в Верхней Силезии, кое-каких мелких территориальных изменений в Познани, Силезии и Померании и др. Самые основы разработанных Парижской конференцией условий остались без изменения. Идеологический стержень всей версальской конструкции — признание Германии виновницей войны,—был по настоянию Франции лишний раз и резко подчеркнут победившей Антантой [3], которая считала всякие переговоры оконченными и ультимативно предложила подписать трактат так, как он есть. 22 июня, т. е. накануне истечения срока ультиматума, Германское Национальное Собрание большинством голосов решило подписать продиктованный договор, оговорив при этом, что Германия отказывается признавать себя единственной виновницей войны (ст. 231 Версальского Трактата) и отказывается выдать своих граждан, обвиняемых Антантой в нарушении во время войны международного права. Антанта отказалась принять эти оговорки и потребовала, под угрозой возобновления военных действий, принятия Версальского договора полностью. Германия и на это вынуждена была согласиться, и 28 июля 1919 г. там, где за 47 лет до этого была провозглашена Германская империя, был подписан Версальский трактат. Германия была порабощена и изолирована, и Антанта могла приступить к активной борьбе с Советской Россией. Почти ровно за месяц (26 мая) до подписания Версальского трактата Верховный Совет союзников поставил вопрос о постоянной помощи контрреволюционному правительству адмирала Колчака, а вскоре (12 июня) разрешил его в положительную сторону. А когда в октябре того же года Антанта об'явила блокаду Советской России и предложила Германии принять в этом участие, последняя под угрозой советского правительства принять против нее соответствующие мероприятия [4], отказалась выполнить требование Антанты, выразив, однако, согласие принять участие в других мерах

---

[1] Materialien. T. I, II.

[2] Mantelnote und Antwort der Alliierten und Assozierten Mächte auf die deutsche Gegenvorschäge. Charlottenburg. 1919.

[3] Materialien. Teil I. № 13. Französische Note von 20. Mai 1919 betreffend Schuldfrage.

[4] Радио-телеграмма народного комиссара иностранных дел РСФСР Чичерина на имя германского министра иностранных дел от 20-го октября 1919 г.

борьбы «против большевизма»[1]. Это двойственное положение Германии в сложившейся тогда системе международно-политических отношений являлось логическим завершением общей социально-политической ориентации ее правящих классов, которые напрягали все усилия, чтобы избежать социальной революции. Германия искала выхода в вильсонизме и попала в тупик Версальской системы. Избежав социальной революции, она получила, по выражению Клемансо, Карфагенский мир.

---

[1] Lucien-Graux. Histoire des Violations du Traitè de Paix. Tome premier. Paris 1921. p. 336. Documents annexes.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ТУПИКЕ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ

„Логика! Логика! К чорту логику!"
Вудро Вильсон.
(Lemont. Les Reparations).

Характерной чертой Версальского трактата является необычайная детализация заключающихся в нем условий, хитроумная предусмотрительность на каждый отдельный случай, вместе с тем возможность различных интерпретаций отдельных пунктов и, наконец, неопределенность в некоторых основных положениях. Это своеобразное совмещение противоположностей в своей реальной действительности означало то, что договор превращался в такое орудие, которым Антанта могла беспрепятственно и неограниченно диктовать свою волю побежденной стране, связанной сетью бесконечных условий, формул и положений. Версальский договор оставил проблему репараций по существу неопределенной и нерешенной, предусмотрев, однако, все соответствующие гарантии в этом отношении,—и потому он как бы являлся не только суммой мирных условий, предложенных Германии, но и такой carte blanche в руках Антанты, под которой уже заранее стояла подпись Германии. Отказ от этой подписи под неизвестным, всякая форма борьбы и протеста против того, что неограниченно могло быть вписано,—все это совершенно исключалось претворением в жизнь тех условий Версальского трактата, которые были детально обозначены.

Условиями Версальского мира Германия была лишена всякой экономической, политической, дипломатической и военной активности и самостоятельности. Германская армия свелась к 100.000 чел., вербуемых на 12 лет. Всеобщая воинская повинность отменялась. Генеральный штаб был упразднен. Весь военный флот был выдан (и потоплен немедленно моряками, нужно думать, при сознательном попустительстве со стороны Англии, для которой это был самый лучший выход из положения, ибо иначе ей пришлось бы поделиться мощным германским флотом со своими союзниками, а это означало бы их усиление на море). Герма-

нии запрещено было иметь артиллерию, подводные лодки, военные аэропланы, и даже разрешенная договором частная авиация впоследствии (по ультиматуму 5 мая 1921 г.) должна была регулироваться некоторыми нормами, выработанными Антантой. Весь левый берег Рейна, а на правом берегу полоса шириной в 50 километров превращались в нейтральную зону, где Германия лишалась права содержать вооруженную силу и укрепления. Укрепления на Гельголанде также должны были быть разрушены. Позднее (5 мая 1921 г.) Германии было предложено снести также и все восточные крепости. Возможности защиты своих сухопутных и морских границ,—основного условия сохранения государственного суверенитета, — Германия была таким образом лишена, а между тем внесенное Америкой на Парижской конференции предложение гарантировать безопасность Германии (в ее новых, конечно, границах) было самым решительным образом отклонено Францией. Территориальные потери подрывали хозяйственный и политический организм Германии. Германия потеряла все свои колониальные владения, в шесть раз превышавшие по площади империю, с населением в 13 миллионов человек. Доступ на иностранные колониальные рынки был для нее закрыт. Большая и лучшая часть ее торгового флота была конфискована. Эльзас Лотарингия отошла к Франции, а это означало потерю территории в 14.552 кв. километра, на которой жило 1½ миллиона человек, а также потерю 76% всей германской железной руды, 64% томасова шлака, 26% калия. К Бельгии отошли нейтральная и прусская части Морене и округа Эйпен и Мальмеди вместе с 62.000 жителей. В одном лишь Эйпене Германия потеряла лесу на 75 миллионов золотых марок, а также большое количество цинковой руды. Отделение от Германии Саарской области означало потерю 11 миллиардов тонн угольных запасов.

К Чехословакии отошел Гульчинский округ с 45.000 населения. Польша получила значительные отрезки Западной Пруссии, Познани, а также Восточной Пруссии, Померании и Силезии,—территорию с населением в 3 миллиона человек. Вместе с Верхней Силезией (впоследствии переданной Польше вопреки результатам плебисцита) Германия потеряла 95% находившихся там залежей угля, 75% свинцовых рудников и 60% добычи цинка. До войны эта область доставляла Германии 84% цинка, 59% свинца, 23% угля. От Германии, далее, отошли Данциг с 327.000 жителей и область Мемеля, насчитывающая 140.000 жителей. Восточная Пруссия была отделена от Германии, так наз., Польским коридором. Всего Германия потеряла, не считая колоний, приблизительно 1/8 своей территории и 1/12 всего своего населения. Люксембург, связанный до 1 января 1919 г. с Германией тамо-

женной унией и арендной сдачей своих железных дорог, вступил в таможенный союз с Бельгией. Согласно ст. 80 Версальского трактата присоединение Австрии к Германии сделалось невозможным без разрешения Совета Лиги Наций. Следует также отметить постановление об интернационализации важнейших водных путей Германии, об уравнении в Германии иностранцев в правах с собственными гражданами, о праве одностороннего наибольшего благоприятствования для торговли в Германии граждан Антанты, о ликвидации германского имущества в странах победителей и т. д., и т. д. [1].

Гарантией выполнения договора являлась, между прочим, оккупация сроком от 5 до 15 лет левого берега Рейна войсками Антанты, содержащимися, однако, на германские средства. Разоренная и истощенная страна, уступившая большую долю своей территории и населения, потерявшая почти весь свой торговый флот, все свои колонии и связь с заморскими странами, лишенная одной трети угля и трех четвертей железной руды, отягощенная большим военным долгом и сильно обесцененной валютой, — вынуждена была взять на себя обязанность выплачивать Антанте огромную, но неопределенную сумму в качестве, так называемых, репараций, невыполнение которых обусловливало применение санкций и продление оккупации германской территории. Устанавливая виновность Германии за войну, Антанта потребовала далее «чтобы были возмещены все убытки, причиненные гражданскому населению каждой из союзных и об'единившихся держав и их имуществам в течение периода, когда эти державы находились в состоянии войны с Германией, названным нападением на суше, на море и с воздуха» [2]. Взятая лишь в этой части статья Версальского трактата как бы не противоречит тем условиям, которые были положены в основу перемирия, однако, в ходе работ мирной конференции выяснилось, что Антанта фактически добивается грандиозной контрибуции. Французские апологеты версальской системы пытаются доказать, что уже самые условия перемирия заключают в себе правовые основы тех требований, которые были впоследствии пред'явлены Германии. В одном они правы: французская политика, действительно, с самого начала, еще при выработке ранних условий перемирия, старалась заложить основу для создания

---

[1] Версальский мирный договор. Полный перевод с французского подлинника под редакцией проф. Ю. В. Ключникова и Андрея Сабанина. Москва, 1925. В. Шетцель. Политические итоги мирных договоров (1914 — 1925 г.г.). Пер. с немецкого В. П. Зелькиной, дополнение и редакция проф. Ю. В. Ключникова, 1926.

[2] Ст. 234.

будущей системы репараций [1], которая рассчитана была на то, чтобы получить возможность сокрушить народно-хозяйственный организм Германии, вовлечь его в сферу своего влияния и сделать об'ектом своего постоянного давления. Уже после перемирия французский империализм получил в этом поддержку со стороны английской политики, для которой лозунг «Германия за все заплатит» имел характер не только предвыборного маневра, но и возможности своего контроля во франко-германских отношениях. И Англия и Франция настаивали на том, что вильсоновские условия не могут иметь ограничительного характера для победителей, или, что то же,—могут быть в своем внутреннем смысле расширены до такой степени, что позволят требовать от Германии полного возмещения всех потерь и всех убытков [2]. «Один из союзников, — передает американский участник Парижской конференции,—этим не ограничился и потребовал возмещения даже таких потерь и убытков, которые были вызваны столь неожиданным перемирием, благодаря чему прекращение военных действий повлекло за собой финансовые потери» [3]. Проблема репараций была на Парижской конференции предметом самой ожесточенной борьбы между Францией, Англией и Америкой, — борьбы, которая однажды едва не довела конференцию до кризиса. Англо-французская борьба свелась к тому, что каждая из сторон пыталась оставить за собой преимущественное право на полное возмещение военных издержек, между тем как Америка вообще противилась такой постановке репарационной проблемы, настаивая на связывающем значении американской ноты от 5 ноября 1918 г., гласившей лишь то, что «Германия обязана возместить весь ущерб, причиненный гражданскому населению союзных держав и их имуществу нападениями на суше, на море и с воздуха».

Франция, поддержанная Англией и мелкими державами, пыталась настоять на своем, аргументируя, между прочим, тем, что вступила в войну вопреки своему желанию и лишь из обязанности «полицеиста» выполнить Лондонский договор 1839 года, гарантирующий бельгийский нейтралитет, нарушенный Германией. Американские представители довольно резко обрушились на дешевую французскую демагогию [4], и дело дошло до того, что Вильсон недвусмысленно

---

[1] L.—L. Klotz. De la guerre àla Paix. Souvenirs et Documents. Paris 1924. p. 94. Mermeix. Les Negociations secrétes et les Quatre Armistices avec pièces justificatives. Paris. 1921. p. 199

[2] L.-L. Klotz. De la guerre à la Paix. p.p. 211—212. Principes des reparations (Projet de la Dèlégat on Française).

[3] Bernard M. Baruch The Making of the Reparation and Economic Sections of the Treaty. New-York and London. 1920. p. 20.

[4] Baruch. Op. cit p. 323—327.

пригрозил опубликованием англо-французских домогательств. В конце концов, однако, был достигнут компромисс, удовлетворивший и англо-французские притязания и формальную позицию Америки. Компромисс этот заключался в том, что англичанам удалось прикрыть свои требования формулой, приемлемой для американского доктринаризма в европейских делах. Генерал Сметс в своем меморандуме, составленном 31 марта 1919 г., сумел подвести установленный принцип возмещения Германией убытков, причиненных гражданскому населению, — ущерб, причиненный солдатам. «После своего увольнения, — гласит эта весьма своеобразная аргументация, — увечный солдат переходит в состав гражданского населения, и так как в будущем он уже не может (вовсе или отчасти) зарабатывать себе пропитание, то он терпит ущерб, как член гражданского населения, которому германское правительство обязано уплатить возмещение». И это было тем последним аргументом, перед которым склонилась американская позиция, ибо для нее, в конечном счете, вопрос заключался в том, чтобы обеспечить получение долгов, — а не потеряв положение арбитра в отношениях между Антантой и Германией, можно было рассчитывать на то, чтобы регулировать эти отношения в случае, если развитие репарационной проблемы примет невыгодный в каком-либо смысле для Америки оборот. А между тем, достигнутое соглашение в своем реально-количественном выражении равно было двум третям всех репарационных требований, пред'явленных впоследствии Германии, жизненная основа которой и без того разрушалась экономическими статьями договора, подрывающими германскую систему транспорта, заморскую торговлю и широкую эксплоатацию угля и железа. В результате VII часть Версальского трактата, посвященная вопросу о репарациях, ни в какой мере не напоминает тех гарантийных условий, которые установлены были в германо-американской переписке о перемирии. Общая сумма возложенных на Германию репараций в Версальском трактате обозначена не была,—ее должна была установить специальная репарационная комиссия не позднее 1 мая 1921 г. Германия, таким образом, подписала незаполненный вексель, между тем как французский министр финансов оценивал одни лишь французские претензии за убытки в 5.360 миллионов фунтов (134 миллиарда франков), т. е. суммой, в шесть раз превосходящей вычисления английского экономиста, известного специалиста по репарационному

---

[1] Baruch. Op. cit. p. 31.

вопросу Кейнса[1], а общая сумма, предположенная, как репарационное требование, превосходила ценность всего народного хозяйства Германии накануне войны.

Репарационная комиссия, составленная из представителей главных союзных держав, получила чрезвычайно широкие полномочия и превратилась как бы в вершителя судьбы экономической жизни Центральной Европы. Еще до определения общего счета репарационных платежей, пред'явленного Германии, последняя по Версальскому договору обязалась внести до 1 мая 1921 года один миллиард фунтов стерлингов и, кроме того, представить обязательства на пред'явителя на сумму в два миллиарда фунтов. Далее, репарационная комиссия получила право потребовать, если установит платежеспособность Германии, выпуска новых пятипроцентных векселей на сумму в 2 миллиарда фунтов стерлингов, а потом и новых выпусков пред'явительских векселей, пока не будет покрыт предусмотренный максимум.

Если принять во внимание, что соответствующее постановление договора означает рост основной суммы долга по сложным процентам, то основные линии репарационных требований делаются понятными: они были невыполнимы, ибо не соответствовали экономическим ресурсам Германии и тем возможностям, которые были предоставлены ей всей системой Версальского трактата. К тому же, Германия должна была выполнить многочисленные обязательства сверх репарационных платежей. Сюда, например, относится передача всего государственного имущества в колониях и в Эльзас-Лотарингии без зачета его стоимости в общую сумму долга.

«Германия уже более не будет ни народом, ни государством,—писали германские представители в Версале, изучив предложенный им к подписи мирный договор,— она превращается в торговое дело, которое ее кредиторы передают в руки получателя, при чем ей не дается даже такой ничтожной гарантии, как возможность доказать свою готовность со всем усердием выполнять возложенные на нее обязательства. Комиссия (репарационная.—А. Е.), которая должна иметь свою главную квартиру вне Германии, будет располагать внутри нее гораздо большими правами, чем те, какими когда-либо обладал германский император. Под властью подобного режима германский народ надолго останется лишенным всяких прав; в гораздо большей степени, чем какой-либо народ в эпоху абсолютизма, он будет лишен свободы деятельности и связан в стремлениях каждого лица к экономическому и даже моральному преуспеянию».

---

[1] Дж. М. Кейнс. Экономические последствия Версальского мирного договора. — Пер. Д. П. Кончаловского. 1924. Стр. 59.

Версальский договор был ратифицирован 10 января 1920 года, и реализация его условий тотчас же вскрыла заложенные в нем и порожденные им грандиозные противоречия. Все попытки разрешения центральной проблемы в отношениях между Антантой и Германией—репарационной проблемы—приводили в конце концов к тупику, выход из которого был лишь в ревизии Версальской системы. Но пути этой ревизии были весьма длительны, извилисты и противоречивы, и определялись они не только теми силами, которые были непосредственно заинтересованы в том или ином разрешении репарационной проблемы. Соединенные Штаты не ратифицировали Версальского договора и вернулись к политике самоизоляции. Мировая война и ее результаты, как они зафиксированы были в серии трактатов, выработанных на Парижской конференции, привели к попыткам утверждения в Европе французской гегемонии, опирающейся на систему мелких и новообразовавшихся милитаристических государств. Отсюда основное противоречие з международно-политической системе послеверсальских отношений—англо-французское противоречие. В игре международно-политических сил новейшей Европы число возможных комбинаций ограничено, и одной из самых опасных для себя комбинаций политика Великобритании всегда считала,—и не без оснований,—образование континентального блока, и в частности франко-германское сближение. Такая комбинация в послевоенных условиях могла сложиться либо в результате продолжения политики Версаля, т. е. политики, направленной на полное экономическое и политическое обессиление Германии, за счет возрастающего влияния французского империализма,—либо в результате политики, знаменующей некоторое сближение с Германией. И если графически изобразить послеверсальскую политику французского империализма в его отношениях с побежденной Германией, то можно будет вычертить некую зигзагообразную линию, заостренные концы которой означали бы наиболее крайнее проявление обеих возможностей, неоднократно использованных французской политикой и дипломатией. Однако, самый факт зигзагообразности этой политики, возможность переходов к противоположным методам,—от экономическоо сближения с Германией до применения решительных военных санкций включительно,—размах, разделяющий крайности, и линии, эти крайности соединяющие,—все это определяется интересами французского империализма и той системой международно-политических отношений, в которой ему приходилось в данный момент действовать. После того, как Америка отошла от непосредственного участия в делах Европейской политики, главными международно-политическими силами, с которыми

Франции приходилось считаться при разрешении Германской проблемы, были: Великобритания и Советская Россия. Если основное направление империалистических интересов французских металлургических концернов—вовлечь в сферу своего непосредственного влияния экономические ресурсы Германии, в частности, эксплоатацию угольных богатств Рурского бассейна, превращение Германии в один из основных базисов для дальнейшего расширения экономического и политического влияния Франции,—оставалось постоянным, то соотношение сил на арене европейской и мировой политики неоднократно менялось. Обе политические линии французского империализма—порабощение Германии и соглашение с нею—были для Великобритании чрезвычайно опасны, ибо в обоих случаях для Англии, хозяйство которой вступило после войны в полосу серьезного кризиса с его постоянным и обязательным спутником—хронической безработицей,—послевоенное развитие французской промышленности означало появление сильного конкурента, который, в случае, если бы он получил опору в экономических ресурсах Германии, мог бы стать грозной и непреодолимой силой. Основной линией английской политики, как она проявилась в истории многочисленных послеверсальских конференций по вопросу о репарациях, и является борьба с французскими тенденциями утвердить свою гегемонию в Европе,—тенденциями, проявляющимися различно: и в форме экономического соглашения с правительством и отдельными капиталистическими группами Германии, и в форме внезапного насильственного наскока, и, наконец, в форме комбинированных методов давления. Орудием этого давления являлись те репарационные обязательства, которые были навязаны Германии Версальским трактатом и которые в своей окончательной форме не были определены. Постоянными участниками репарационной комиссии являлись представители Франции, Великобритании, Италии и Бельгии [1], но так как председателем комиссии был француз, который в случае разделения голосов получал право на второй голос, то превалирующее влияние Франции, всегда поддерживаемой своей союзницей Бельгией, было обеспечено. Сложность проблемы репараций и отражающиеся в этом вопросе англо-французские противоречия выразились в том, что в результате беспрерывных заседаний репарационной комиссии и многочисленных конференций союзников — решались вопросы лишь сравнительно второстепенного порядка, между тем как разрешение основного вопроса почти не продвигалось вперед. Политика

---

[1] Соединенные Штаты, не ратифицировавшие Версальский договор, имели в репарационной комиссии лишь своего наблюдателя.

Англии, которая определялась интересами восстановления европейского рынка и восстановления европейского равновесия, неизбежно сталкивалась на этих конференциях с политикой Франции, добивающейся гегемонии в Европе. Об'ектом этих столкновений была Германия, которая, не имея никакой внешне-политической опоры, вынуждена была или расплачиваться за исход этих столкновений, или довольствоваться теми мизерными облегчениями, которые иногда выплывали на поверхность в результате англо-французской борьбы. Одним из основных элементов французской политики,—направленной к тому, чтобы на базе расчлененной и обессиленной Германии утвердить свою гегемонию в европейских делах и увеличить свое влияние в общей системе мировой политики,—являлось расширение зоны военной оккупации германской территории. В этом отношении Франция старалась не упускать представляющейся возможности. Когда в Рурской области вспыхнуло массовое восстание углекопов, и германское правительство направило туда для подавления восстания вооруженную силу, тем самым нарушив постановление Версальского трактата о нейтрализации зоны в 50 километров на правом берегу Рейна,—французская политика тотчас же применила соответствующие военные санкции, оккупировав (6 апреля 1920 г.) Франкфурт. В связи с этими мероприятиями французского правительства и была созвана первая после Версаля конференция в Сан-Ремо [1] (19—26 апреля 1920 г.), на которой, между прочим, Англии удалось добиться эвакуации Франкфурта, а также постановления о том, что применение подобных санкций в будущем может иметь место лишь в результате соглашения всех союзников. Именно на этой конференции было впервые выдвинуто Англией предложение пригласить для переговоров германских представителей. И не случайно на этой же конференции под давлением Англии, действующей под влиянием затяжного экономического кризиса и ищущей рынков, было постановлено вести переговоры в Лондоне с советской торговой делегацией. Заинтересованная в установлении европейского равновесия и в экономическом восстановлении континента, как стимула развития его покупательной способности, Англия стала постепенно противодействовать программе французского империализма, который считал возможным подчинить себе обезоруженную Германию экспедицией цветных войск и расправиться с Советской республикой силами молодого польского милитаризма и поддержкой крымского диктатора генерала Врангеля.

---

[1] Albert Milhaud. La Reconstruction du Monde. Chronique du temps present. Paris 1923/24. P. 173—196. San-Remo.

Последующие за Сан-Ремо конференции в Гайте (май 1920 г.), в Булони (21 июня 1920 г.), в Брюсселе (2—3 июля 1920 г.) не продвинули вперед дело составления репарационной схемы. Следующая конференция, состоявшаяся в Спа (5—16 июля 1920 г.), в этом отношении также ничего нового не принесла. На конференции этой впервые, по настоянию Англии, принимали участие германские представители, и, кроме того, тут были определены доли, закрепляемые за каждым союзником, из общей репарационной суммы, величина которой все еще оставалась неизвестной и схема реализации которой также не была еще выработана. Франция получила 52% общей суммы, Британская империя—22%, Италия—10%, Бельгия—8%, а остаток составлял резерв в пользу других государств [1]. Кроме того, на этой конференции был выработан протокол, обеспечивавший Антанту доставкой германского угля. По Версальскому договору [2] Германия обязана была сдавать свыше сорока миллионов тонн угля ежегодно. Но так как эта цифра была совершенно невыполнима, то репарационная комиссия была поставлена перед необходимостью несколько изменить установленное требование в сторону снижения. Конференция в Спа установила размер поступлений германского угля в 2 миллиона тонн ежемесячно и притом согласилась на возмещение Германии разницы между ценой угля на мировом и внутригерманском рынке. Все это означало изменение условий Версальского трактата, которое вызвано было тем, что навязанные Германии требования не стояли в соответствии с об'ективными экономическими возможностями, а утверждение невыполнимых требований путем применения военных санкций обуславливалось для французского империализма политической позицией Великобритании. Франции все же удалось в Спа настоять на том, что, в случае, если общее количество поставок угля не достигнет к 15 ноября 1920 года установленного количества, «союзники, как гласила нота, приступят к оккупации дальнейшей части германской территории и займут либо Рурскую область, либо какую-нибудь другую» [3].

Руководящие круги германской политики, в общем, были удовлетворены этим результатом, усматривая хорошее в том, что предложенные условия не стали хуже. Английский парламент был также удовлетворен политикой Ллойд-

---

[1] Дж. М. Кейнс. Пересмотр мирного договора. Пер. с англ. Д. П. Кончаловского, 1924. Стр. 101. Приложение документов. Соглашение в Спа, июль 1920 года.

[2] Часть VIII, прилож. V, §§ 2 — 4.

[3] Дж. М. Кейнс, Jb, стр. 102 — 103. Союзная нота Германии по вопросу о доставке угля.

Джорджа, который считал, что дальнейший нажим на Францию мог бы привести лишь к обратным результатам, между тем, как во французской палате результаты конференции были оценены, как начало ревизии Версальского трактата, и потому были встречены резко оппозиционно: Бриан прямо говорил о том, что «материальные интересы» союзников находятся в противоречии между собой [1]. Еще большее недовольство Франции вызвало то, что ей пришлось на конференции в Спа согласиться на продление срока разоружения Германии до 1 января 1921 года. Правда, попытка Германии добиться увеличения своей армии до 200.000 человек не увенчалась успехом, но и те уступки, которых она добилась в Спа по вопросу об угольных поставках и продлении срока разоружения, были возможны, главным образом, благодаря тому, что Красная армия одерживала крупные успехи в войне с Польшей, и продвигалась на Запад. Германия пыталась использовать ситуацию, создавшуюся в связи с наступлением Красной армии,—и это особенно раздражало французских политиков [2].

3 августа министр иностранных дел Симонс официально об'явил, что Германия в советско-польской войне будет сохранять строжайший нейтралитет и не допустит перевозки через свою территорию войск и военного снаряжения, аргументируя последнее тем, что в противном случае это вызовет гражданскую войну. Действительно, все симпатии рабочего класса были на стороне Советской республики, и это выразилось в многочисленных постановлениях рабочих организаций бастовать в случае, если Франция попытается перебросить свою помощь Польше через Германию. В Данциге немецкие рабочие саботировали перегрузку военного снаряжения, посланного Францией Польше. Давление рабочего класса было таким образом достаточно велико, и германскому правительству приходилось с этим считаться. Противоречивое положение, в которое попала Германия, отразилось и на противоречивости ее политической линии, которую можно характеризовать, как первую попытку политики балансирования между борющимися силами с целью извлечь для себя максимум возможных в данных условиях выгод или, говоря более конкретно, добиться ревизии некоторых пунктов Версальского трактата. Германское правительство обратилось к союзникам с нотой, в которой сообщало о своем намерении для обеспечения своего нейтралитета усилить свои войска в Восточной Пруссии путем прибавления к ним добровольцев,

---

[1] E. Kraus. Von Versailles bis London. Karlsruhe 1921 г. S. 48.

[1] Raymond Poincaré. Histoire politique. Chroniques de Quinzaine. Paris 1920 p. 237.

и занять плебисцитарные округа Алленштейна и Мариенвердера. Это означало—забрать в свои руки правый берег Вислы, перерезать одну из железнодорожных линий, ведущих из Данцига в Варшаву, и получить возможность перерезать и вторую линию, проходящую по левому берегу Вислы и являющуюся единственно свободным путем для союзников в Польшу. Германская политика, ссылаясь на необходимость защитить свой нейтралитет от возможного вторжения Красных войск, пыталась занять удобную стратегическую и отчасти контролирующую позицию, чтобы в надлежащий момент сделать то или иное свое выступление решающим и ценным. В германских военных и наиболее реакционных кругах, повидимому, были довольно определенные тенденции за активное выступление против Советской России на условиях ревизии некоторых частей Версальского трактата. Тенденция эта особенно оживилась после того, как английский военный министр Уинстон Черчилль, еще на Парижской конференции поддерживавший план Фоша о походе на Москву, напечатал в „Evening News" статью, в которой писал о необходимости заставить Германию выступить на помощь Польше, обещав ей ревизию Версальского трактата. «Интересы Франции и Англии и все плоды победы,—писал он в этой статье,—пойдут на смарку, если Польша будет изнасилована красными войсками или поддастся большевистской пропаганде, ибо тогда будет разрушена преграда, поставленная союзниками между Россией и Германией. В этих условиях перед Германией ставится страшный и необычайный выбор: или толкнуть свою собственную цивилизацию во всеобщий большевистский хаос, или, путем наивысшего мудрого усилия, построить плотину для того, чтобы остановить напор воли красного варварства. Если германцы докажут, что они способны оказать Европе такую услугу, то они, несомненно, совершат этим самый больший шаг по пути к искуплению своих грехов, и это сможет предоставить им снова место в общей культуре и обеспечить искреннее сотрудничество Англии, Франции и Германии, от которых зависит спасение Европы»[1]. Руководящая английская пресса с „Times" во главе весьма критически отнеслась к этому предложению Черчилля, но в некоторых германских кругах за эти проекты, очевидно, ухватились. В частности, известный германский крупный промышленник Рехберг вел переговоры с французским генералом Нолле[2] и членами английской дипло-

---

[1] Цит. по «Бюллетеню Народного Комиссариата Иностранных Дел» 1920, № 32.

[2] Lucien—Graux. Histoire de Vialotions du Traité de Paix. Tome Premier. Paris 1921. p. 65.

матической миссии [2]). По сведениям французской прессы, которая очень внимательно следила за малейшими движениями германской политики, особенно в это время, в Берлине между британским поверенным в делах и генералами Гофманом и Людендорфом происходили неофициальные переговоры о выступлении Германии против Советской России. Людендорф, по тем же сведениям, предполагал организовать полуторамиллионную германскую армию, достаточную, по его мнению, для полного разгрома большевиков, и готов был встать во главе этого дела, но взамен требовал уничтожения некоторых пунктов Версальского договора, в частности, касающихся Польского коридора и Верхней Силезии, а также признания за Германией права на крупную долю в будущей эксплоатации России. Все это звучит весьма правдоподобно и является рецидивом старых планов германского империализма, который в свое время, погибая, старался спасти себя от ударов Антанты путем активных выступлений против Советской республики. Теперь этот рецидив свидетельствовал о попытках возрождения германского империализма ценой выступления в качестве агента Антанты. Реакционные силы германской политики готовы были примириться с положением дел на Западе и искали выхода для своей экспансии в эксплоатации потенциально-богатого Востока. Любопытно,—если только верны сообщения французской прессы,—что в германских националистических кругах одновременно весьма усердно муссировался слух о существовании тайного советско-германского договора, якобы направленного против Польши, против лимитрофов, а также против Версальского трактата. Можно предположить, что этот апокрифический договор был создан не только французской прессой, которая всячески старалась скомпрометировать Германию перед своим собственным общественным мнением и перед Англией, но и националистическими кругами Германии, которые призраком своего сближения с Востоком в эти критические дни предполагали заставить Антанту итти на уступки. Тут впервые правые (но не крайне-правые) давали понять Антанте, что кроме политики борьбы с Советской республикой для Германии возможна политика сближения с Востоком, к а к о в б ы о н н и б ы л. „Kölnische Zeitung“,—например, влиятельная германская газета, в свое время инспирировавшаяся Бисмарком, и к этому времени ставшая органом Стиннеса,—писала о том, что Германия заняла нейтралитет «не без благожелательности в стороны Ленина и Брусилова».

План образования англо-франко-германского блока и германского выступления против Советской России потерпел крах, ибо Антанта не согласилась на предложенные условия, которые означали ревизию Версальского трактата

и возрождение германского империализма [1]. Перспектива сближения Германии с Советской Россией вызвала еще большее возбуждение, и не только во французской, но и в английской прессе [2], которая требовала выступления Антанты против Германии на Западе, как гарантии и в противовес возможному выступлению Германии на Востоке. Все это и с той и с другой стороны было лишь маневрами в политической борьбе, ибо если в Германии о советско-германском договоре говорили, то в странах Антанты всерьез этому никто не верил [3]. Но эти маневры достаточно характерны, т. к. они внешним образом и в своеобразном преломлении выражали новые тенденции зарождающегося устремления Германии на Восток и являлись первичной формой той политики, которая впоследствии развернулась на гораздо более широкой основе. Теперь же социальная природа германского государства определяла совершенно точно те границы, в пределах которых Германское правительство еще готово было вести политическую игру, но за пределы которых оно выйти не могло.

«Если им (т. е. большевиками.—А. Е.),—сказал Симонс в рейхстаге,—удастся выполнить свое намерение (нарушить германский нейтралитет.—А. Е.), то они заставят Германию выступить на стороне Антанты и Польши против России. Тогда произойдет то, чего я всячески хочу избегнуть,—произойдет то, что Германия станет ареной в этой ужасной войне» [4]. Как бы то ни было, но действительная позиция, занятая Германией в советско-польской войне, являлась следствием тех противоречий, которые успели вскрыться уже в результате первого года действия условий Версальского договора. Германия в этих противоречиях искала выхода, и одновременно с первыми робкими попытками завязать сношения с Советской республикой обращала свои взоры в сторону Соединенных Штатов. Это последнее следует рассматривать не как традицию послевоенной политики Германии, но как общую социально-политическую ориентацию, определяющуюся всей системой евро-

---

[1] Разоблачение, сделанное в сентябре 1927 г. венгерской газетой «Мадьяршаг», и опубликованная брошюра бывшего венгерского военного министра генерала Шратера, на которую в свое время обратил внимание «Pester Lloyd», свидетельствуют, что между Францией и Венгрией велись переговоры о выступлении последней совместно с Польшей против Советской России взамен ревизии некоторых условий Трианонского договора. План Черчилля-Людендорфа имел, таким образом, свой франко-венгерский прецедент.

[2] Напр. „The Times“ от 26 августа 1920 г.

[3] Даже Lucien-Graux, который готов обвинять германское правительство в том, что оно пропагандировало большевизм в Бельгии, не решается утверждать существование договора.

[4] Цит. по «Бюллетеню Народного Комиссарита Иностранных Дел», 1920, № 32.

пейских противоречий. В руководящих кругах германской политики отлично понимали, что победа Советской России над Польшей неизбежно будет стимулировать взрыв Версальской системы,—однако, этот метод действенной, практической ревизии условий Версальского трактата казался правящим классам Германии слишком опасным и потому неприемлемым. Виднейший представитель германских, подобно настроенных кругов и отличный знаток вопросов международной политики, проф. Гетч и говорил именно в этом смысле о том, что Германия находится между империализмом и большевизмом. В свете основных тенденций внешней политики Германии, как они зародились в условиях после Версаля и впоследствии развернулись в диалектическом ходе европейской истории, концепция Гетча может рассматриваться, как выражение определенной политической ориентации. В конце 1920 года лидер германских националистов, отмечая послевоенный экономический кризис, который охватил не только побежденных, но и победителей, говорил о ревизии Версальского договора, как о предпосылке борьбы с надвигающимся хаосом и общим врагом капиталистических государств—с большевизмом, и притом считал, что в экономическом оздоровлении Германии, стимулирующем оздоровление всего европейского хозяйства, решающую роль будет играть не Англия, которая связана в восточных делах, и которая встречает сильное противодействие со стороны Франции, а Америка, которая должна будет вернуться к европейским делам и установить тут экономическое и политическое равновесие, как необходимое условие для увеличения покупательной способности Старого Света [1]. Действительно, германская политика в поисках противодействия англо-французскому нажиму искала точки опоры в различных направлениях, из коих один путь вел в Вашингтон, другой в Москву. В первом случае имелись в виду поиски капиталов, как условия восстановления расшатанной финансовой и обще-экономической системы, во втором случае—поиски дешевого сырья и рынков сбыта фабрикатов, как условия восстановления равновесия и оздоровления народно-хозяйственного организма Германии. Те временные и сравнительно малозначительные облегчения, которые были Германии предоставлены в Спа отчасти благодаря советско-польской войне, не могли иметь решающего значения в отношениях между Антантой и Германией. Основная проблема—проблема репараций—оставалась неразрешенной. Брюссельская конференция экспертов (16—22 декабря 1921 г.) реально ни к чему не привела. В

---

[1] Otto Hoetzsch. Deutschlands aússenpolitische Lage 1920. Die Grenzboten. 1920. № 52.

это же время начались непосредственные переговоры между представителями французского правительства и промышленности и представителями крупнейших германских промышленных об'единений. Перспектива франко-германского соглашения оказалась достаточной, чтобы английская политика быстро переменила фронт. На Парижской конференции (24—30 января 1921 г.) Англия неожиданно стала поддерживать самые крайние французские требования, которые в результате свелись к тому, что Германия должна вносить по 100.000.000 фунтов в первые два года, по 150.000.000 фунтов в год для следующего трехлетия, затем по 200.000.000 фунтов в год для следующих трех лет, по 250.000.000 фунтов в год для следующего трехлетия, и далее, наконец, по 300.000.000 фунтов ежегодно в течение 31 года. Кроме того, решено было обязать Германию платежом ежегодной суммы, равной 12% германского экспорта [1]. Германское правительство пред'явило Лондонской конференции (1—7 марта 1921 г.) союзников свои контр-предложения, которые были резко отвергнуты и Францией и Англией. 3 марта союзники пред'явили Германии ультиматум, который требовал принятия парижских постановлений под угрозой оккупации Дуисбурга, Рурорта и Дюссельдорфа на правом берегу Рейна, установления таможенной границы между оккупированной территорией и остальной Германией и других мер, направленных на подрыв экономической жизни Германии. Парижские постановления вовсе не вытекают из условий Версальского трактата и если имели с ним какую-либо связь, то разве только в смысле своей невыполнимости. Германский ответ был отвергнут, и французский империализм получил возможность вторгнуться на германскую территорию и сделать еще один шаг в своих попытках отделить Рейнскую область от Германии и занять подступы Рурского угольного бассейна. Английская политика достигла своей цели,—намечавшееся франко-германское соглашение было сорвано,—а расплачиваться за политику английских маневров пришлось все той же Германии, которая пыталась было протестовать через Лигу Наций, но, конечно, безуспешно. Концепция Гетча о роли американского вмешательства в дела Старого Света имела характер не только теоретического прогноза. Отправляясь в Лондон, германское правительство, завязавшее переговоры с некоторыми представителями американского капитала, рассчитывало на то, что решающее слово в репарационной политике Антанты скажет Гардинг, как раз в это время вступавший на должность американского

---

[1] Дж М. Кейнс. Пересмот мирного договора, стр. 15.

президента [1]. Этого не случилось, и германское правительство решило само обратиться к Соединенным Штатам со своими предложениями относительно репарационной проблемы и, тем самым, старалось вызвать американское вмешательство (Германия, между прочим, выразила согласие взять на себя часть долгов союзников Соединенным Штатам). Вашингтонское правительство, выяснив предварительно в Лондоне и в Париже неприемлемость сделанных предложений, отклонило германскую просьбу.

Политика, рассчитанная на американскую интервенцию, потерпела крушение. Между тем Германии был сообщен (27 апреля) результат работ Репарационной комиссии, установившей общую сумму требуемых платежей в размере 132 миллиардов золотых марок [2].

Собравшаяся вторично в Лондоне конференция союзников, (29 апреля — 5 мая 1921 г.) пред'явила Германии новый ультиматум и под угрозой оккупации Рура потребовала принятия предложенной схемы репарационных платежей. Схема эта устанавливала три серии репарационных обязательств, из которых первая (А) равна была 12 миллиардам, вторая (В)—38 и третья (С) 82 миллиардам. Платежи должны были состоять из твердых ежегодных взносов—в два миллиарда золотых марок и изменчивых — в 26% ценности германского экспорта. Лондонский ультиматум был принят, и это как бы резюмировало первый этап истории послеверсальских отношений между Антантой и Германией. Надежды на американское вмешательство не оправдались, и в поисках выхода из того тяжелого экономического положения, в которое Германия была загнана системой Версильского мира, пришлось обратиться на Восток. Еще в начале 1920 г. Германия и Советская Россия обменялись уполномоченными по делам военнопленных. Сначала германское правительство ставило некоторые препятствия для полного возобновления дипломатических отношений между обеими странами, но все же удалось достигнуть ряда соглашений (19 апреля, 29 апреля и 7 июня) о реэвакуации военнопленных. После советско-польской войны в Германии усилились тенденции в сторону соглашения с Советской Россией, но реализация их задерживалась политикой Антанты, — и в этом лишний раз проявилась противоречивость послеверсальских отношений, которые, направляя германскую политику в сторону соглашения с Советской Россией, удерживали ее от этого возможностью давления со стороны Антанты. И только заключение англо-советского договора

---

[1] E. Kraus. Von Versailles bis London. S. 82.

[2] К этому следует прибавить 6 миллиардов на уплату Бельгийского долга.

сдвинуло вопрос о соглашении с мертвой точки. 6 мая 1921 г. т. е. тотчас же по окончании Лондонской конференции представители Советской России и Германии подписали в Берлине «временное соглашение»[1], по которому представительство РСФСР в Германии признавалось «единственным представительством Российского государства в Германии» (ст. 1) и которым подводилась некоторая правовая база «для развития экономических сношений между обоими государствами».

Заключение этого соглашения стимулировало развитие экономических связей между обоими государствами. Правда, торговые сношения на первых порах выразились лишь в продаже паровозов Советской России, а также других товаров исключительно за наличный рассчет золотом, в то время, как, например, Румыния покупала в Германии паровозы в кредит. Но все же советско-германские отношения сдвинулись с мертвой точки, и вскоре открылась возможность организовать смешанные советско-германские общества морского транспорта, торговли металлами, воздушного сообщения и т. д., а также вести деловые переговоры с группой рейнско-вестфальских промышленников о предоставлении Советской России кредитов.

Необходимость экономической связи с Советской республикой была, таким образом, Германией реализована только тогда, когда политика Антанты предоставила для этого возможность. Англия установила прецедент в деле восстановления торговых сношений с Советской Россией, и Германия могла лишь последовать по этому пути, и притом в условиях англо-французского антагонизма. Основное направление английской политики в Европе сводилось к тому, чтобы, для преодоления послевоенного упадка своей промышленности и хронической безработицы, ослабить экономическое и политическое влияние Франции, увеличить свой вывоз путем поднятия покупательной способности континента и открытия новых рынков сбыта, увеличить ввоз дешевого сырья и сельскохозяйственных продуктов. Кроме того, Англия заинтересована была в увеличении общих торговых оборотов европейских стран, что повысило бы нагрузку ее могущественного, но отчасти бездействующего торгового флота. Все это означало необходимость для Англии оздоровления условий экономического существования Европы, — основной предпосылкой которого было включение Советской России в систему мирового хозяйства и восстановление народно-хозяйственного организма Германии. Одним из противоречий

---

[1] Соглашения с Германией, заключенные в Берлине 6 мая 1921 г. Народный Комиссариат Иностранных Дел. 1921.

репарационной проблемы явилось то, что для выполнения своих репарационных обязательств, для выполнения своих платежей в золоте Германия должна была установить активный торговый баланс и, следовательно, максимально развить свой экспорт, т. е.: выступить на мировом рынке в качестве грозного конкурента Антанты. Политика крайнего протекционизма, столь характерная для послевоенной истории, ставила непреодолимую преграду германскому экспорту, а это неизбежно отражалось на выполнении репарационных обязательств. Вывоз золота в виде репарационных платежей был невозможен без значительной активности торгового баланса, а так как этой активности не было, то марка начала усиленно падать, а это усиливало конкуренцию германских товаров на мировом рынке. Одной из попыток выйти из этого порочного круга были соглашения, подписанные 6 и 7 октября 1921 г. в Висбадене Л. Лушером и В. Ратенау, по которым репарационные платежи должны были производиться специальной немецкой организацией в централизованном порядке непосредственно товарами, но это вызвало сильное противодействие и в Германии, и со стороны французской индустрии, опасавшейся наплыва большой массы германских товаров, и со стороны Англии, которая всегда подозрительно относилась к сепаратным франко-германским переговорам и соглашениям. Необходимость расширения своего экспорта, получения дешевого сырья,—все это толкало Германию в сторону восстановления и развития ее хозяйственных связей с Востоком, довоенный уровень которых был весьма значителен во внешней торговле обеих стран. Интересы Англии и Германии шли, таким образом, в одном и том же направлении, однако, лишь до известных пределов. К тому же, германские устремления на Восток сдерживались непримиримой, по отношению к Советской России, позицией Франции, контролем со стороны Англии и, наконец, общей ориентацией на помощь американского капитала и его вмешательство в европейские дела. Тенденции хозяйственной жизни Германии в данных условиях все же пробивали себе дорогу и постепенно ослабляли позицию тех социальных элементов, которые из страха перед Октябрьской революцией противодействовали экономическому и политическому сближению с Советской Россией. Все это отразилось и в ходе и в направлении германской политики, которой приходилось в поисках выхода из тупика всей системы послеверсальских отношений и репарационных обязательств оглядываться на силы, в этот тупик ее загнавшие.

Пренебрежение к логике стояло при самом рождении репарационной проблемы и проявлялось во всей ее последующей истории. Английский экономист Кейнс, анализируя

платежное бремя лондонского ультиматума, пришел к пессимистическому выводу, что «между февралем и августом 1922 года наступит момент, когда Германия окажется не в состояния платить»[1]. Нужно быть справедливым: в своих пессимистических выводах Кейнс оказался оптимистом, переоценив не только возможность выполнения репарационной схемы, но и логические способности авторов последней. Вопреки принятому Германией Лондонскому ультиматуму Антанты, экономические закономерности продолжали свое действие, и уже в декабре германское правительство поставлено было перед необходимостью просить отсрочки платежей, падающих на 15 января и 15 февраля 1922 года. Для обсуждения репарационного вопроса Германия снова была приглашена на конференцию союзников, заседавшую в начале января в Каннах, и пыталась тут же снова поставить основной вопрос о соответствии между германскими платежными обязательствами и германской платежеспособностью. Германия добилась временной отсрочки платежей, взяв при этом обязательство уплачивать каждые десять дней по 31 миллиону золотых марок, и если эту отсрочку получила, то только при поддержке английской политики, развернувшей свою программу восстановления европейского равновесия, центральным пунктом которой было разрешение вопроса об отношении к Советской России, и которая другим концом упиралась в необходимость ревизии Версальского договора. «До тех пор,—указывалось в палате общин со стороны рабочей и либеральной печати,—пока некоторые части этого договора не будут пересмотрены, никакая конференция не поможет экономическому восстановлению Европы. Репарации в значительной доле выплачиваются британским рабочим классам. Вовсе не из чувства нежности к Германии следует признать, что репарации довели до безработицы английских рабочих, на содержание которых казначейство принуждено ныне выплачивать многие миллионы. Что же касается России, то до тех пор, пока мы не начнем с ней переговоров на началах равноправия, мы не сможем рассчитывать на восстановление доверия, без которого немыслимо возобновление между нею и нами торговых сношений»[2].

Эта связь между торгово-промышленной депрессией в Англии и положением, созданным в Европе системой Версальских отношений и всей политикой Антанты, понималась и английской буржуазией. В начале 1922 года на обычных ежегодных собраниях крупнейших английских

---

[1] Дж. М. Кейнс. Пересмотр мирного договора, стр. 39.

[2] „The Times“ 4 апр. 1922. Цит. по Эрнест Лагард. Признание советского правительства. Пер. с франц. А. М. Сухотина под ред. и с предисловием Е. Б. Пашуканиса. Москва, 1925. Стр. 119.

акционерных банков виднейшие представители делового мира подчеркивали эту связь и требовали от своего правительства политики «умиротворения Европы». В этом отношении особенно характерно выступление известного финансиста, председателя London Joint and Midland Bank — Мак-Кенна, который в своем докладе, подчеркнув, что Версальский мир уменьшил емкость европейского рынка, устанавливал две главные предпосылки развала европейского хозяйства: разрыв мировых рыночных связей, и в частности,—выпадения России с ее рынками сырья и большой покупательной способностью, и, во-вторых, навязанный Германии режим репараций. Этот анализ с некоторыми модификациями лежал в основе всех докладов, представленных акционерным собраниям английских банков, и вытекающие отсюда последствия отражались, конечно, на направлении практической политики Великобритании. Франция всячески противилась планам английской политики, но все же вынуждена была согласиться на созыв в Генуе международной экономической конференции с приглашением туда представителей Советской республики и побежденных стран, заранее, и самым решительным образом отклоняя при этом всякую попытку и предостерегая всякую возможность ревизии Версальского договора. Заключение советско-германского соглашения германская пресса почему-то оценивала, как эмансипацию от влияния Антанты. Нельзя отрицать, что после подписания англо-советского договора в некоторой части промышленных кругов Германии не только отпали опасения о «преждевременности» планов экономического сближения с Советской республикой, но и появились опасения в том, как бы не был упущен благоприятный момент, который может быть использован Антантой [1]. С другой стороны, французский проект, поставить Советскую республику под секвестр международного синдиката для получения долгов сделал франко-советские отношения совершенно непримиримыми,—и это, конечно, не могло не занять соответствующего места в общей концепции германской политики: «Общее давление естественным образом сковывает германскую и русскую будущность» [2]. Впоследствии сближение с Советской Россией мыслилось, как предотвращенная возможность сближения последней с Францией. Но говорить об эмансипации германской политики относительно Советской России — для этого времени было бы по меньшей мере неточно и преждевременно. Позицию Германии этого периода скорее можно

[1] Так, например, Всеобщая Кампания Электричества, исходя из этих оснований, требовала активности германской торговой политики по отношению к Советской России.

[2] Wirtschaftsdienst 1921, № 19. S. 244.

характеризовать, как попытку войти в фарватер английской политики. Это сказалось не только в предоставленном Каннской конференции анализе репарационной проблемы, явно рассчитанном на английскую поддержку («Германия не желает разрушать мировой рынок предложением по низким ценам»), но и в том, что Германия старалась занять значительное место в английском плане эксплоатации Советской России. План этот заключался в учреждении международного консорциума с правительственной поддержкой для восстановления и эксплоатации в Польше, в Австрии, а, главным образом, в России всех видов путей сообщения и промышленных предприятий. Происходившее в последних днях 1921 г. в Париже под председательством французского министра Лушера совещание банковских и промышленных деятелей Англии, Франции, Италии, Бельгии и Японии, установило, что проектируемый консорциум должен располагать основным капиталом в 20 миллионов фунтов стерлингов, собранным по подписке в определенной пропорции от банков и частных лиц отдельных стран Антанты, в том числе и Америки, если она пожелает принять участие. Германию предполагалось также привлечь в этот консорциум с тем, чтобы половина предоставляемой ей доли капитала была внесена германским правительством: доходы от этой половины должны были поступать непосредственно в счет репарационных платежей. В печать проникли сведения о существующем во Франции проекте образовать в Советской России эмиссионный банк, опирающийся на кредитные учреждения, главным образом, Англии и Франции. Вряд ли предполагалось, что Германия, финансовая система которой была потрясена, примет участие в осуществлении планов эксплоатации Советской России финансовым капиталом Антанты. Но английский проект интернационального консорциума всячески поддерживался представителем могущественнейшей группы германской промышленности—Стиннесом и ответственным руководителем германской внешней политики Вальтером Ратенау. «Германия тем более способна принять участие в восстановлении,— говорил Вальтер Ратенау на Каннской конференции,— что она знакома с экономическими условиями и обычаями Востока. Намеченный путь кажется мне правильным. Интернациональный синдикат и именно—частный синдикат. Германия полагает, что вопрос о восстановлении следует начать с восстановления транспорта и транспортных средств. Затем следует приступить к источникам производства и прежде всего—вновь оживить существующие предприятия. Германия полагает, что она особенно в праве принять участие в развитии Восточной и Центральной Европы, в виду своей позиции именно по отношению к политическому и

экономическому развитию Восточной Европы. В тот момент, когда Германия была уже почти на краю своих сил,— после войны, поражения, революции, — она все же оказала противодействие государственной и социальной дезорганизации. Если бы эта дезорганизация победила в Германии, она стала бы грозной опасностью для всего мира»[1].

План этого международного консорциума и монополистическая тенденция группы Стиннеса,—все это встретило, однако, противодействие в других группировках германского капитала[2]. Вскоре группа Стинесса, в свою очередь, сама стала отходить от этого плана под влиянием целого ряда условий: Америка отнеслась к англо-германскому проекту эксплоатации Советской России отрицательно, Франция всячески противодействовала предоставлению Германии большого места в консорциуме, опасаясь последствий германского экономического проникновения на Восток. К тому же, Советское правительство, искавшее соглашения на основе экономического сотрудничества, а не на основе экономического порабощения своей страны, выступило против англо-германского плана международного консорциума[3], и повело деловые переговоры с некоторыми крупными группами германского капитала (Крупп, Вольф и др.). Слухи о франко-советских переговорах также весьма отрезвляюще подействовали на Германию. Орган Стиннеса оценил перспективу франко-советского соглашения, как попытку, направленную, с одной стороны, против Англии, с другой стороны, против Германии[4]. Место Германии между Антантой и Советской Россией, созданное в результате всех этих обстоятельств, оказалось весьма затруднительным и опасным. Та роль в международном консорциуме, которая, как стало выясняться, была отведена Германии английским капиталом, оказалась неприемлемой: она сводилась к тому, что, по выражению одного немецкого влиятельного и осведомленного органа, германский труд и капитал должны создавать экономическую ренту для Антанты. Далее, в германской политике существовали некоторые опасения, что Франция побудит Советскую Россию дать свою подпись под Версальским трактатом и этим самым возложит на Германию выплату русских долгов. Англо-германский проект стал терять под собою почву. Все это вместе взятое и заставило германскую политику постепенно перейти на путь

---

[1] Waltler Rathenau. Gesammelte Reden. Berlin. 1924. S. S. 373—374.

[2] Ср. Wirtschaftsdienst 1922, № 1. S. S. 6—7.

[3] Ср. Доклад Народного Комиссара по Иностранным Делам Г. В. Чичерина на заседании Чрезвычайной Сессии В.Ц.И.К. 27 января 1922 г.

[4] „Deutsche Allgemeine Zeitung“: 19. Februar. 1922.

непосредственных переговоров с Советской Россией и искать с нею соглашения [1].

Накануне Генуэзской конференции в Берлине велись переговоры о восстановлении нормальных сношений между Германией и Советской Россией, которые не претворились в форму договора потому, что не было достигнуто соглашения по вопросу о взаимных претензиях. Но когда и этот пункт был разрешен, Германия все же договор не подписала: традиция Версаля была еще сильна, и переступить ее автономным политическим актом Германия все еще не решалась. И лишь та ситуация, которая вскрылась на Генуэзской конференции, заставила германскую политику быть более решительной. «Русский вопрос» с самого начала стал в центре Генуэзской конференции. Представленный в качестве основы для переговоров меморандум экспертов, выработанный Антантой, означал собою условия экономической капитуляции Советской России. В ходе частных переговоров по основному вопросу об отношениях между Советской Россией и Антантой, задержавших, между прочим, всю работу различных комиссий конференции, вскрылись противоречия между Англией, готовой итти на некоторые уступки, и поддерживаемой в этом вопросе Италией, — и Францией, проводившей реакционную политику крайней непримиримости и требований полной капитуляции Советской республики. Англо-советские переговоры все же продолжались, Германия увидела перед собой перспективу полной изоляции и испугалась появившихся слухов о намечающемся за ее счет соглашении между Антантой и Советской Россией [2]. С другой стороны, Англия, добивающаяся устано-

---

[1] « . . . Здесь дело идет о совершенно трезвых, исключительно практических и осуществимых вещах,—писал орган германской горной промышленности, — вся суть в товарах, в товарных кредитах, в германских организаторских и рабочих силах. Все, на что теперь способно германское хозяйство, страдающее под тяжестью репараций и репрессий Антанты, должно быть посвящено ожидающей на Востоке задаче,—по возможности в тесном контакте со всеми хозяйственно-и практически-мыслящими кругами Англии, С. Ш. и нейтральных стран, которые, наконец, должны понять, что русский хаос является постоянной угрозой и тревогой для всего мира. Мировой хозяйственный кризис нельзя разрешить, если России не будет оказана помощь..., „Освобождать" Россию мы не в силах, и другим это не по силам. Не остается, следовательно, ничего другого, как считаться с фактами, пойти навстречу необходимости и уже теперь сделать все, что может быть сделано. Остается вопросом, состоится ли в Генуе какое-нибудь соглашение между Англией, Францией и Советской Россией. Нам остается думать о себе и принять, хотя бы пока скромную, долю в востановлении Восточной Европы". Deutsche Bergwerckszeitung от 25 января 1922.

[2] Германия боялась, что в результате такого соглашения вступит в силу статья 116 Версальского трактата, гласящая, между прочим, следующее: «Союзные и об'единившиеся державы формально оговаривают права России на получение с Германии всяких реституций и репараций, основанных на практике настоящего договора».

вления противовеса Франции, держала постоянную связь с Германией по вопросу о советско-германских отношениях и о выработанном в Берлине договоре: «Англия дала понять,—сообщает секретарь советской делегации в Генуе,—что она не станет возражать против этого договора»[1] и 16 апреля 1922 года в Раппало советско-германский договор был подписан, и таким образом, была положена основа для восстановления и развития нормальных и дружественных отношений, отвечающих экономическим и политическим интересам обеих стран. Реппальским договором правительства признали друг друга de jure, обе стороны отказались от своих претензий, связанных с мировой войной, а также с вопросом об интернировании частей Красной армии во время советско-польской войны (возмещение убытков, расходы по содержанию пленных и т. п.). Германия отказалась от всяких претензий к советскому правительству в связи с вопросом о национализации имущества германских подданных, — при условии, однако, если в будущем не будут удовлетворены аналогичные претензии подданных других стран. В основу экономических взаимоотношений был положен принцип наибольшего благоприятствования с некоторыми ограничениями. Значение Раппальского договорадля обеих сторон трудно переоценить: недаром известие о подписании этого договора, по единогласному отзыву участников Генуэзской конференции, вызвало впечатление взрыва бомбы. Действительно, Раппальский договор означал прорыв единого фронта в капиталистическом окружении Советской России. Первая брешь была сделана, и это вызвало перегруппировку сил в европейской системе международных отношений. Советская Россия прорубила «окно в Европу» и установила прецедент восстановления нормальных взаимоотношений на основе полной равноправности сторон при сохранении неприкосновенности своей установившейся социально-экономической системы. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет впоследствии (19 мая) «приветствовал заключенный в Раппало русско-германский договор, как единственный правильный выход из затруднений хаоса и опасности войны» и предписал соответствующим инстанциям «допускать отступления от типа Раппальского договора лишь в исключительных случаях, когда эти отступления могут быть компенсированы особыми преимуществами для трудящихся масс Советской республики», между тем, как руководящая французская пресса со своей точки зрения—поддержания системы «Карфагенского мира»,—увидела в советско-германском договоре призрак войны и требовала применения во-

---

[1] Б. Е. Штейн. Генуэзская конференция. Москва, 1922. Стр. 55.

енных санкций, которые вернули бы Германию в положение илота французского империализма.

Еще большее недовольство советско-германское соглашение вызвало в Польше. Польская пресса всячески пыталась доказать, что Раппальский договор направлен не только против Франции, но, главным образом, против Польши, и что Германия, которая не может примириться с отделением от нее Данцига, Верхней Силезии и созданием Польского корридора к Балтийскому морю, ищет возможности зажать Польшу в тисках своего сближения с Востоком и тем самым подготовить ревизию тех статей Версальского договора, которые устанавливают линию польско-германской границы.

Хранители неприкосновенности Версальского трактата за Раппальским договором усматривали грозную возможность советско-германского союза. Считали, что если Раппальский договор и не заключает в себе секретных статей, то имеется еще и другое, неопубликованное военное соглашение [1], которое, в частности, якобы должно затруднить транспорт военного снаряжения в государства, граничащие с Советской Россией. Франция потребовала аннулирования Раппальского договора, апеллировала к репарационной комиссии, собиралась созвать совещание союзников при участии Малой Антанты и Польши, совершенно безосновательно считая, что Раппало противоречит ст. 116 Версальского договора. Никаких противоречий впоследствии не смогла установить даже репарационная комиссия, а попытка Франции, воспользовавшись заключением Раппальского договора, сорвать Генуэзскую конференцию, встретила сопротивление со стороны Англии и Италии. В результате Германия поплатилась лишь тем, что была исключена из заседаний политической подкомиссии, занимающейся исключительно «русским вопросом», но фактически это никакого ущерба Германии не принесло. Напротив, Германия стала

---

[1] Alfred J. P. Dennis. The Foreign Policies of Soviet Russia. p. 429. Английская реакционная газета. «Daily Mail» напечатала следующий апокрифический советско-германский договор:

« 1. По данному пункту Германия обязуется вернуть России 20 миллионов ф. ст. за период оккупации Украины.

2. Германия обязуется уничтожить концентрационные лагери военнопленных, где содержатся до сих пор 6.000 русских, и оказать поддержку желающим вернуться в Россию.

3. Германия должна запрещать образование на ее территории офицерских обществ царского режима и уничтожать всякие организации, носящие контр-революционный характер.

4. Германия обязуется не пропускать через свою территорию транспорт военных материалов в Польшу, Румынию, Эстонию и прочие пограничные государства.

5. Россия предоставляет у себя фирме Круппа право выработки на нескольких заводах военного снаряжения и литья пушек». Lucien-Graux Histoire des Violations du Traite de Paix. III. p. 37.

выступать посредником в переговорах между Антантой и Советской Россией. Раппальский договор впервые нарушил установленную Антантой версальскую систему полной изоляции Германии, которая теперь в лице Советской России получила и международно-политическую опору и потенциально-богатый рынок для сбыта продукции своей могучей индустрии, для приобретения нужного ей сырья и для помещения свободных капиталов. Капитуляции Советской России Антанта не добилась. Генуэзская конференция потерпела фиаско, переговоры были отложены и перенесены в Гаагу, но Германия в них уже не участвовала, хотя она была заинтересована, чтобы выступить в роли посредника как в переговорах, так и в установлении и развитии экономических и политических связей между Западом и Востоком [1]. Экономическое и политическое сближение с Советской Россией, вовлечение последней в европейскую систему международно-политических отношений, увеличение европейского товарооборота — все это открывало для Германии перспективу укрепления своего положения, увеличения ее влияния в концерте европейских держав. Германия стала на путь, который помогал ей превратиться из об'екта политики Антанты в суб'ект самостоятельной политики. Подобно тому, как Раппальским договором нарушался строй капиталистического окружения Советской России, которая теперь вышла из своего изолированного положения, Германия, в условиях англо-французского соперничества, своим сближением с Востоком получила бо́льшую возможность противостоять натиску Запада. В этом смысле понятны неистовые протесты против Раппальского договора, раздававшиеся со стороны Франции, которая утверждала свою гегемонию в Европе именно на основе системы Версальского мира. Но с другой стороны именно эта система и в частности ее центральный стержень — репарационная проблема, — толкала Германию на путь сближения с Советской Россией, ибо этот путь вел к богатому рынку приобретения столь необходимого для Германии сырья, продуктов питания и сбыта продукции ее индустрии. Активный торговый баланс мог быть единственным источником планомерных репарационных платежей. Но вся система Версальского мира лишала Германию возможности лояльного выполнения навязанных ей обязательств. «Нельзя,—пишут авторы лучшего исследования о платежеспособности Германии,—найти более бессмысленного проявления человеческой недальновидности, чем требование Антанты, чтобы Германия платила колоссальные репарационные платежи и одновременно не переступала через границы всех таможенных барьеров, которые уничтожали

[1] Ср. Walther Rathenau. Gesammelte Reden. S. S. 409 — 410.

всякую возможность этих платежей. Трагично здесь то, что только очень немногие понимают сейчас всю противоречивость этого поведения»[1]. Но все дело в том, что эта противоречивость являлась системой французской политики, которая именно в этом пыталась почерпнуть неизсякаемые возможности, постоянного давления на Германию: Версальский мир был для французской политики не суммой подлежащих выполнению условий, но методом систематического давления. Поэтому-то азбучная истина о том, что нельзя получать сверх имеющегося, что платежи не могут превосходить платежеспособность страны, могла быть отброшена, ибо ведь, грубо говоря, вопрос, как он ставился версальской системой, сводился не к тому, чтобы получить от Германии нечто установленно-возможное, а к тому, чтобы установив невозможное, его от Германии не получить. В этом смысле, со стороны Германии, оформление в Раппало соглашение с Советской Россией, исторически следует рассматривать не только как непосредственный результат всей версальской системы отношений, в тупике которой находилась загнанная Германия, но и как ответ всей послевоенной политике Антанты: пренебрежение логикой отомстило за себя.

---

[1] Г. Г. Маультон и К. Е. Мак-Гвайр. Платежеспособность Германии. Репарационный вопрос. Перев. с немецкого Е. Хмельницкой и А. Леонтьева. Предисловие Е. Варги, 1925 г. Стр. 88 — 89.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

НА ПЕРЕЛОМЕ

По мнению такого компетентного знатока вопросов международной политики, каким является Ллойд-Джордж, активность французского империализма, развившуюся со второй половины 1922 года, в деле закрепления за собой левого берега Рейна и подготовки оккупации Рурской области «следует обсуждать в связи с другим событием 1922 года: русско-германским соглашением»[1].

Это нужно понимать не в том смысле, что советско-германский договор в Раппало и франко-германская война в Руре имеют между собой непосредственно-генетическую связь, а в том, что эти факты являются элементами высокого значения в общей системе послевоенных отношений. Возможно, что самостоятельный акт германской политики, вызвавший столь сильные опасения Франции, сыграл свою роль в усилении нажима на Германию, однако, сама по себе эта роль не являлась обуславливающей для всего последующего хода французской политики и ее нарастающей экспансии. Планы применения военных санкций и дальнейшего захвата германской территории в ответ на советско-германское соглашение в Раппало—возникли во Франции еще во время Генуэзской конференции,—однако, появление этих планов следует рассматривать не в прямой и непосредственной связи с данным отрезком послевоенной истории, а на общем фоне широких построений французской империалистической политики, действующей на основе послеверсальских отношений и в определенных условиях международного характера. Еще во время мировой войны французское правительство в вопросе о своем закреплении на левом берегу Рейна заручилось поддержкой России: «Границы должны быть расположены, по крайней мере, до пределов бывшего лотарингского княжества и должны быть начертаны по усмотрению французского правительства, таким образом, чтобы удовлетворить стратегическим потребностям и включить во французскую

---

[1] Ллойд-Джорж. Мир ли это? Перевод с английского Н. Соловьева. 1924, с. 21—22.

территорию весь лотарингский железный район и весь угольный район долины Саара»[1].

Но поддержки Российской империи на мирной конференции Франция не получила, и вместо этого встретила в рейнском вопросе сильное англо-американское противодействие. Условия Версальского договора относительно всего комплекса вопросов, перекрещивающихя на Рейне, — являлись компромиссом между борющимися силами в стане самой Антанты, а это означало, что военно-стратегические планы французского милитаризма и империалистические планы французской тяжелой индустрии потерпели некоторое поражение и должны были отступить под натиском англо-американской дипломатии. Но планы установления «естественной» границы и воссоединения угля и железа не были оставлены. а так как осуществление не удалось средствами дипломатии, то пришлось искать новых путей и действовать другими средствами.

«Если бы национальные границы определялись военными интересами,—писал в свое время Маркс в связи с вопросом о присоединении Эльзас-Лотарингии к Германии,— то претензиям не было бы конца, ибо всякая военная линия по необходимости имеет свои недостатки и может быть улучшена посредством присоединения новых областей; а сверх того, эти границы никогда не могли бы быть окончательно и справедливо установлены, ибо каждый раз победитель диктовал бы условия побежденному, и тут, следовательно, был бы уже зародыш новой войны»[2]. Сложность ситуации Версальского мира, по сравнению с условиями, образовавшимися в результате Франкфуртского мира, заключается не только в том, что политическая линия Франции имела в виду расчленить, раздробить и до конца обессилить Германию, но и в том, что милитаристическая Франция в данном вопросе оказалась дипломатически отброшенной англо-французским напором. Призрак центробежных сил и развития католического сепаратизма, против которого в свое время был направлен бисмарковский куль-

---

[1] П. 2 ноты русского министра иностранных дел Покровского на имя французского посла в Петрограде Палеолога от 1/14 февраля 1917 г. Соглашаясь на присоединение Эльзас-Лотарингии к Франции, нота, кроме того, гласит: «Остальные территории, расположенные на левом берегу Рейна, составляющие ныне часть Германской Империи, должны быть окончательно отделены от Германии и освобождены от всякой политической и экономической зависимости от нее. Территории на левом берегу Рейна вне французской территории должны образовать автономное и нейтральное государство и должны быть заняты французскими войсками до того момента, пока неприятельские государства не выполнят целиком всех условий и гарантий, указанных в мирном договоре» (разрядка везде наша).

[2] Второй адрес Генерального Совета Международного Товарищества Рабочих по поводу франко-прусской войны.

туркампф, теперь обратился в реальный политический феномен реакционного движения, поддерживаемого Францией, и направленного против германского единства и германской революции. Победа сепаратизма в Баварии и на Рейне привела бы, с одной стороны, к полному распаду германского единства и появлению широкой буферной полосы между Францией и остатками Германии, а, с другой стороны, к установлению мощной европейской системы французского влияния, в которую вошли бы Бельгия, Люксембург, вся рейнская полоса, Бавария, Австрия, Польша, Чехо-Словакия, Румыния, Юго-Славия, возможно Италия, а это означало бы восстановление системы Наполеона на неизмеримо более широкой базе империалистической политики. Именно в эту сторону были направлены тенденции французского милитаризма,—тенденции, которые снова стали оформляться в определенную политическую линию, благодаря напору тяжелой индустрии, потянувшей за собой широкие слои мелкой буржуазии, и благодаря тому, что для этого создалась благоприятная международно-политическая обстановка. На Парижской мирной конференции Францию, лишенную возможности реализовать всю программу, пытались компенсировать англо-американской гарантией, однако, как известно, из этого ничего не вышло, т. к. Соединенные Штаты, а за ними и Англия не ратифицировали соответствующий договор. Английский проект гарантийного договора, предложенный Францией в Каннах (11 января 1922) и сводившийся, в основном, к тому, что «в случае прямого и невызванного нападения Германии на территорию Франции, Великобритания немедленно выступит на стороне Франции, со своими морскими, военными и воздушными силами»,[1]—интересен в том отношении, что он явился следующим этапом развернувшейся англо-французской борьбы. Каннский проект имел в виду одностороннюю английскую гарантию сроком на 10 лет, а приложенная к проекту нота, в качестве условий заключения гарантийного договора, выставляла требование прекращения морского соперничества обеих стран и согласования их морских программ, согласия Франции предоставить свое содействие английской политике восстановления экономической и финансовой жизни Европы, установления соглашения в делах Восточной политики, и, наконец, согласия подписать на Генуэзской конференции общий пакт о ненападении на своих соседей. Все это, вместе взя-

---

[1] Документация по истории вопроса о безопасности Франции представлена французской Желтой книгой — Documents relatifs aux negatiations concernant les garanties de securite contre une agressione de l'Allemägne (мы пользовались немецким переводом Die Französische Dokumente zur Sicherheitsfrage 1919—1923) и английской Синей книгой — Papers respacting for an anglo-french pact. 1924.

тое, означало, что английская политика делает попытку охватить соответствующими нормами послевоенную политическую активность Франции, пытается вовлечь французскую политику в орбиту своего влияния. Но как предварительные условия заключения гарантийного договора, так и самое содержание предлагаемого проекта были для империалистической Франции неприемлемы. Ограниченные лишь одним десятилетним сроком, гарантии казались явно недостаточными. Французская политика в это время имела еще под собой достаточно твердую почву, чтобы не дать Англии возможности утвердиться в роли верховного арбитра франко-германских отношений, а именно на эту роль претендовала английская политика статьей (ст. 1) Каннского проекта, предоставлявшей ей право решать вопрос о том, является ли нападение Германии «прямым и невызванным». Это последнее сильно ограничивало, с французской точки зрения, значение представляемой гарантии в двух отношениях: оно сдерживало французскую экспансию, неизбежно тем самым переводя ее на рельсы оборонительной политики, а, с другой стороны, оно имело в виду непосредственно лишь Францию и не касалось установленной системы французского влияния в Европе. Каннский проект не распространялся на союзников Франции, а следовательно, не гарантировал со стороны Германии, например, западные границы Польши, и уже одно это было неприемлемо для политики французской гегемонии в Европе.

«Представим себе, что по заключении пакта Франция оккупировала Рур, а Германия напала на ее отряды: будет ли Англия иметь основания говорить о «вызванном нападении?» [1].

В этой аргументации Р. Пинона отразилась не только официально политическая точка зрения по вопросу об условиях английских гарантий, но и те тенденции французского империализма, которые выдвинули Пуанкаре и, преодолев сдерживающие элементы английской политики, наиболее законченным образом сказались в грандиозной попытке окончательно утвердиться на Рейне и захватить Рурскую область. Каннский проект не без основания рассматривался, как устанавливаемое препятствие на пути к Руру,—и потому он был вслед за компромиссной политикой Бриана отвергнут силами французского империализма, форсирующего события и вставшего в вопросе о германских репарациях на позицию непримиримости и крайних требований безусловного выполнения. Это были невыполнимые требования, ибо они ни в какой мере не соответствовали платежеспособности Германии. Созванная в мае 1922 г. международная конфе-

---

[1] René Pinon. L'avenir de l'Entente franco-anglaise. Paris. 1924 p. 136.

ренция банкиров (так наз. Комитет Моргана) отказала Германии в международном займе и этим самым засвидетельствовала неплатежеспособность Германии.

«Было установлено,—гласит соответствующий документ, что восстановление внешнего кредита Германии невозможно до тех пор, пока денежные круги, предоставляющие заем, не будут иметь гарантии в том, что обязательства, наложенные на Германию и могущие быть взысканными с нее, не превышают ее платежеспособности, что воля Германии выполнить эти обязательства остается неизменной. Пока этого нет, капиталист принужден считаться с возможностью, что крушение немецких финансов, вследствие современной неустойчивости, может вызвать социальный переворот» [1].

Отказ английских и американских банкиров в займе стимулировал дальнейшее понижение германской марки, а это еще более понизило платежеспособность Германии. Французские домогательства явно рассчитаны были на то, чтобы достигнуть выгодного для себя соглашения с Германией, или же вооруженной рукой захватить Рурскую область,—но и в том и другом случае эта политика диктовалась планом воссоединения угля и железа. Французский империализм захватом Рурской области рассчитывал получить новый мощный базис железной, угольной и химической промышленности, пользуясь для этого удара поддержкой милитаристических элементов, предполагающих тут получить возможность реализовать свои планы раздробления Германии, и поддержкой широких кругов мелкой буржуазии, рассчитывающей на германские репарации, как на единственное средство восстановления обесценивающегося франка и получения причитающихся процентов по внутренним займам. «При теперешних условиях,—писал в своем секретном докладе председатель финансовой комиссии французской палаты депутатов Дариак летом 1922 года,—Рурская область, главным же образом, район Дюссельдорфа. Дюисбурга, Рурорта, которые нами заняты в качестве опорных пунктов, составляют главный элемент германского достояния, основанного целиком на железе и угле, на их переработке и производстве побочных продуктов. Большинство крупных германских консорциумов образовано там,—там же имеют свое местопребывание и капиталы: те 10 или 12 промышленников, которые ими руководят, прямо или косвенно управляют,—имеют абсолютное влияние на судьбы Германии (железная промышленность, уголь, угольные продукты, производство красочных веществ, искусственное

---

[1] Цит. по E. Varga. Die allgemeine Lage der Weltwirtschaft. Jnternationale Presse-Korrespondenz. 1922. № 144. S. 907.

удобрение, морские транспортные компании, ввоз и вывоз сырья и фабрикатов)... Тяжелая индустрия Рурской области, находящаяся целиком в рукнх нескольких человек, должна сыграть решающую роль в тех событиях, которые должны в будущем разыграться в Германии. И если на самом деле бумажная марка обеспечивается изо дня в день, то средства производства, принадлежащие Стиннесу, Тиссену, Круппу и их соратникам, сохраняют свою золотую ценность. Это есть именно то, что имеет действительное значение и ценность для нашей страны. Мы не можем требовать от Германии платежа в продолжении 35 лет колоссальнейших сумм, и в то же время опасаться, что ее промышленность разовьется до такой степени, которая позволила бы нести платежи по принятым на себя обязательствам. Но до тех пор, пока мы остаемся на правом берегу Рейна, и до тех пор, пока мы являемся хозяевами 45 миллионов тонн годовой добычи железной руды, мы будем в состоянии играть решающую роль в германской железной индустрии, если мы потребуем контроль над производством. Это несомненно является будущим решением вопроса: до тех пор, пока гарантийная комиссия ограничивается контролем германских финансов, ей приходится периодически, не имея возможности что-либо в этом изменить, констатировать лишь ряд валютных катастроф. Но в тот день, когда комиссия получит возможность перейти к контролю над германским промышленным производством, перед нами открывается возможность пользоваться всеми выгодами его процветания. С момента, когда мы обеспечим себе контроль, над частью немецкого капитала, мы сами будем заинтересованы в том, чтобы он стал наиболее доходным, т. к. платежи и поставки натурой являются основой всякой системы платежей, и можно уже предвидеть целый ряд хозяйственных соглашений, которые будут иметь гораздо более крупные последствия, чем соглашение в Висбадене...» В заключение автор доклада рекомендует «действовать разумно и осторожно, базируясь на невыполнении Германией ее обязательств».[1] Если содержание этого секретного доклада характеризует общее направление французской политики, то в этом последнем замечании отразились методы и общие условия ее работы. Дело в том, что с лета 1922 г. начало замечаться некоторое соглашение

---

[1] Ввиду отсутствия под руками Geheimdokumente über die französische Ruhrpolitik, heraugegeben von Bernhard Rausch. 1923, мы внуждены, к сожалению, воспользоваться лишь цитатами, приведенным и встатьях Юр «Экономическая Жизнь» от 19 января 1923 г. и «Международная Жизнь» 1924 г., № 1, в работе М. Павловича «Французский Империализм», М. — Л, 1926 г. стр. 172 — 176, и F. V. Hake. Frankreich im Rheinland. Berlin 1925.

по репарационному вопросу между Францией и Германией, а в сентябре между председателем союза организации по восстановлению разрушенных областей Франции, маркизом де-Люберзак и крупнейшим германским промышленником, Стиннесом, был подписан договор о поставках натурой, и вместе с тем был выдвинут план и начались переговоры при участии представителя французского правительства, об организации грандиозного франко-германского треста угля и стали. В условиях, когда французский капитал являлся фактически контролером металлургической и угольной промышленности Бельгии, Польши и Чехо-Словакии, франко-германское соглашение привело бы к созданию мощного комбината, который, охватив основные ресурсы континента, вытеснил бы английскую и американскую конкуренцию, и поднял бы экономическое и политическое влияние Франции на небывалую высоту. Перед лицом этой опасности английская политика в репарационном вопросе свелась к тому, чтобы, с одной стороны, сорвать намечающееся франко-германское сближение, и с другой стороны, лишить Францию ее преобладающего значения. Английские предложения предоставить Германии мораториум были самым решительным образом отклонены правительством Пуанкарэ, для которого именно «невыполнение Германией ее обязательств» являлось нужным рычагом перманентного давления на Германию, и политики захвата Рурской области.

Уже взносы 15 июля и 15 августа Германия уплатить не смогла. Германское правительство (кабинет Вирта), инспирируемое Англией, вынуждено было 13 ноября обратиться к репарационной комиссии с просьбой о длительном мораториуме в целях восстановления своей платежеспособности. С другой стороны, в условиях намечающегося сближения с Францией. Германия выработала план урегулирования репарационного вопроса, рассчитывая на его приемлемость для французской политики. Однако, германская попытка сыграть на англо-французских противоречиях быстро была парализована английской политикой, мощным ударом отбросившей Германию к ее обычному положению политического об'екта и вызвавшей крайнее напряжение франко-германских противоречий. Английский консервативный кабинет, сменивший правительство Ллойд-Джорджа, представил меморандум (так наз. «план Бонар-Лоу»), в котором связал проблему германских репараций с проблемой межсоюзнических долгов. В основном этот план сводился к тому, чтобы снизить до 2½ миллиардов ф. ст. общую сумму германских репарационных платежей, но вместе с тем, он требовал от Франции и Италии внесения Англии части военной задолженности, равной общей сумме английской задолженности у Соединенных Штатов. Если бы этот план был в бу-

дущем развернут в полной мере,—он означал бы, что Франция должна уплатить Англии и Америке значительно больше причитающейся ей доли общей суммы репарационных платежей. Французские притязания, среди которых еще на Лондонской конференции в августе значительное место занимали требования 60% акций наиболее важных предприятий Рейнской области, т.-е. превалирующего влияния французских интересов, были отвергнуты Англией. На эти требования — предоставить Франции 60% общего количества акций,—не соглашались и капитаны германской промышленности, и в результате план организации франко-германского угольно-железного треста повис в воздухе. Репарационная проблема зашла в тупик, изолированная Франция воспользовалась этим и дала событиям свое направление. Французское правительство ускоренным темпом провело через репарационную комиссию решение, против которого голосовал английский представитель, констатирующее злостное невыполнение Германией поставок натурой. Это решение являлось лишь формальным поводом для предпринимаемой операции захвата «производительных залогов», ибо, по существу, недоимка германских поставок выражалась в относительно мизерных цифрах. Не достигнув ни соглашения с Англией за счет Германии, ни соглашения с Германией, направленного против Англии, Франция, пользуясь поддержкой Бельгии, вступила на путь самостоятельной политики вооруженного захвата Рурской области. Формальное оправдание своих действий Франция пыталась основать на своеобразом, весьма расширенном толковании пункта Версальского трактата, гласящего, что «меры, которые союзные и об'единившиеся державы будут иметь право принять в случае намеренного уклонения Германии и которые Германия обязуется не рассматривать, как враждебные действия, могут состоять в актах экономических и финансовых запретов и репрессалий и вообще в таких других мерах, которые надлежащие правительства сочтут, как вынужденные обстоятельствами».[1] Английское правительство, таким образом, имело основания, когда впоследствии квалифицировало французское мероприятие, как нарушение Версальского договора. Но об этом можно говорить и в другом смысле: вторжение военных сил в Рурскую область означало ревизию Версальского договора в интересах французского империализма, делающего тут грандиозную попытку установить свою гегемонию в Европе и поднять на небывалую дотоле высоту свое место в общей системе мировой политики: предпринятое выступление было направле-

---

[1] § 18 приложения II, часть VIII Версальского договора.

но не только против Германии, но, об'ективно, и против Англии, и даже против Америки [1].

В неравной франко-германской войне Англия формально заняла нейтрально-наблюдательную, а по существу—двойственную позицию. Разоруженная Германия, не имея возможности военными силами противостоять франко-бельгийскому наступлению, вынуждена была ограничиться нотой протеста (12 января 1923 г.), и при соответствующей дипломатической поддержке со стороны Англии, встать на путь политики, так наз., пассивного сопротивления. Обе стороны, таким образом, сразу были вовлечены в тяжелый конфликт, потребовавший большого и длительного напряжения. В ответ на германские мероприятия—запрещение каких-бы то ни было взносов Франции и Бельгии, отказ от поставок угля, об'явление о приостановке действия Версальского договора, приказ о неподчинении германских чиновников оккупационным властям и т. п. — Франция захватила в свои руки контроль над всеми линиями транспорта, приступила к реквизиции угля, пыталась организовать и возобновить приостановившуюся работу, а затем об'явила о запрещении вывоза угля из Рурской области в Германию, установила таможенную стену между всей оккупированной территорией и остальной Германией, стала прибегать к крайним репрессиям и к террору. Все эти мероприятия являлись проведением заранее выработанного плана действий и рассчитаны были, с одной стороны, на то, чтобы обессилить Германию и сделать ее послушным орудием своей политики, а, с другой стороны, как это явствует из доклада Дариака, чтобы расчленить ее, и в частности, оторвать Рейнскую область. Франко-германская война в Руре усилила движение сепаратистских групп, пользовавшихся, хотя и несколько осторожней, чем в 1919 году, военной, политической и денежной поддержкой оккупантов. Различные группы сепаратистского движения теперь об'единились и стали оказывать помощь французским властям, например, в деле восстановления движения на транспорте, работ в шахтах и т. п. Опубликованные документы проливают достаточный свет на закулисную сторону рейнского сепаратизма, вступившего в непосредственную связь с бельгийскими и французскими националистическими организациями. «Ваша идея Рейнского об'единенного государства — писали сепаратистам из Бельгии «Комитет Национальной Политики» и «Бельгийско-Рейнский Комитет»,—имеет полное сочувствие не только у нас, но и у «Французского Комитета левого берега Рейна».

---

[1] «Действительно, Рурское сражение являлось несомненно выступлением Франции против Германии, но и выступлением Франции против Англии» — это впоследствии (в июне 1924 г.) признавал открыто и Rene Pinon. См. L' avenir de l' Entente franco-anglaise. Avant-Propos.

Это Рейнское государственное об'единение рассеет также опасения Англии, даст возможность развития отдельных областей соответственно их жизненным интересам и будет содействовать развитию специальных интересов, в зависимости от положения и места, одних областей в направлении к Франции, других—к Бельгии. Так же, как и вы, мы ни в коем случае не можем признать Рейнской Республики в рамках Германского государства или интернационализации Рейнской области»[1].

Вся эта программа и особенно ссылка на позицию Англии довольно отчетливо рисует положение вещей. Франко-бельгийская поддержка рейнского сепаратизма усилилась к концу 1923 года[2], но, в конце-концов, после того, как сломлено было не только сопротивление Германии, но и сопротивление Франции, эта поддержка, под влиянием Англии, была прекращена. Англия как бы секундировала франко-германскую борьбу, и позиция, занятая ею в этой борьбе, теснейшим образом переплетается с теми политическими линиями, по которым долгое время следовало германское правительство. Несмотря на то, что захват Рура французами являлся нарушением Версальского трактата, Англия на решительное выступление не пошла,—и это не только потому, что она себя не рассматривала, как хранительницу status quo Версальской системы. Положение с этой стороны напоминало ту ситуацию, которая создалась во время франко-прусской войны, когда Россия, аннулировав односторонним актом важнейшую статью Парижского трактата, отменила нейтрализацию Черного моря, и когда Англия ничего не могла поделать за отсутствием собственной армии: французская армия не могла быть использована, т. к. была разбита. И теперь английской политике пришлось мириться с отсутствием у нее той реальной силы, которая могла бы быть направлена на сей раз против Франции, обладающей могущественнейшим воздушным флотом. Политическая активность Англии на континенте была связана деятельностью на Ближнем Востоке, где, в связи с Лозаннской конференцией, она получала поддержку Франции,

---

[1] Adolph Becker. Hinter den Kulissen des Separatismus in Rheinhessen. Frankfurt a. M. 1925. S. S. 143—149. Anlage № 56. Ср. Die Separatistischen Umtriebe in den besetzten gebieten. Notenwechsel zwischen der deutschen und die französischen Regierung. Berlin 1924.

[2] Влияние и деятельность сепаратистов представлялась французским властям все же недостаточной и порой вызывало у последних недовольство: «Беспокойство наших сторонников увеличивается еще потому, что, как сообщено нам из авторитетного правительственного источника, г. д-р Дортену (одному из вождей сепаратистского движения. А. Е.) в течение многих лет вручены были суммы, исчисляющиеся не тысячами, а миллионами франков, — на которые рейнское движение могло бы быть проведено уже трижды». Adolf Becker. S. 99. Anlage № 30.

предполагавшей этим шагом отвлечь внимание Англии от сложных вопросов европейской политики. К тому же, Рурская война, последствия французской политики захвата «производительных залогов» и германская политика пассивного сопротивления—весьма благоприятно отразились в Англии на состоянии металлургической и угольной промышленности, хотя, конечно, эта повышенная кон'юнктура имела лишь привходящий характер, и основная линия английской политики не могла руководствоваться временными эффектами и преходящими интересами. Все это определяло зигзагообразность английской политики во франко-германской схватке.

Германская политика пассивного сопротивления требовала колоссальных финансовых затрат. Это немедленно же отразилось на курсе марки, которая стала быстро и неуклонно падать. Попытки правительства задержать это падение (банковская интервенция Гавенштейна) имели лишь временный результат, и вскоре оказались безнадежными. Почти открытые выступления французского министра восстановления Лушера в Англии с программой нейтрализации и отделения Рейнской области от Пруссии,—вызывали сильное впечатление и опасения германской политики, которая под влиянием всех этих возрастающих политических и экономических затруднений стала искать путей к соглашению. Выступления в рейхстаге (11 апреля, т.-е. ровно через три месяца со дня французского вторжения в Рур) и следует рассматривать, как первичное зондирование возможности соглашения. Ответ раздался со стороны Англии,[1] которая в не обязывающей форме инспирировала Германию выступить со своими предложениями по репарационному вопросу. Это предложение и было тотчас же (2 мая) сделано германским правительством, разославшим державам Антанты, а также правительству Соединенных Штатов специальную ноту. Выступая с новыми предложениями по репарационному вопросу, германское правительство, однако, подчеркивало, что оно «сохраняет свою юридическую точку зрения и не отказывается от пассивного сопротивления, которое будет продолжаться до тех пор, пока не будут эвакуированы оккупированные области, кроме тех, на оккупацию которых дает право Версальский договор, и до тех пор, пока в рейнской провинции не будет восстановлен порядок вещей, соответствующий означенному договору»[2].

---

[1] Известное выступление Керзона 20 апреля 1923 г.

[2] История этого выступления Германии и подробности сделанных предложений даны Rudolf Cuno. Der Kampf um die Ruhr. Leipzig. 1923, S. S. 156—168. Документы изданы в виде французской «Желтой книги» и английской «Голубой книги». На русском языке см. статьи Е. Пашуканиса: «Рур и репарации (обзор дипломатической переписки за январь—

Положительная часть сделанного предложения состояла в том, чтобы ограничить сумму германских платежей наличностью и ценными бумагами в 30 миллиардов золотых марок (1.500 тысяч фунтов стерлингов),—суммой, которая должна быть реализована международным займом и выплачена в строго определенные сроки (20 миллиардов — 1-го июля 1927 г., 5 миллиардов—1-го июля 1928 г. и 5 миллиардов—1-го июля 1929 г.).

«В случае,—значилось далее, в сделанных предложениях, — если другие не разделяют мнения Германии в этом отношении, ее правительство предлагает представить всю проблему репараций на заключение международной комиссии, независимой от политических влияний, согласно плану, предложенному государственным секретарем Юзом». Вопрос о гарантиях, предоставляемых Германией в обеспечение требуемого займа, ставился лишь в самых общих чертах. Нет ничего удивительного в том, что Франция и Бельгия ответили [1] на эти германские предложения весьма резким и категорическим отказом, вместе с которым со всей решительностью было заявлено, что «переговоры немыслимы до прекращения пассивного сопротивления» и «что вновь оккупированные территории будут эвакуироваться лишь по мере и в пропорции поступающих репарационных платежей».

Все это означало, что Франция не отказывается от политики захвата производительных залогов, а Германия—от политики пассивного сопротивления, т.-е. что репарационный вопрос оставался попрежнему гордиевым узлом европейской политики. В таких условиях ответ Англии на германские предложения [2] делается весьма характерным для всей ее политической линии, проводимой в это время в вопросе франко-германской борьбы. Ответ этот,—в общем несколько неопределенный,—констатируя, что выступление Германии последовало по совету английского правительства, указал на неприемлемость германских предложений как в отношении суммы, так и в отношении других условий [3]. Английская позиция вызвала некоторое недовольство с обеих сторон, но по существу, она свидетельствовала о том, что Франция продолжает оставаться несвязанной в своей политике относительно Германии, между тем, как последняя как бы приглашается сделать новые предложе-

---

сентябрь 1923)» и «Германские репарации и междусоюзнические долги» в №№ 1 и 2 «Международной Летописи» за 1924 год.

[1] Нотой от 6 мая 1923 г.

[2] Нота Керзона от 13 мая 1923 г.

[3] Отказом от рассмотрения предложений германского правительства ответили также Италия (нотой Муссолини от 13 мая) и Япония (нотой от 15 мая).

ния. Эти предложения вскоре, последовали [1] и сводились в общих чертах к тому, что в недалеком будущем легло в основу плана Дауэса. Германия соглашалась передать вопрос о своей платежеспособности и о способах выполнения репарационных обязательств специальной международной комиссии, а в обеспечение платежей соглашаясь установить ипотеку на железные дороги, выделяемые в особую хозяйственную единицу, на торговые, банковские и промышленные предприятия, а также на некоторые категории государственных доходов. Вокруг этого выступления германского правительства и развернулась англо-французская дипломатическая борьба. Поскольку истинные цели французского империализма заключались не в том, чтобы получить репарации, а в том, чтобы захватить Рур, остаться на Рейне, дать мощный удар по единству Германии и утвердить, опираясь на созданную систему военных сателлитов, свою гегемонию в Европе, французская политика загоняла вопрос в порочный круг: эвакуация Рура ставилась в прямую и непосредственную зависимость от поступлений репарационных платежей. Французская политика требовала безоговорочной капитуляции Германии, прекращения политики пассивного сопротивления, как условия возобновления переговоров, и отказываясь во всяком случае от рассмотрения вопроса об уменьшении германских платежей первых двух серий обязательств, причитающихся по Лондонскому плану мая 1921 года (серия А—12 миллиардов марок, В—38 миллиардов, серия С—80 миллиардов марок), соглашалась аннулировать обязательства последней серии, в случае аннулирования французских военных долгов. С этого момента английская политика внешним образом стала более решительной, но по существу, ее двойственная политическая линия оставалась в силе. Английские предложения были таковы, что они не могли быть приняты Францией: Англия предлагала оказать давление в Берлине в смысле прекращения пассивного сопротивления, однако, с тем непременным условием, чтобы предварительно был поставлен вопрос о германской платежеспособности, как основе разрешения репарационной проблемы. Англия настаивала на том, чтобы «фиксировать окончательную сумму платежей, которые союзники намерены получить с Германии, считаясь с ее платежеспособностью, и способы обеспечения аккуратного платежа германского долга путем контрольной комиссии, свободной от тех вредных, с точки зрения экономики, последствий, которые связаны с военной оккупацией Рура». Это было недвусмысленное, но безрезультатное требование эвакуации Рура и попытка утвердиться в положении

[1] В ноте 7 июня (план Куно)

арбитра франко-германских отношений. Англо-французская дипломатическая переписка все более явственно обозначала непримиримость позиций обоих союзников, и эта непримиримость возрастала прямо пропорционально грандиозным экономическим и политическим затруднениям, охватившим Германию. Английское вмешательство во франко-германскую борьбу, отразившейся в обширной дипломатической переписке, имело своей целью увеличить французские затруднения, однако, без того, чтобы реальным образом оказать непосредственную поддержку Германии, и таким образом, подготовить почву для своего вмешательства.

Между тем, захват Рура французами, политика пассивного сопротивления, выразившаяся, главным образом, в поддержке рейнских промышленников, все более обостряла экономическую и финансовую разруху страны, и быстро приближала Германию на край катастрофы. Рурская борьба обходилась Германии, по некоторым вычислениям, в 40 миллионов золотых марок в день. Государственный бюджет пришел в полное расстройство: расходы во второй декаде октября выражались в астрономической цифре 214.440.000 миллиардов, почта и железная дорога дали дефицит 109.700.000 миллиардов, а государственный приход покрывал лишь 0,75% общего расхода[1]. Лишение 84% каменного угля и 27% бурого угля, вызванное захватом Рурской области французами, вынуждало Германию делать усиленные закупки угля за границей, а это еще более подтачивало ее финансовые силы. К середине октября германская марка стала своей о д н о й б и л л и о н н о й частью. Это означало полное разложение финансовой и экономической жизни, полное крушение германской политики, которая, к тому же, была дезорганизована германской тяжелой промышленностью, выступившей вскоре на путь самостоятельных и сепаратных соглашений с французскими капиталистическими группами, одновременно или предварительно используя преимущества, предоставляемые политикой пассивного сопротивления (получение кредитной помощи, игра на понижении германской марки и на попытках ее стабилизации и т. п.). Экономический распад Германии, финансовый хаос, разоривший широкие слои мелкой буржуазии, крайне обострили социальные противоречия, усилили рост революционного движения (события в Гамбурге и в Средней Германии),—и это сыграло не малую роль в том, что правящие классы Германии стали добиваться соглашения с Францией, хотя бы ценой своего по-

---

[1] Henri Lichtenberger. Deutschland und Frankreich in ihren gegenwärtigen Beziehungen. In deutscher Bearbeitung von Dr. Rudolf Berger. Leipzig 1924. S. 193 f.

ражения. И тогда, когда англо-французская дипломатическая борьба дошла до своего апогея, через месяц после того, как Англия официально квалифицировала франко-бельгийскую политику захвата Рура, как нарушение Версальского договора, германское правительство об'явило о своей готовности итти на капитуляцию. 26 сентября пассивное сопротивление было прекращено, а вскоре после этого германское правительство сообщило о готовности выполнить свои репарационные обязательства и просило Репарационную комиссию на основании ст. 234 Версальского договора, заняться изучением платежеспособности Германии [1]. Но капитуляция германской политики не изменила ни направления, ни методов политики французского империализма. Таможенная граница между оккупированными областями и остальной Германией уничтожена не была, и как раз с этого времени начинается усиленная поддержка рейнского сепаратизма: 21 октября 1923 года в Ахене, провозглашена была Рейнская республика. Старые планы французского империализма, которые были столь широко развиты на Парижской конференции при выработке Версальского договора и которые тогда должны были отступить благодаря противодействию, проявленному Англией и Соединенными Штатами, стояли теперь накануне своего осуществления. Подчиняя себе Германию, французский империализм приближался к созданию грандиозного могущественного угольно-стального треста, и тем самым втягивал в сферу своего влияния всю систему европейских отношений, а осуществление этого означало бы, с одной стороны, усиление Франции в борьбе с англо-американским империализмом, а, с другой стороны,—могущественный напор на Советскую Россию. «Бесспорно,—писал в свое время Ллойд-Джордж,—что если этот ценический план будет приведен в исполнение, то тем самым будет положен конец репарациям, так как независимость германской промышленности будет задушена, и жизнь ее скоро замрет. Но имеются признаки, что французы оставили мысль о получении репараций. Они заняты теперь планами грабежа, и при том в громадных размерах. Французская печать строит в данное время планы, идущие гораздо дальше, чем простой контроль над германской промышленностью. В этот план должны войти Италия, Польша и даже Россия. Высокая линия, проводимая в течение многих лет парижской печатью на тему «никаких сношений с убийцами» теперь оставлена. Вместо этого мы слышим сен-

[1] Нота германской комиссии по военным обязательствам, адресованная Репарационной Комиссии в Париже 23 октября 1923 г. Германские репарации и доклад комиссии экспертов. (Собрание документов). С вводными статьями Ф. А. Ротштейна и Е. Варги и с приложением статьи Дж. Кейнса. Коммунистическая Академия, 1925 г. Стр. 63 — 64.

тиментальное заигрывание с Россией. Газеты говорят о восстановлении старых дружеских отношений между Францией и Россией, конечно, в определенных целях: Россия должна покупать, Германия производить, а Франция — получать прибыли».[1] Последняя формулировка так верно схватывает намечавшееся положение вещей, что сделанная Ллойд-Джорджем общая оценка отношений Франции к Советской России может быть оставлена в стороне. Действительно, подчинение Германии и ее народно-хозяйственного организма французскому империализму, и новая, связанная с этим, расстановка элементов в системе европейской политики, — все это представляло бы собой огромную опасность не только для роста, но и для самого существования Советской России. Полное осуществление планов французского империализма, экономическое порабощение Германии, создание гигантского угольно-стального треста, захватывающего в сферу своего влияния всю Западную Европу, означало бы утверждение французской гегемонии в Европе и мощный напор на Советскую Россию с целью ее превращения в колонию: именно на этих основаниях и была впоследствии частью германской и английской прессы, поставившей своей задачей дискредитировать политику Советского правительства,—сконструирована версия, которая сводится в основном к тому, что правительство Советской России снабжало некоторыми военными материалами германское правительство, использовавшее их, однако, совсем для иных целей—для борьбы с революционным движением германского пролетариата. В действительности же, Советское правительство тотчас после вторжения французских войск в Рурскую область открыто выразило свою моральную поддержку германскому народу и протест против действий и замыслов французского империализма. Этот протест Советской России, как оказывается, вошел в оборот германской политики, своеобразно пытавшейся его использовать. Начальник американского оккупационного отряда генерал Эллен сообщает, что вскоре после оккупации Рура представитель Германии явился к американским властям, чтобы обратить их внимание на протест советского правительства против оккупации. «Он подчеркивал,—пишет генерал Эллен, — следующее место протеста: «В этот трагический момент рабочие и крестьяне России снова поднимают свой голос, чтобы выразить резкий протест против безумной политики империалистической Франции и ее союзников». Прочитав этот отрывок, он заявил: «Если ни одно из сильных правительств Запада не придет нам на помощь, не ясно ли, что мы будем брошены в об'ятия

---

[1] Лойд-Джорж. Мир ли это? Стр. 79 — 80.

Востока?» Ему дали понять,—сообщает далее американский генерал,—что устрашение Западных держав большевизмом не достигнет цели, т. к., если эта политическая болезнь распространится на Западе, Германия окажется ее первой жертвой. Он ответил на это, что «гибель Германии повлечет за собою и гибель Франции, что немцы уже доведены до такого умонастроения, при котором они готовы пострадать сами, дабы увлечь за собой и Францию»[1]. Политический смысл этих германо-американских переговоров не вызывает сомнений. С германской стороны в данном случае были применены весьма примитивные методы давления на Америку с целью вызвать непосредственное вмешательство последней в европейские дела и тем самым парализовать активность французского империализма. Нет никаких гарантий в том, что подобные же переговоры не велись и с каким-либо из представителей английской политики, которая в этом смысле представляла собой более благодарную почву: любопытно, что как раз в это время Ллойд-Джордж стал публично развивать тот строй мыслей о советско-германском союзе и о перспективе социальной революции в Европе, который положен был в основу его известного меморандума, представленного Парижской конференции[2]. Американский ответ на германские зондирования, которые вряд ли можно назвать утонченными, по существу, был весьма прост: это было циничное напоминание правящим классам Германии о существовании политики самосохранения.

В таком контексте германский ответ и угрозы «гибели Франции» звучал весьма риторически. Однако, самая апелляция к Соединенным Штатам весьма знаменательна, и является мелкой, но характерной деталью в свете общих тенденции развития германо-американских отношений после войны—и более обще—в свете новых переломных тенденций, складывающихся в политике Америки в отношениях к Европе.

Вильсонизм,—эта своеобразная идеологическая форма политической программы американского финансового капи-

---

[1] Henry T. Allen. The Rhienland occupation. 1927 p. 275.

[2] См. гл. II. Теперь Ллойд-Джорж писал: «В случае коммунистической революции в Германии, она может заразить всю Европу. Европейские жизненные силы настолько понижены общим послевоенным утомлением, что для Европы весьма трудно бороться с заразой... Россия при ее бесчисленных рессурсах в людях, в сыром материале, ожидает лишь возможности воспользоваться тем, что Германия может ей дать. Большевистским вожакам нужно лишь получить то, что Германия вполне в состояиии им предоставить в виде специалистов и технических средств для реорганизации и оборудования их страны; и они обратят Россию в самое могущественное государство в Европе и в Азии. Народы, положение которых на Востоке делалось невыносимым, часто двигались на Запад. Согласно тому же закону, народ, которого всячески подавляют на Западе, обращает свои взоры на Восток." Мир ли это? Стр. 69—70.

тала, пытающегося утвердить свое преобладающее влияние в послевоенной Европе,—потерпел крушение под встречными ударами европейских и американских сил. Говорить о мощном противодействии об'единенной Европы—американской политике, проводимой в свое время Вильсоном, конечно, не приходится, ибо отвлеченное противопоставление Европы и Америки не получает никакого принципиального оправдания в конкретном анализе международно-политических отношений, если их рассматривать в исторической перспективе. В эпоху подготовки Версальского договора лишь одна Германия ориентировалась на американскую программу: это казалось лучшим выбором при наличии программы французского империализма. Но Германия, как политическая сила, в расчет не принималась, а назревшие противоречия в стане самой Антанты расшатали американскую программу. Американская политика оставалась или изолированной перед англо-французским об'единением, или в вопросах, вскрывавших англо-французское соперничество, должна была примкнуть на основе некоторого компромисса к той или иной стороне. В таких условиях компромисс часто означал утверждение внешней конструкции вильсоновской программы при полном или частичном исчезновении политического содержания или подмены его об'ективного значения. Этому способствовало то, что вильсонистская программа американского финансового капитала стала терять опору среди влиятельных групп промышленного капитала, потянувших за собой широкие круги американского общества. Внешним образом это выразилось в возрождении республиканской партией старой интерпретации доктрины Монро и в переходе к политике самоизоляции. Стержень вильсонистской программы, — вопрос о Лиге Наций, об'ективно выражающий стремления американского финансового капитала к установлению своего контроля в Европе, — практически был переключен в плоскость англо-французских интересов и в то же время был выброшен новыми американскими силами, повернувшими политику в русло традиционной ориентации на внутренний рынок, на Центральную и Южную Америку и, наконец, на Восточную Азию. В результате, как известно, Соединенные Штаты Версальский договор не ратифицировали, а вместо него, 25 августа 1921 г., в Берлине был подписан мирный договор с Германией, по которому Соединенные Штаты получали все права и преимущества, вытекающие из Версальского договора[1]. Америка, путем сепаратного юридического акта, получала, таким образом, возможность использовать в своих интересах условия Версальского договора без того, чтобы

---

[1] Текст см. „Международная Летопись" 1924 г. № 4.

выполнить какие-либо обязанности и быть связанной статутом Лиги Наций. Ее активное вмешательство в европейские дела стало проходить по другим, организационно, быть может, мало заметным, но фактически весьма мощным протокам финансового капитала, который стал пробивать себе дорогу, как только в самой Америке и вне ее созрели необходимые для этого предпосылки.

Обычно относительный отход американской политики от самоизоляции, поворот к вмешательству в европейские дела рассматривается в непосредственной, обуславливающей его связи с послевоенным аграрным кризисом, особенно обострившимся в 1923 г., и промышленной депрессией 1924 года. Но имеется интересная попытка доказать, «что американская политика, несмотря на отдельные колебания, приняла направление в сторону преодоления изоляционизма под влиянием не кризиса, но высокой кон'юнктуры, основанной на внутреннем рынке»[1]. Одно бесспорно: финансовый капитал получил возможность активного выступления в Европе благодаря протекавшей в Америке перегруппировке сил, — и это выразилось в новой, приобретающей все более определенные формы, ориентации стоящей у власти республиканской партии, внешняя политика которой стала проводить параллельные интересы об'единенных на этой основе групп американского капитала. Формально республиканская партия старалась представить новую ориентацию своей внешней политики в виде дальнейшего развития своей старой традиции, но фактически, медленный и осторожный поворот в сторону Европы свидетельствовал об отказе от этой традиции, — и в этом отношении замечательно то, что потерявшая инициативу и переживающая тяжелый кризис демократическая партия рассматривала успехи республиканского правительства, как результат усвоения в данных вопросах ее программы. Все это означало, что новое внешнеполитическое направление Америки пользовалось поддержкой даже оппозиционных сил. Американский финансовый капитал, заинтересованный в получении своих европейских долгов (одни лишь военные долги выражаются в колоссальной цифре — около 12 миллиардов долларов) и в создании в Европе благоприятной почвы для дальнейшего экспорта своих излишков, не находящих применения в самой Америке, получил, таким образом, руководящее внешне-политическое значение благодаря поддержке промышленного капитала и фермерства. В частности, германский рынок, который хотя и играл после войны меньшую роль во внешней торговле Соединенных Штатов, чем в довоенное время, —

---

[1] Ю. Денике. Америка на историческом перепутьи. Сборник статей. Издательство «Плановое хозяйство». Москва, 1925 г.

все же, занимая следующее после Великобритании место, имел большое значение для американского экспорта. Германский экспорт, по выражению одного немецкого экономиста, есть функция импорта и оздоровление народнохозяйственного организма Германии должно было стимулировать увеличение американского вывоза. И, обратно, анализ структуры германской внешней торговли показывает большое место экспорта в Соединенные Штаты, при чем американская таможенная политика (тариф Мак Форднея) не отразилась особенным образом на Германии, а заключенный германо-американский торговый договор (8 октября 1923 года), основанный на принципе взаимного наибольшего благоприятствования, положил широкую основу для экономического сближения обеих сторон [1]. К тому же, крах германской марки и необходимость ее восстановления, как предпосылки реставрации германского капитализма и борьбы с наростающей революцией — все это заставляло германскую политику обращаться в сторону американских банков, которые и без того играли весьма крупную роль, благодаря кредитованию заморской торговли Германии. Попытки германской политики вызвать вмешательство Соединенных Штатов шли, таким образом, навстречу и специальным, и общим тенденциям американской политики, которая была заинтересована не только в капиталистической стабилизации Германии, но, в связи с этим и кроме того, в соответствующем разрешении всего комплекса проблем европейской политики, — в установлении относительного равновесия сил. Неоднократно высказанная германской политикой готовность передать разрешение репарационного вопроса на усмотрение Америки делается понятной, ибо вопрос этот, являющийся основным во всем комплексе проблем экономической и политической жизни Европы, связывался с вопросом о межсоюзнических долгах и рассматривался американским капиталом, как рычаг давления на политику держав Европы. В этой связи интересно выступление американского секретаря по иностранным делам Юза (в Нью-Хавене), в официальной и достаточно определенной форме засвидетельствовавшего актуальное значение судьбы репарационного вопроса для американской политики. Выступление это было накануне захвата французами Рура и, таким образом, являлось как бы предостережением Франции, пытающейся установить в Европе свою гегемонию. Впослед-

---

[1] Ludwig Prager. Die Handelsbeziehungen des Deutschen Reiches mit den Vereinigten Staaten von Amerika bis zum Ausbruch des Weltkrieges im Jahre 1914 (Dazu ein Nachtrag über die Entwicklung der Verhältnisse im der Nachkriegszeit bis 1924). Weimar 1926 S. S. 153 — 161.—Зоннештралль Международные договоры и важнейшие экономические соглашения 1923 г. «Международная Летопись» 1924 г. № 4.

ствии Соединенные Штаты не остановились и перед открытой демонстрацией: в день оккупации Рура последнему отряду американских войск, стоявшему на Рейне, был отдан приказ покинуть Европу. Положительная программа американского капитала, как она формулирована была устами Юза, сводилась к предложению передать репарационный вопрос на рассмотрение специальной комиссии экспертов, в которой могла бы принять участие и Америка. Это свидетельствовало о попытках Соединенных Штатов вырвать судьбы Германии из рук Репарационной комиссии, т.-е по существу, из рук Франции, и, тем самым, посредством соответствующего разрешения репарационного вопроса создать базу в Европе для операций американского финансового капитала. На почве общих интересов в европейской политике, направленной в первую очередь на то, чтобы отбросить Францию от возможности вести самостоятельную политику, рассчитанную на полное подчинение Германии, создалось сближение между Соединенными Штатами и Великобританией. Последняя обладает первоклассной системой банков, посредническая деятельность которых представляла большой интерес для американского капитала. Вопрос об установлении англо-американского сотрудничества в делах Европы и установления «экономической стабилизации» стал обсуждаться в финансовых кругах обеих стран совершенно открыто вскоре после того, как Рур был захвачен Францией [1]. Политика Великобритании усвоила американскую программу необходимости обследования платежеспособности Германии и медленно, но упорно добивалась ее осуществления. Вся дипломатическая борьба, протекавшая между Англией и Францией, в основном сводилась к тому, что первая всячески пыталась вырывать разрешение репарационного вопроса из рук Репарационной комиссии, между тем, как последняя не хотела этого допустить. Пытаясь захватом Рура ревизовать Версальский трактат в своих интересах, французский империализм формально представлял себя хранителем неприкосновенности Версальского акта. «Либо эта комиссия экспертов и есть сама Репарационная комиссия с ее агентами,—тогда для чего вся эта дискуссия, — аргументировала французская политика, отстаивая свою позицию вершителя судеб Германии,—либо она становится на место Репарационной комиссии—и тогда противоречит договору... Требуются беспристрастные эксперты, иначе говоря, Репарационная комиссия в наличном ее составе рассматривается, как пристрастная. Забывают, что одна лишь Франция имеет право, в силу одних лишь согла-

---

[1] René Pinon. La Bataille de la Ruhr 1923. Paris. 1924. p. 142.

шений в Спа, на 52% германского долга»[1]. Эти заявления были сделаны еще до крушения германской политики пассивного сопротивления, и в данных об'ективных условиях свидетельствовали о том, что французский империализм отказывается уступить занятые им позиции, выпустить из своих рук захваченную инициативу и руководящее значение в делах Европы. Британское напоминание о необходимости регулировать вопрос о долгах казалось в Париже весьма неуместным, а представленный план[2] — неприемлемым. «Каждый фунт стерлингов, или каждый доллар, который Франция должна Соединенным Штатам или Англии, — гласили французские возражения, — представляет сохраненную кровь союзников. Золотые марки Германии представляют пролитую кровь союзников»[3]. Такое компетентное знание вещей и циническая их оценка — свидетельствовали о непоколебимости французского империализма, стоящего накануне полного осуществления своих планов. Но бурная активность французской политики начала подтачиваться новыми об'единенными силами, выступающими на арену европейской политики, и самоуверенная декламация французской дипломатии стала утихать под медленным действием англо-американского капитала.

Поражение германской политики, крушение финансовой системы в Германии, распад устойчивости социальных отношений, рост сепаратистского движения, поддерживаемого Францией и Бельгией, обострение классовых противоречий и рост революционного движения в рабочем классе, прорвавшийся в восстании гамбургского пролетариата, — все это ускорило англо-американское вмешательство в централь-

---

[1] Английская нота от 11 августа 1923 г. Опровержения французского правительства п. п. 23—24. Германские репарации и доклад комитета экспертов (Сборник Документов) стр. 37.

[2] „Британский план общего урегулирования долгов исходит из того существенного принципа, что Великобритания готова, с оговоркой о законных требованиях других частей Империи, ограничить свои требования платежей от союзников и от Германии, вместе взятых, суммой приблизительно в 14 миллиардов 200 миллионов золотых марок; эта сумма представляет современную сумму недавно консолидированного долга Великобритании—Правительству Соединенных Штатов. Предел уступок, которые Правительство Его Величества может решить сделать в вопросе о междусоюзных долгах, должен в значительной степени зависеть от той процентной доли этой суммы в 14.200 миллионов золотых марок, которую оно сможет покрыть за счет Германии. Эти уступки могут быть сделаны в конкретной форме лишь тогда, когда будет принято общее урегулирование репараций, на котором настаивает Правительство Его Величества, и если это урегулирование будет таково, что Правительство Его Величества может рассматривать свою долю в платежах Германии, как актив реального финансового значения».—Английская нота от 11 августа 1923 г. П. 46. Ib с. 45.

[3] Опровержение французского правительства П. 46.

ный вопрос капиталистической Европы, — во франко-германские отношения. Выступление южно-африканского премьера Сметса, открыто потребовавшего пересмотра репарационного вопроса, предоставления Германии моратория и ликвидации захвата Рурской области, и выступление американского посла в Лондоне Гарвея, подтвердившего согласие Америки принять участие в международной экономической конференции, — знаменовали собой начало англо-американского нажима на Францию. В дальнейшем наступление англо-американских сил все более усиливалось, но французская политика решительным образом защищала прерогативы Репарационной комиссии, этого основного органа ее преобладающего влияния. Пред'явленное Германией требование рассмотреть вопрос о ее платежеспособности усилило напор Великобритании до такой степени, что ее представитель в Репарационной комиссии при рассмотрении германской ноты позволил себе с'язвить по адресу французских проектов разрешения поставленного вопроса: «рецепт французского делегата мне представляется исходящим из того мира, где некий философ изобрел пилюли от землетрясения» [1]. Рецепт этот был все же не нов: вынужденная согласиться передать изучение вопроса о платежеспособности Германии специальному комитету экспертов, Франция пыталась оставить за Репарационной комиссией безусловное право точного определения программы работ этого комитета и самостоятельного решения всего вопроса. Это являлось своеобразной формой борьбы за преобладающее влияние французской политики. Ввиду категорического отказа Франции передать репарационный вопрос на рассмотрение международной экономической конференции, правительство Соединенных Штатов отказалось от официального участия в ином способе разрешения репарационного вопроса. Но компромисс был достигнут: постановлением Репарационной комиссии были образованы два комитета экспертов, из коих одному было «поручено изыскать средства уравновешивания бюджета и меры к стабилизации валюты», а другому поручено «изыскать средства к учету и обратному водворению в Германию утекших капиталов» [2]. Правительство Соединенных Штатов дало согласие на неофициальное участие американских экспертов в работах образованных комитетов [3]. Во главе первого комитета экспертов стал генерал Дауэс, — фактический агент Моргана, во главе второго — известный английский финансист Мак-Кенна.

---

[1] Сообщение Репарационной Комиссии от 13 ноября 1923 г.
[2] Сообщение Репарационной Комиссии от 30 ноября 1923 г.
[3] Переписка между г. Барту, французским делегатом в Репарационной Комиссии и г. Логан, американским официальным представителем.

Влияние англо-американского финансового капитала стало приобретать организационное оформление.

Из Рурской схватки ослабленной вышла не только Германия, но и Франция. Уже первые результаты захвата Рура были для Франции малоутешительны. Благодаря германской политике пассивного сопротивления добыча угля и перевозка его во Францию снизилась до минимума. Угольный кризис отразился, таким образом, не только на положении германской, но и французской промышленности. Франции, как и Германии, пришлось покупать уголь за границей, а это повышало цену продукции и отражалось на курсе франка. Предпринятая борьба за Рур требовала больших средств, сильного напряжения всей экономической и финансовой системы Франции, — и все это вызвало падение франка. Конец германского пассивного сопротивления ознаменовался возобновлением переговоров и заключением договоров между оккупационными инстанциями и отдельными группами германских промышленных организаций. Германское правительство впоследствии санкционировало начало этих сепаратных переговоров, отказавшись, однако, от финансирования поставок угля в счет репарационных взносов. Наряду с попытками вести переговоры непосредственно с отдельными промышленными группами, Франция не упускала и иных средств эксплоатации: сохранение таможенной границы между оккупированными областями и остальной Германией, повышение таможенной пошлины на товары, ввозимые из Германии, хищническая рубка государственных лесов и т. д., и т. д. Всей комбинацией методов охвата экономической и политической жизни Рейнской и Рурской областей французская политика как бы старалась не только утвердить свое влияние, но и застраховать его со всех сторон так, чтобы в последний момент поставить своих соперников на европейской арене перед осуществившимся фактом. Но эта политика таила в себе глубокое противоречие, которое было использовано и доведено до больших размеров англо-американским капиталом. Осуществление грандиозной программы захвата Рура должно было иметь своей жизненной основой блестящее состояние финансовых рессурсов государства. А между тем, этого не было, и французская политика замкнулась в порочном кругу: захват Рура повлек за собой напряжение и расстройство финансовой системы, восстановление которой усматривалось в эксплоатации Рурских богатств, но для создания предпосылок этой эксплоатации требовалось дальнейшее напряжение финансовых ресурсов. Та поспешность, с которой французская политика действовала в оккупированной области после прекращения германского пассивного сопротивления, делается понятной, ибо вопрос о долгах,—как это

назойливо напоминала Англия, — не был урегулирован, англо-американские банки, имея в своих руках большое количество французской валюты, могли в любой момент выбросить ее на рынок и тем самым понизить ее курс, — а это выбивало почву из под ног и лишало французскую политику необходимой устойчивости. Если в первые дни захвата Рурской области фунт стерлингов стоил 67 франков, то через год он уже стоил 87 франков, а в дальнейшем англо-американская биржа сделала все от нее зависящее, чтобы дать падению франка ускоренный ход: в середине февраля 1924 г. фунт стерлингов стоил уже 100 франков, а еще через месяц дошел до 125 франков. Дабы предотвратить надвинувшуюся катастрофу финансовой системы, сбалансировать бюджет, не допустить дальнейшего падения своей валюты, французское правительство вынуждено было искать помощь во вне и получить ее в виде займов, предоставленных американским и английским банками. Грандиозная попытка захвата Рура и утверждения своей гегемонии в Европе привела Францию в Нью-Йорк и Лондон. Цепь финансовой зависимости связала самостоятельность и активность политических выступлений французского империализма, который оказался вынужденным отступить перед об'единенными интересами в Европе англо-американского капитала, завладевшего судьбой репарационной проблемы: отношение Франции к работам экспертов было этим самым предопределено.

Формально план Дауэса исключает из своего кругозора проблемы политического характера, рассматривая поставленную задачу, как проблему финансово-экономического порядка. Однако, общее политическое значение доклада базируется уже на том, что обозначено его основной предпосылкой: «восстановление налогового и обще-экономического единства германского государства».[1] Анализ и вся история осуществления плана Дауэса показывают, что этот план являлся методом наступления англо-американского влияния и создания предпосылок, гарантирующих эксплоатацию Германии в интересах двух стран, инвестирующих туда свои капиталы. Основой этого плана является азбучная истина, гласящая, что для получения долга необходимо предоставить должнику возможность хозяйствования, как предпосылки платежа. Если французский метод разрешения репарационного вопроса сводился к захвату областей, то англо-американский метод выделял определенные источники в самой системе германского народного хозяйства: нормаль-

---

[1] План решения репарационного вопроса. Доклады Комиссий экспертов под председательством Дауэса и Мак-Кенна. Со всеми официальными приложениями. Перевод А. И. Зака. Москва 1925 г. стр. 36.

ными источниками репарационных платежей план Дауэса устанавливал железные дороги, промышленные облигации и специальные статьи государственного бюджета. Для контроля и получения платежей из этих источников план Дауэса предусматривал создание кадра специальных комиссаров, облеченных широкими полномочиями, действия которых координируются специальным «генеральным агентом по платежам». Средством проведения плана Дауэса являлось восстановление германской финансовой системы, укрепление марки (создание эмиссионного банка), предоставление моратория на год (а фактически на 2 или даже 3 года) и, наконец, предоставление специального займа. Самая сложная сторона репарационных платежей — проблема трансферта (перевод денег за границу по назначению, — без того, чтобы это отразилось на курсе марки)—была разрешена в том смысле, что в случае невозможности перевода поступившей репарационной массы, сумма, превышающая определенную норму (два миллиарда марок), вкладывается в германскую промышленность. Разрешение репарационного вопроса было поставлено в плане экспертов под углом зрения интересов американского капитала, который овладевал, таким образом, целыми отраслями германского народного хозяйства, ставил в узловых пунктах этого хозяйства своих контролеров, и получал возможность дальнейшего расширения своего влияния внутри Германии на основе поступающих репарационных сумм, а вне ее—на основе превращения этих сумм в залог межсоюзнических долгов. Наконец, самая реализация займа в 800 миллионов золотых марок и биржевое обращение репарационных облигаций на сумму в 16 миллиардов золотых марок, — все это рисовало англо-американскому капиталу благоприятные перспективы.

Для своего успешного осуществления план Дауэса требовал, кроме восстановления экономического единства Германии, полного невмешательства иностранных военных организаций, препятствующих свободе экономических сношений, и уничтожения всякого иного контроля или вмешательства, кроме предусмотренного самим планом. Иными словами, от Германии требовалось беспрекословное повиновение, а Франции пред'являлся ультиматум о ликвидации ее политики последних лет.

9-го апреля доклады обоих комитетов (план Дауэса) были представлены Репарационной комиссии. 24 апреля Британское, Итальянское и Бельгийское правительства сообщили о своем принципиальном согласии принять план экспертов, как основу для разрешения репарационной проблемы, а за ними поспешило сделать аналогичное сообщение и французское правительство. Германское правитель-

ство в поисках выхода из экономического и финансового хаоса, созданного в результате Рурской схватки, в борьбе за восстановление равновесия капиталистических отношений, об'явило о своем положительном отношении к плану Дауэса еще ранее—16 апреля, в двухлетнюю годовщину Раппальского договора.

Если проследить основные линии германской внешней политики последнего десятилетия, то можно будет установить, что всякий поворот в сложившейся на Западе системе отношений, поскольку он вовлекает в сферу своего об'ективного влияния или непосредственного давления и Германию, имеет свое ответное отражение в выступлении того или иного характера и значения, предпринимаемом Германией на Востоке, в отношении к Советскому Союзу. Это не следует понимать в том смысле, что всякое давление, испытываемое Германией на Западе, со стороны Антанты или доминирующей в ней силы,— автоматически сказывается в давлении Германии на Советский Союз. Историю германской внешней политики, взятой под этим углом зрения, в ее основных контурах следует рассматривать, не как автоматический упор на Восток, не как прямую передачу туда давления, претерпеваемого с Запада, а скорее как такое балансирование и маневрирование между Востоком и Западом, пределы которого установлены общей, сложившейся в данный момент, ситуацией. Советско-германские отношения после Раппало развивались нормально и успешно. Раппальский договор, который был ответом политике Антанты и, главным образом, французской политике, всячески пытавшейся подорвать возможность советско-германского сближения, положил основу для этого сближения. Экономические связи между Германией и Советской республикой росли и крепли. Начался поток германских предложений о предоставлении концессий. В общем итоге предложений, поступивших за первые два года действия Раппальского договора—Германия стояла на первом месте. Весьма характерно, что именно германские капиталисты занялись в Советской республике сельско-хозяйственной деятельностью. Так, например, Круппу Советское правительство предоставило на концессионных основаниях 25.000 десятин земли, пригодной для зернового хозяйства,[1] а Немецко-Волжскому банку разрешено было из предоставленных ему в концессионном порядке земель сдать в суб-концессию 25.000 десятин Германо-Русскому аграрному обществу, в состав которого входили представители крупного прусского землевладения[2]; германский капитал, кроме того, получил концессию в области

---

[1] Постановление Совета Народных Комиссаров от 16 января 1923 г.
[2] Постановление Совета Народных Комиссаров от 23 октября 1923 г.

железнодорожного дела, на разработку лесов и т. д. Нужно все же отметить, что оккупация Рура, конечно, отразилась на судьбе концессионных предложений Германии. Успешно развивались экспортно-импортные операции[1], и в двухлетнюю годовщину Раппальского договора ничто не предвещало внезапно наступивший кризис советско-германских отношений, разразившийся (3 мая) в связи с налетом берлинской полиции на советское торговое представительство. Закулисная сторона этого полицейского налета, имевшего явно провокационные формы, и поставившего советско-германские отношения перед опасностью разрыва,—является одним из самых темных эпизодов в истории послевоенной Германии. По всей вероятности, политическими руководителями этого антисоветского выступления являлись те монархическо-реакционные круги, которые все время противились установлению нормальных сношений с Советской республикой. Но своей двусмысленной позицией германское правительство ответственность за действия полиции фактически возложило на себя. На пред'явленный советским правительством решительный протест германское правительство ответило уклончиво, оспаривая, главным образом, право экстерриториальности советского торгового представительства. Полномочный представитель Советского Союза выехал в Москву, торговое представительство заявило о своем отказе от участия в Кельнской ярмарке, о прекращении заключения сделок с германскими фирмами, и начало свертывать свой аппарат. В сложившейся тогда международно-политической обстановке разразившийся конфликт об'ективно означал создание рецидива 1918 года, когда дореволюционное германское правительство разрывом с Советской Россией предполагало облегчить условия неизбежной капитуляции перед Антантой. Теперь Германия только что высказала свое положительное отношение к плану Дауэса и вскоре начала готовиться к Лондонской конференции, где план этот должен был быть принят. Одновременно английское рабочее правительство Мак-Дональда вело переговоры с Советским правительством. 14 апреля в Лондоне открылась англо-советская конференция, и некоторые германские круги увидели в этом угрозу перспективе своего монопольного положения на советском рынке. План Дауэса рассчитан был на увеличение германского экспорта, а это означало необходимость взять курс на Восток, в частности на Советский Союз. Вопрос, таким образом, мог состоять в том, чтобы одним ударом сор-

---

[1] Вывоз из Сов. Респ. в Германию. Ввоз в Сов. Респ. из Германии.
1922 г. на сумму Руб. 16.415.141 1922 г. на сумму Руб. 187.019.175
1923 г. » » 73.988.000 1923 » » » 178.488.000

вать англо-советское соглашение и сделать нажим на советскую систему монополии внешней торговли: любопытно, что как раз после опубликования плана Дауэса и почти одновременно с открытием в Лондоне англо-советской конференции — в германской прессе началась кампания против Советского Союза.

Приближалась Лондонская конференция, которая должна была принять англо-американский план разрешения репарационного вопроса, и, в данном случае, две силы, особо заинтересованные в этом вопросе, имели основания, хотя и прямо противоположные, противиться этому плану: Германия, пытаясь облегчить для себя его условия, и Франция, пытаясь вернуть себе прежнее положение. Срыв англо-советских переговоров в таких условиях об'ективно мог оказаться основанием для франко-германского сближения: не следует забывать, что свое непримиримое отношение к Советскому Союзу французское правительство незадолго до этого (12 марта) продемонстрировало ратификацией договора (от 29 октября 1920 г.) об аннексии Бессарабии Румынией. Возможно, что своим положительным отношением к плану Дауэса, а с другой стороны — политикой престижа в отношениях к Советскому Союзу и установлением прецедента в отказе торговому представительству в экстерриториальности, как первой попытке сорвать монополию внешней торговли, — Германия предполагала увеличить свои шансы на Лондонской конференции, играя на англо-французских противоречиях в вопросе об отношении к Советскому Союзу и в репарационном вопросе. Если это так, то французские выборы, которые принесли Пуанкаре небывалое поражение, и поставили у власти левый блок во главе с Эррио, — в одном смешали карты игры: французская политика начала намечать пути сближения с Советским Союзом. Во всяком случае советско-германский конфликт затянулся до Лондонский конференции и был ликвидирован лишь тогда, когда главнейшие этапы этой конференции остались позади и предварительные ее результаты выяснились в достаточной степени.

Уже в предварительных переговорах в связи с подготовкой Лондонской конференции вскрылись основные линии англо-французских противоречий. В опубликованном официальном сообщении руководителей французской и английской политики намечался созыв конференции для принятия плана Дауэса, но совершенно не упоминались другие, наиболее острые вопросы англо-французских отношений: в частности, вопрос о безопасности, а в связи с этим об эвакуации Рура. Но вскоре в своем меморандуме, адресованном союзникам, Англия наметила свою точку зрения относительно созываемой в Лондоне конференции, и

это звучало, как требование, пред'являемое Франции. Англия заявила о необходимости, во-первых, снять «экономические и фискальные санкции, ныне применяемые на германской территории и отражающиеся на экономической активности страны», в двухнедельный срок, считая со дня проведения законодательных и иных мероприятий, требуемых планом Дауэса,—во-вторых, отнять у Репарационной комиссии ее функции определять случаи нарушения Германией своих обязательств,—и в-третьих, пригласить представителей германского правительства для переговоров на конференцию. Эта программа вызвала возбужденные протесты французской политики, и английской дипломатии пришлось выработать формулу, обходящую сокровенное ядро вопроса молчанием или нарочитой туманностью. Борьба перенеслась на конференцию, где французской политике пришлось встретиться лицом к лицу не только с Англией, но и с Америкой. Правительство Соединенных Штатов было представлено на конференции неофициальным наблюдателем—американским послом в Лондоне Келлогом, а членами американской делегации состояли Оуэн Юнг, фактический автор плана Дауэса, и Леган. Кроме того, в Лондон явился государственный секретарь Соединенных Штатов — Юз, а также явились виднейшие представители американского финансового капитала: министр финансов Меллон, агент Моргана—Ламонт и другие видные финансисты.

Борьба на конференции[1] сразу развернулась вокруг двух основных пунктов: по вопросу о нарушении Германией ее обязательств и, следовательно, об об'еме функций Репарационной комиссии, и в неразрывной связи с этим, по вопросу о применении санкций отдельными заинтересованными государствами. Франция, конечно, всячески отстаивала прежние права Репарационной комиссии и право сепаратных выступлений против Германии, т.-е. пыталась не упустить из своих рук руководящего влияния в отношениях между Антантой и Германией,—между тем, как англо-американская точка зрения, отражавшая интересы будущих держателей германских облигаций, сводилась к тому, чтобы вырвать руководящее значение в судьбах Германии из рук Франции и органов ее влияния, и передать право констатировать невыполнение Германией ее обязательств специальному учреждению с преобладающим американским влиянием. В результате был достигнут компромисс. Констатирование невыполнения Германией обязательств оставалось функцией Репарационной комиссии, но

---

[1] Документация издана сборником: «Лондонская конференция 16 июля — 16 августа 1924 г.». С вступительной статьей К. Радека. Издательство Коммунистической Академии. Москва, 1925 г.

требовало полного единогласия, в противном случае, вопрос решался при участии специально приглашаемого американского гражданина,—а вопрос о применении санкций мог решаться только в результате предварительных переговоров с генеральным агентом по репарациям и представителем кредиторов Германии. Франция, следовательно, теряла часть своего влияния и ограничивалась контролирующими правами Америки. Но и этот компромисс не удовлетворил представителей англо-американского капитала, которые, внезапно появившись на аван-сцене Лондонской конференции, открыто вмешались в ход политических переговоров и сразу создали определенность положения. Монтегю Норман, один из председателей Английского банка, и Ламонт, участник банка Моргана, заявили, что установленные гарантии они считают для себя недостаточными. «По мнению американских финансистов, — гласило соответствующее сообщение об этом драматическом, решающем и самом показательном эпизоде Лондонской конференции,—установление невыполнения Германией своих обязательств, не должно быть предоставлено Репарационной комиссии, авторитет которой,—как утверждает г. Ламонт,—дискредитирован в Соединенных Штатах. С другой стороны, те же круги враждебно относятся к возможности изолированного выступления одной из союзных держав, так как подобного рода санкции повредили бы кредиту Германии, а следовательно, и положению заимодавцев»[1] Одновременно банковские круги деликатно поставили вопрос о необходимости военной эвакуации Рура. Перед выступлением такой мощной силы, какой является англо-американский капитал, французской политике пришлось бить отбой и искать путей к новому, хотя бы внешнему, компромиссу. В конце-концов была найдена формула арбитражного решения, которая в своем реальном содержании означала непосредственный американский контроль по вопросам о констатировании невыполнения Германией ее обязательств, и отмену права сепаратного применения санкций. Принцип арбитража, с преобладающим американским влиянием, был установлен и в отношениях между Германией и Репарационной комиссией, в случае, если между ними возникнут разногласия, и при разногласиях внутри самой Репарационной комиссии или внутри Трансфертного комитета. Англо-американским напором Франция была, таким образом, откинута от тех позиций, которые она, в условиях системы Версальского мира, сумела захватить в борьбе за установление своей гегемонии в Европе.

---

[1] Телеграмма агентства Гавас от 21 июля 1924 года. «Лондонская конференция», стр. 36.

После того, как «согласие союзников» было достигнуто, германское правительство получило приглашение прислать своих представителей в Лондон. И если действительно в Германии существовали планы сыграть на англо-французских противоречиях, пользуясь для этого напряженностью своих отношений с Советским Союзом, как попыткой сорвать англо-советское соглашение,—то нужно признать, что они не удались. Вести самостоятельную политику в том смысле, чтобы использовать англо-французские противоречия,—даже вводя в эту игру козырь своих отношений с Советским Союзом, — Германия, накануне принятия плана Дауэса, еще не могла. На этот путь она получила возможность [illegible]гать лишь впоследствии, в результате той общей расста[illegible]овки сил, которая создалась на основе осуществления плана Дауэса. Как бы то ни было, отправляясь в Лондон, германское правительство сочло нужным предварительно урегулировать свои отношения с Советским Союзом. Советские требования были удовлетворены, и 29 июля в Берлине был подписан протокол о ликвидации конфликта: выразив сожаление по поводу произведенного полицией обыска, германское правительство подтвердило экстерриториальность советского торгового представительства. Советско-германские отношения постепенно вошли в нормальное русло и стали развиваться в направлении, предуказанном Раппальским договором.

Переговоры с германской делегацией на Лондонской конференции протекали без особенных осложнений. Впоследствии даже французская пресса выразила свое удовлетворение по поводу того, что Германия не преподнесла Лондонской конференции какого-нибудь сюрприза вроде Раппальского договора. Поскольку основные положения плана Дауэса и все условия, необходимые для его осуществления и проведения были установлены, германские представители ограничились тем, что внесли предложение сделать малозначительные коррективы,—и в некоторых вопросах (например, в ограничении срока поставок химических продуктов) добились успехов. Главная, и при том закулисная борьба между Францией и Германией разразилась, конечно, по вопросу об эвакуации Рурской области. Франция согласилась установить годичный срок эвакуации, однако, германские представители сочли это предложение неприемлемым. Англо-американское вмешательство (Мак-Дональда и Келлога) и тут решило исход разногласий. В виде компенсации за сделанные Францией уступки, у германских представителей было вырвано согласие, и в результате французская точка зрения восторжествовала. В специальном письме на имя германского канцлера представители Франции и Бельгии сообщили о своем согласии эвакуиро-

вать Рур в годичный срок (считая с 16 августа 1924 г.), и при том не лишили себя удовольствия подчеркнуть правомерность оккупации. Отрицая эту правомерность, германская делегация приняла сообщение к сведению. Одновременно Франция и Бельгия согласились немедленно эвакуировать зону от Дортмунда до Герде и территории, находящиеся вне Рурского района, оккупированные после 11 января 1923 года. Франция, таким образом, выторговала некоторое продление срока оккупации Рура, но в фактическом соотношении сил это не имело существенного значения. Точно обозначенные в заключительном протоколе Лондонской конференции [1] меры восстановления фискального и экономического единства Германии—означали крушение самостоятельной политики французского империализма в репарационном вопросе, т.-е. в вопросе о судьбах Германии, означали крах французских планов установить на развалинах германского единства свою европейскую гегемонию. Руководящей силой европейской политики выступил англо-американский капитал. Лондонская конференция и принятие плана Дауэса создали для этого благоприятные условия. Американская доля предоставляемого Германии займа была покрыта в течение 12 минут несколько раз. «Военная сила,—по выражению, одного американского историка международных отношений послевоенной Европы,—должна была капитулировать перед силой денег» [2].

Эта капитуляция знаменовала собою завершение огромного перелома во всей системе послеверсальских отношений: вмешательством Америки в европейские дела Франция оказалась лишенной захваченных ею позиций, и потому Германия, освобожденная от петли, наброшенной на нее французским империализмом, получила некоторую базу для восстановления своего разрушенного народно-хозяйственного организма и, тем самым, для увеличения своего влияния в системе международно-политических отношений. Англия получила возможность для дальнейшего расширения своего влияния в Европе, а впоследствии и для организации анти-советского блока. И подобно тому, как раньше руководящая сила в системе Антанты пыталась использовать слабость Германии,—теперь встал вопрос о том, чтобы использовать ее усиление. В дальнейшем этот перелом потребовал своего политического оформления, и на горизонте европейской политики замаячило Локарно.

---

[1] Приложение III протокола Лондонской конференции от 16 августа 1924 г.

[2] Frank H. Simonds. How Europe made peace without America. New-Jork. 1927, p. 288.

ГЛАВА ПЯТАЯ

МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

История Локарнского пакта — это уравнение, по меньшей мере, с одним неизвестным, которым в данном случае являются конкретные формы всей напряженной политической работы, протекавшей по ту сторону официальных и публичных актов и выступлений. Потребуется полное издание документов дипломатических архивов европейских,—и не только европейских—кабинетов, чтобы выяснить конкретные черты, реальные формы того, что скрывается за этим неизвестным. Такое Quellenforschung должно внести некоторые коррективы в имеющиеся теперь анализы проблемы Локарнского пакта и его истории, но заранее нужно сказать, что те из анализов, которые не являются прямой и грубой производной политических настроений и политической апологетики, сохранят свою об'ективную ценность хотя бы потому, что корректив этот внесен рассмотрением самых основ мировых хозяйственных и политических соотношений, взятый во всей их совокупности. В этом смысле, принципиально можно признать наличие общей перспективы в вопросе о заключении гарантийного договора. Внешняя же сторона дипломатической практики в таких условиях приобретает особый интерес, ибо она становится символом того, что остается неизвестным, — символом до некоторой степени освещающим или проверяющим общую концепцию и детали анализа данной проблемы.

Однако, символ — не реальность, и проследить политику Германии в вопросе о заключении гарантийного пакта тем более трудно, что она протекала в сложном круговороте и напряженной активности других государств, участников и неучастников Локарнской конференции. В условиях, с одной стороны, вынужденной ограниченности источниковедения проблемы, а с другой стороны, тематически ограниченной ее постановки,—остается только пунктиром наметить основные контуры фактов и ситуаций, в которых германская политика прокладывала себе путь в направлении к Локарнскому пакту, и далее — к Лиге Наций, уравновешивая ре-

зультаты этого своего поворота на Запад, важнейшими актами своей политики на Востоке — советско-германским торговым договором и договором о нейтралитете. Не следует только забывать, что контуры эти носят чисто-внешний характер, а угол зрения, при котором в фокус попадает не вся проблема во всей своей сложной целостности, а лишь один ее разрез, соответственно с постановкой общего вопроса, взят в известной мере ограничительно.

Формально инициатором гарантийного пакта является Германия,—но фактически, главным автором всей Локарнской конструкции, является английская политика. Уже в этом одном сказывается все своеобразие той ситуации, которая создана была на основе проведения плана Дауэса. Гарантийный договор не является, конечно, разрешением проблемы безопасности, но было бы также ошибкой рассматривать Локарно, как простое завершение развития этой проблемы. И выдвижение вопроса о гарантиях и ее последующая история—вплоть до Локарно, отражают в себе основное соотношение сил на арене международной политики каждого данного момента,—и потому-то на различных этапах своей истории проблема эта являлась особой величиной, неразрывной с общим контекстом сложившейся системы. И если сравнить тот об'ективный смысл, который лежал в, так называемой, проблеме безопасности в ее первичной постановке и в ее Локарнском разрешении,—то основные контуры грандиозного перелома, сдвига и перегруппировки сил получат достаточно ясный облик.

То, что на языке французской дипломатии называлось гарантией безопасности, — на языке реально-политического соотношения сил означало, как было указано, гарантии военного перевеса Франции в Европе. Самый вопрос о необходимости для Франции добиться гарантий своей безопасности, особенно резко был выдвинут в 1916 году. Тогда, в условиях напряженной борьбы, лозунг безопасности имел двоякий смысл: консолидации внутренних сил страны и дипломатического маневра для получения предварительного согласия союзников в деле осуществления одного из главных пунктов программы французского империализма— утверждения на Рейне. Компенсированное согласие России поддержать эти крайние требования французского империализма формально явилось предоставлением реальной гарантии безопасности. Парижская конференция Антанты отказалась санкционировать французские притязания, выработала известный, зафиксированный в Версальском трактате, компромисс, и компенсировала за это Францию договором англо-американской гарантии от нападения Германии. По сравнению с первоначальными проектами французского империализма, это означало некоторое отступление и при-

том под напором англо-американской политики. Впоследствии, как указывалось, подписанный Великобританией и Соединенными Штатами (28 июля 1919 г.) договор, гарантирующий Франции безопасность, ратифицирован не был, и это развязало руки французской политике и дало возможность ей снова выступить более самостоятельно, при том, хотя и в различных направлениях, но сходящихся в едином центре основной программы. Франция добилась через Лигу Наций передачи Верхней Силезии Польше, проводя этим самым линию территориального расчленения и экономического ослабления Германии за счет увеличения мощи своей восточной союзницы,—и тем самым расширяя барьер, проложенный между Германией и Советской Россией. Кроме того, Франция предприняла в Лондоне шаги, чтобы добиться нового гарантийного договора. На сей раз предлагаемый проект свидетельствовал о новой попытке французского империализма захватить инициативу в свои руки и вовлечь Великобританию в свои собственные политические комбинации, сделать ее могучим, но подсобным орудием в утверждении и расширении своего влияния в Европе. Представленный проект имел в виду установление не односторонней, как это было ранее,—а обоюдной англо-французской гарантии от нападения Германии,—гарантии распространяющейся на Польшу, союзницу Франции по договору 1921 года. Но Великобритания этот проект отвергла и противопоставила ему известный Каннский проект Ллойд-Джорджа. При наростающей тогда активности французского империализма этот английский проект, по существу, означал, не только и не столько одностороннюю гарантию, предоставляемую Франции, но и гарантию Германии от подготовляемого французского вторжения в Рур. Отказ включить Польшу в сферу действия подготовляемой гарантии—выражал собой политическую тенденцию к тому, чтобы установить в системе международно-политических отношений Западной Европы относительное равновесие сил. Подобное разрешение проблемы гарантии означало бы подрыв французской гегемонии в Европе и закрепление за английской политикой на ближайшее время роли арбитра франко-германских отношений, под известным углом зрения являющихся центральным пунктом, вокруг которого переплетаются или к которому стягиваются другие элементы европейской политики. Новая попытка связать активность французского империализма не удалась. Захват Рура и поддержка рейнского сепаратизма — являлись самостоятельным выступлением французской политики, но и эти грандиозные, хотя в результате и неудавшиеся попытки утвердить свою гегемонию в Европе — проходили под прикрытием все того же лозунга о создании условий француз-

ской безопасности. Все эти попытки разрешения проблемы безопасности, если каждую из них рассматривать в определенном контексте общей тенденции и соотношения сил,—являлись одной из форм англо-французской борьбы. В лучшем случае, Германия играла в этой борьбе роль об'екта, в худшем случае, борьба велась непосредственно за ее счет, но как бы то ни было в разрешении вопроса о безопасности, который по существу должен был бы являться вопросом о безопасности разоруженной Германии, последняя не являлась суб'ектом самостоятельной политики. Когда французские планы вторжения в Рур стали очевидны, Германия пыталась предотвратить надвинувшуюся опасность, сделав в Вашингтоне предложение, согласно которому «державы, имеющие интересы на Рейне, т.-е. Франция, Великобритания, Италия и Германия, должны торжественно согласиться между собой и обещать правительству Соединенных Штатов не прибегать к войне друг против друга в течение периода жизни одного поколения, не будучи к тому уполномоченными посредством плебисцита своего собственного народа»[1]. Эта апелляция к Америке являлась первой попыткой Германии освободиться от той роли, которая ей предоставлена была системой Версальского мира и развернувшимся на этой основе англо-французским соперничеством. Но общие предпосылки вмешательства Америки в европейские дела еще не созрели, и благодаря твердой позиции французской политики германское предложение не привело ни к каким реальным результатам. Когда вторжение французов в Рур стало совершившимся фактом, германское правительство снова попыталось поставить вопрос о безопасности, заявив, что оно «готово заключить всякое соглашение, обеспечивающее мир и основанное на взаимности; в частности, оно готово заключить соглашение, обязывающее Германию и Францию улаживать путем мирной международной процедуры все споры, которые могли бы возникнуть между ними и которые не могли бы быть урегулированы в дипломатическом порядке»[2]. Германия предлагала установить процедуру арбитража,—принцип в будущем широко развернутый в Лондоне, при разрешении репарационного вопроса, и в Локарно, при разрешении вопроса о гарантиях безопасности,—но теперь не было еще той силы, которая могла бы заставить Францию принять эти связывающие ее условия. Германское предложение повисло в воздухе, как и последующее[3], касающееся заключения так наз. Рейнского пакта.

---

[1] Materialien zur Sicherheitsfrage. I. 1925. S. 10.
[2] Нота от 2 мая 1923 г.
[3] Речь германского канцлера Штреземана в Штутгарте 2 сентября 1923 года.

Тот перелом в системе международно-политических отношений, который зафиксирован был в постановлениях Лондонской конференции, естественно, отразился и на судьбе проблемы гарантий. Уже выработанные условия осуществления плана Дауэса,—в частности, в вопросе о восстановлении экономического единства Германии, об ограничении компетенции репарационной комиссии, о запрещении самостоятельного применения санкций,—свидетельствовали о том, что проблема гарантий поставлена на сей раз под углом зрения интересов англо-американского капитала, получившего преобладающее влияние в Европе. Относительный отход Америки от политики самоизоляции, некоторый поворот в сторону активного вмешательства в европейские дела выразился в предоставлении Лиге Наций,—правда, в неофициальном порядке, а через «частных» лиц (генерал Блисс, проф. Шотуал и др. видные сотрудники Вильсона на Парижской мирной конференции) американского проекта договора всеобщей гарантии и разоружения. Самое появление американского проекта казалось весьма симптоматичным, а отразившиеся в его условиях тенденции, своеобразный характер и специфические интересы американской политики сыграли свою роль. Не возвращаясь к старой вильсонистской программе, обязывающей и связывающей Соединенные Штаты своим пунктом о военном вмешательстве, новый американский проект[1] покоился на двух основных принципах: обязательный арбитраж и экономические санкции против нападающей стороны. Все это свидетельствовало о попытке Америки усилить свое влияние в Европе, и при том не связывая себя: Соединенные Штаты могли бы мощью своего экономического влияния проявить в нужном случае достаточное давление, но, с другой стороны,—если потребовалось бы, и противодействие экономическим санкциям. С американским проектом пришлось считаться и из него исходить, тем более, что его «невоенный» характер вполне соответствовал той пацифистской форме переговоров между Мак-Дональдом и Эррио, за которой протекала англо-французская борьба. Французская политика, потерпевшая столь сильное поражение на Лондонской конференции, пыталась, при активном содействии Польши и Чехо-Словакии, снова укрепить свое влияние таким международно-политическим актом, которым Великобритания оказалась бы привязанной к необходимости поддержания системы, созданной на Парижской мирной конференции. Франция пыталась как бы взять реванш за исход Лондонской конференции, и этим реваншем являлся при-

---

[1] Текст американского проекта договора о разоружении см. «Международная Летопись». 1924. № 1.

нятый Советом Лиги Наций 2 октября 1924 года, известный Женевский протокол, являвшийся обычной французской концепцией гарантийного договора, хотя и модифицированной под влиянием американского проекта и английского противодействия. Об'ективное же значение этого протокола заключалось в вовлечении Великобритании в круг международно-политической системы, направленной непосредственно против усиливающейся Германии, в которой вскоре после Лондонской конференции началось довольно широкое движение, требующее пересмотра ее восточных границ. Избежав ранее требуемого Францией предоставления гарантии Польше и Чехо-Словакии, Великобритания Женевским протоколом оказалась все же связанной и в этом вопросе общей формой гарантии. Женевский протокол, как и все прежние проекты, был составлен без Германии, и, по существу, направлен против нее.[1].

Понятно, что Франция поспешила первой подписать этот протокол, а Чехо-Словакия первой его ратифицировать. Но и эта последняя попытка французской политики не удалась, ибо она уже не соответствовала соотношению сил в Европе. Английские доминионы отказались дать свое согласие на условия Женевского протокола, и консервативный кабинет, пришедший на смену рабочему правительству Мак-Дональда, воспользовался этим, отверг протокол и стал работать в ином направлении. Женевский протокол провалился вместе с последней попыткой французской политики удержать свои позиции. «Много шума и мало толку, (Much cry and littlle wool), — по выражению одного английского писателя,—является, быть может, лучшей для него эпитафией».[2]

Новая страница в истории вопроса о гарантийном договоре открылась самостоятельным выступлением германского правительства. Нет никаких сомнений в том, что этому формальному акту предшествовали оживленные переговоры между заинтересованными сторонами,—и в первую очередь между Англией и Германией. Проведение плана Дауэса, экспансия англо-американского капитала в Германию—искали гарантий в соответствующем оформлении политических условий Европы, и поставили германскую политику на перепутьи, перед необходимостью выбора между Восто-

---

[1] «Те методы были методами гарантийного пакта между союзниками и направлялись, в случае возникновения некоторых обстоятельств, против Германии». Из речи британского статс-секретаря по иностранным делам Остина Чемберлена в палате общин 24 июня 1925 года.

[2] George Glasgow. Macdonald as Diplomatist. The Foreign Policy of the First Labour Government in Great Britain. With a Foreword by. G. P Gooch. London. p. 267.

ком и Западом. Имеются сведения, что одним из методов нажима английской политики на Германию была угроза гальванизировать Каннский проект англо-французского одностороннего гарантийного договора[1]. Можно также предполагать активную роль в деле германского выступления не только Англии (в частности ее посла в Берлине лорда д'Абернона), но и Америки. 9 февраля 1925 года французскому правительству был вручен германский меморандум, формально положивший основу для дальнейших переговоров. Германское правительство, напоминая о проекте гарантийного и арбитражного договора Куно (в декабре 1922), предлагало государствам, имеющим интересы на Рейне, заключить договор, гарантирующий неприкосновенность территориального status quo на Рейне и демилитаризованной зоны. Вместе с тем германское правительство предлагало заключить широкий арбитражный договор, «гарантирующий мирное разрешение юридических и политических конфликтов», с Францией, а также с любой другой иностранной державой. Это означало, что совместная гарантия Германии, Франции, Англии и Италии должна распространяться только на западные границы, а границы между Германией и Польшей, и Германией и Чехо-Словакией гарантируются только специальными арбитражными договорами. Такая система договоров, гарантийного и арбитражного характера, подрывала тенденции французской политики к расширению своего влияния в Европе, и в значительной мере притупляла острие военных союзов, заключенных Францией с Польшей и Чехо-Словакией. Дабы скрыть эту неприглядную для французской политики перспективу, с германской стороны было высказано предупредительное согласие рассматривать предлагаемый гарантийный пакт, как подготовку для будущего осуществления похороненного Женевского «Протокола о Мирном Улажении Международных Споров». Это согласие германская политика положила на дно своего меморандума, заранее зная, конечно, что дно это в надлежащий момент окажется выбитым английской политикой, всегда рассматривавшей Женевский протокол, как нечто неприемлемое и мертворожденное, и теперь развившей большую активность для осуществления тех принципов, которые были ею инспирированы и, таким образом, положены в основу германских предложений. Эти принципы достаточно отчетливо были формулированы британской политикой в специальном секретном,

---

[1] Otto Kriegk. Locarno Ein Frfolg? Eine kritische Studie der Verträge von Locarno und ihrer Vorgeschichte. Mit den Wortlaut der Verträge vom Lokcarno und einem Vorwort von Staatsminister von Loebell. Berlin. 1925. S. 22.

но проникшем в печать, меморандуме, составленном вскоре после сделанных Германией предложений [1].

В своем анализе общеевропейской ситуации, предваряющем и оправдывающем предлагаемые политические выводы, меморандум намечает основные международно-политические проблемы, как они понимаются под специфическим углом зрения интересов английской политики: «...Здоровая английская политика должна следовать всецело и исключительно по линии британских интересов. Путь слишком темен для того, чтобы как-либо считаться с другими или куда-либо уклониться». И как основную задачу английской политики автор меморандума — руководитель Форейн-Оффиса Остин Чемберлен,—считал устранение опасности, которая может грозить Великобритании в случае, если какая-либо держава или коалиция держав окажется господствующей на протяжении всего Канала или над всеми портами Северного моря, и, таким образом, получит базу для нападения с воздуха. Однако, это как бы исходное соображение оборонительного военно-стратегического порядка в дальнейшем развертывалось и широкую программу выступления английской политики на континенте в целях перегруппировки сил и перестройки всей системы международно-политических отношений, созданных на основе Версальского договора и осуществления плана Дауэса. Проблема гарантий получила иной реально-политический смысл, и работа над этой проблемой означала построение такой системы отношений, в которой английская политика играла бы доминирующую роль. Политика одиночества, эпоха «блестящей изоляции» отошла для Англии вместе с ее положением мирового промышленного гегемона — в область прошлого. «Подобный курс, по выражению меморандума,—еще в пределах возможного для мощной и далеко лежащей Америки, но британская политика не может итти по этому пути. История и экономика показывают, что изоляция при современных условиях означает опасность, уязвимость и бессилие. Географические условия и воздухоплавание делают то, что изоляция для нас не является естественным положением». И как выход из этого положения руководитель английской внешней политики предлагал более тесное сближение с Францией и Бельгией и предоставление гарантии неприкосновенности их территории. Построением новой Антанты между Британской империей и Францией предполагалось заставить последнюю восстановить ее финансовую систему, вернуться к политике уплаты долгов, эвакуировать Рейнскую область и прекратить поддержку Малой Антанты. В этой идее новой

---

[1] Британский секретный меморандум. «Europäische Gespräche», 1925, № 9, и «Международная Летопись», 1925, № 8—9.

англо-французской Антанты проявились, таким образом, все те же тенденции английской политики отбросить Францию от занятых ею позиций за счет увеличения своего собственного влияния,—и при том в довольно своеобразной форме,—путем создания для себя другой опоры в лице германской политики. Такая опора мыслилась путем заключения гарантийного договора относительно франко-германской и германо-бельгийской границы, а с другой стороны путем вовлечения Германии в Лигу Наций, предоставления ей постоянного места в Совете Лиги, и эвентуальной постановки вопроса о Силезии и Польском корридоре. Подобная англо-французская Антанта, форма которой даже в основных чертах не была еще разработана, если бы была осуществлена, весьма напоминала бы союз всадника и лошади, но и в таком виде она была отвергнута британским кабинетом. Английская политика еще более определенно встала на путь, лишь намеченный в меморандуме: отказавшись от политики «настойчивости союзника» по отношению к Франции, и тем самым от односторонней гарантии французских границ, она пыталась сохранить свободу рук и утвердиться в своем руководящем значении, путем заключения пакта, взаимно гарантирующего границу между Францией и Германией и связывающего обе стороны. В эту комбинацию западно-европейских держав Германия, таким образом, должна была быть включена как самостоятельная сила, уравновешивающая французское влияние, об'ективно тем самым поддерживающая положение Великобритании в Европе и заинтересованная, в первую очередь, в ревизии своих восточных границ. Устанавливая в Европе некоторое равновесие между Францией и Германией и всего комплекса переплетающихся тут отношений, на основе своего постоянного и обязательного контроля, английская политика страховала себе тыл и создавала себе некоторую свободу действий для борьбы с Востоком, и в частности,—с Советским Союзом. В этом смысле весьма характерной чертой английского меморандума является то, что первым и как бы исходным пунктом в предпринимаемом анализе сложившейся в Европе ситуации поставлен вопрос об отношениях к Советскому Союзу. «Русскую проблему,—так начинается меморандум,—эту вечную, хотя и неясную угрозу, можно охватывать, лишь как проблему; невозможно предвидеть, какое влияние на будущее состояние Европы будет иметь состояние России. С одной стороны, верно, что ощущение неустойчивости, от которого страдает здоровье Западной Европы, не в малой степени вызывается исчезновением России в качестве одной из значительных держав Европейского концерта; с другой стороны, русский вопрос в настоящее время есть скорее вопрос азиатский, чем евро-

пейский. Завтра, может быть, Россия будет иметь решающее значение в континентальном равновесии, сегодня же она нависла, как грозовая туча, над восточным горизонтом Европы—угрожающая, не поддающаяся учету, но прежде всего обособленная. В известном смысле, Россия, таким образом, не только не является фактором устойчивости, но служит скорее самым опасным из моментов нашей необеспеченности; поэтому необходимо формулировать политику гарантии, вопреки России и даже в виду России».

В таких условиях включение Германии в английскую политику гарантии должно было вызвать сдвиг германской политики в сторону сближения с Англией против Советского Союза. Основные линии отношений в треугольнике: Англия—Германия—Советский Союз сказались уже в том, что Германия в сделанном ею предложении гарантийного пакта обошла многозначительным, в контексте сложившихся англо-советских отношений, молчанием вопрос о своем вступлении в Лигу Наций, между тем, как не только последующая программа английской политики, но и цитированный меморандум, переносивший центр тяжести, в общем, на сближение с Францией, сразу предупредительно ставили вопрос о предоставлении Германии постоянного места в организации, где влияние Англии все более становилось преобладающим—в Совете Лиги. Сделанное Германией предложение гарантийного пакта без упоминания вопроса о своем вступлении в Лигу Наций, знаменовало собой попытку сохранить свободу рук, не обострять отношений с Советским Союзом и тем самым иметь широкую возможность маневрирования между Востоком и Западом, иметь козырь в той большой политической игре, которая выпала на ее долю в условиях напряженности англо-советских отношений.

Германское предложение было весьма холодно встречено в Париже, по подобно тому, как было с появлением этого предложения, французский ответ был продиктован английской политикой, обладавшей и тут сильным средством давления: дело в том, что протекавшие между Парижем и Лондоном переговоры о консолидации долгов ставили французскую финансовую систему в зависимость от английских банков и, таким образом, соотношение сил, столь драматически сказавшееся на Лондонской конференции, когда французской политике и ее послевоенным методам пришлось отступить перед требованием англо-американского финансового капитала,—продолжало свое действие. Французский ответ очень задержался благодаря той борьбе, которая разыгралась вокруг него внутри Франции и, с другой стороны, между Францией и Англией. Проект от-

вета путешествовал из Парижа в Лондон и обратно, пока, наконец, 16 июня был в Берлине вручен французским послом германскому министру иностранных дел Штреземану. И уже первым условием для дальнейших переговоров о гарантийном пакте французский ответ требовал ясности в вопросе о готовности Германии вступить в Лигу Наций на условиях, определенных письмом Совета Лиги от 13 марта 1925 года. Ссылка на это письмо явно свидетельствовала о победе английской точки зрения.

История германских попыток войти в Лигу Наций неразрывно связана со всем ходом англо-французских отношений, в частности, является оборотной стороной попыток Англии вовлечь Германию в Лигу, превращающуюся в орудие ее преобладающего влияния. До-Локарнская история этих германских попыток внешними фактами,—поскольку они известны,—не богата. Впервые Германия выступила с просьбой о принятии ее в Лигу Наций еще при подписании Версальского договора, но тогда эта просьба была, как известно, отвергнута. Переломным моментом в этом вопросе оказалась опять-таки Лондонская конференция, после которой германское правительство на специальном заседании (23 сентября 1924 года) «решило добиваться немедленного вступления Германии в Лигу Наций». 29 сентября Германия обратилась к правительствам, представленным в Совете Лиги, с меморандумом, в котором ставились следующие вопросы, «являющиеся, как гласит документ, по своему значению решающими с точки зрения сотрудничества Германии в великом деле, лежащем на Лиге Наций»: 1) предоставление Германии постоянного места в Совете Лиги, а также равноправное участие в секретариате и в других органах Лиги, 2) оговорка ст. 16 статута Лиги Наций,—статьи, обязывающей членов Лиги выступить против государства, признанного наступающей стороной, 3) оговорка статьи 1-й статута Лиги Наций: требуемая от вступающего в Лигу декларация, гарантирующая соблюдение международных обязательств, «не должна быть истолкована в том смысле, что германское правительство признает справедливым утверждения, послужившие для мотивировки этих обязательств и подразумевающие моральную виновность германского народа», 4) активное участие Германии в системе колониальных мандатов.[1]

В своем ответе правительства, представленные в Совете Лиги Нации, заявили, что они будут считаться с желанием Германии участвовать в Совете Лиги, однако,—и это весьма характерно,—отклонили германскую постановку вопроса

---

[1] Journal officiciel de la Societé des Nations. 1925. p. 323 и сл., 490 и сл.

относительно ст. 16 статута, ссылаясь на то, что в этом вопросе компетентна лишь Лига Наций, как таковая. Следующим сдвигом в вопросе о вступлении Германии в Лигу Наций явилась нота германского правительства генеральному секретарю Лиги Наций от 12 декабря 1924 года, т.-е. незадолго до формального предложения начать переговоры о заключении гарантийного пакта. Германская нота сводилась к аргументации перед учреждением, формально оказавшимся единственно компетентным, невозможности для разоруженной Германии безоговорочно принять ст. 16 статута Лиги Наций: «Германия находится в состоянии полного военного бессилия посреди сильно вооруженной Европы. Если меры, предусмотренные в статье 16-й, поведут к военным событиям, то Германия не будет в состоянии оказать действительного сопротивления военному вторжению на ее территорию. Она оказалась бы в полной зависимости от военной защиты членов Лиги, но без того, чтобы эти последние были принуждаемы к ее защите. В большинстве мыслимых случаев она была бы прямо предназначена стать театром европейских войн Лиги Наций. Если даже нарушителем мира и не явится государство, непосредственно граничащее с Германией, — то и в этом случае она должна опасаться, что война, в силу неблагоприятного течения военных операций, перенесется на ее незащищенную территорию». И как выход из этих затруднений, Германия требовала, чтобы ей была предоставлена «возможность в случае международных конфликтов, самой определить размеры своего активного участия... В противном случае вступление Германии в Лигу Наций вынудило бы ее отказаться от последнего средства защиты разоруженного народа: от нейтралитета». Статьей 16-й статута Лига Наций Германия могла быть привлечена к активному выступлению против Советского Союза, в случае, если последний будет об'явлен Лигой нарушителем мира. Германия обязывалась тем самым пропустить через свою территорию иностранные войска, т.-е. превращалась в плацдарм для возможного наступления на Советский Союз, и тем самым добровольно и без каких бы то ни было компенсаций включалась в систему английской политики, делала политический поворот на Запад и ставила под удар благоприятно развивающиеся отношения с Востоком.

Германии долго пришлось ждать ответа на свою ноту Лиге Наций—целых три месяца. За это время основные контуры гарантийного пакта стали обрастать живой политической тканью, и 13 марта 1925 года Совет Лиги Наций послал германскому правительству ответную ноту, в которой, между прочим, было указано, «что род и значение действительного участия государств-членов в военных операциях,

предпринимаемых Лигой Наций во исполнение договора, по необходимости оказываются различными в зависимости от их военного положения». Вместе с тем Германии было сделано напоминание, что в выработке условий применения указанных в статуте санкций против государства, признанного нападающей стороной,—принимают участие все члены Лиги Наций и ее Совета,—и, следовательно, Германия получит возможность отстаивать свои интересы. На этом основании требуемая ею для себя специальная оговорка отклонялась: «Постановления Статута не позволяют, в случае действия, предпринятого в силу ст. 16, предоставить каждому государству, члену Лиги, свободно отдельно решать, должно ли оно в нем участвовать... Совету кажется невозможным, чтобы член Лиги и Совета, в случае начатых операций против государства нарушителя статута, сохранял положение, дающее возможность его гражданам избавиться от общих обязательств, налагаемых статутом».

Именно эти условия и имел в виду французский ответ на германское предложение заключить серию договоров гарантийного и арбитражного характера, когда настаивал на предварительном принципиальном разрешении вопроса о вступлении Германии в Лигу Наций. За этой тождественностью пред'являемых Германии требований со стороны французской политики и Лиги Наций, т.-е. в данном случае—политики британского империализма стояли, однако, различные определяющие мотивы: Англия имела в виду отрыв Германии от Советского Союза, вовлечение Германии в сферу своей антисоветской политики и создание обстановки полной изоляции для Советского Союза, создание в Центральной Европе надежной базы и обеспечение тыла для наступления на Восток, между тем, как французская политика усматривала в ст. 16 статута Лиги Наций возможность установления своего контроля над деятельностью Германии, которая в условиях политических и военных осложнений в Восточной Европе могла бы стать опасной в том смысле, что в благоприятный для себя момент получила бы возможность приступить к ревизии своих восточных границ, т.-е. изменить в свою пользу и в ущерб Чехо-Словакии и Польше территориальные отношения данного участка послеверсальской Европы.

На поддержании и неприкосновенности условий Версальского договора Франция особенно настаивала, и это было особо оговорено в ее ноте (п. 2) и затем красной нитью проходило через все этапы переговоров о заключении договоров гарантийного и арбитражного типа. Своеобразной чертой этих франко-германских переговоров являлось то, что выступления обеих сторон в той или иной мере являлись результатом переговоров и борьбы с третьим лицом—

с английской политикой. Франция формально выступала от имени своих союзников. Это делало ее требования более полновесными, но с другой стороны, это притупляло французскую концепцию гарантийного пакта: в переговорах между Парижем и Лондоном, предшествовавших формальному ответу на германскую ноту, по целому ряду кардинальных вопросов, связанных с построением и практикой договоров о гарантии и арбитраже — восторжествовала английская точка зрения. Английская политика настояла на том, чтобы из проекта французского ответа были исключены или до последней степени смягчены все те моменты, которые давали бы возможность предполагать расширение гарантии на восточных союзников Франции и на их арбитражные договоры, заключенные с Германией. «Наши новые обязанности,—заявил Чемберлен в палате общин 24 июня 1925 г.,—будут строго ограничены границей между Германией, с одной стороны, и Францией и Бельгией, с другой. На нашу гарантию этой границы не сможет ссылаться нарушитель для прикрытия своего правонарушения, и наша гарантия будет только тогда проявлять действие,—но в этом случае проявлять его незамедлительно,—если нарушитель, вопреки арбитражным договорам и обязанностям по статуту, прибегнет к силе». Это выступление ответственного руководителя английской внешней политики еще в одном отношении весьма знаменательно: оно рассеяло всякие сомнения относительно реального смысла тех гарантий, предоставлением которых Франция предполагала обеспечить арбитражные договоры между ее восточными союзниками и Германией. Вступление в силу этой французской гарантии единственно-возможным путем, продвижением французских войск через рейнскую демилитаризованную зону,—ограничивалось необходимостью выполнения обычной процедуры, предусмотренной пресловутой ст. 16 Статута Лиги Наций. Таким образом, рейнским гарантийным пактом и действием этой статьи устанавливался сдерживающий контроль Англии над послевоенными тенденциями французской политики к самостоятельным активным выступлениям против Германии, а также контроль над отношениями между Францией и ее восточными союзниками. С другой стороны, этой статьей Германия принуждалась итти в фарватер антисоветской политики британского консервативного кабинета. Не случайно, в этом смысле, Чемберлен в своем выступлении настаивал на одновременном, с подписанием гарантийного договора, вступлении Германии в Лигу Наций, дабы она «приняла вместе с правами также и обязанности всякого другого члена Лиги», сделав при этом предварительно многозначительный намек на открывающуюся перед Германией возможность, находясь внутри

Лиги Наций, добиваться легального пересмотра условий Версальского трактата [1].

Последнее замечание, выраженное в весьма туманной и необязывающей формулировке, не было пущено в воздух,— и это видно из того, что оно было подхвачено в германском ответе на французскую ноту. Под влиянием усилившегося в Германии движения против заключения гарантийного договора, как акта связывающего, утверждающего условия Версальского трактата и обостряющего отношения с Советским Союзом, германское правительство отвело настойчивость французских указаний на неприкосновенность Версальского договора и решилось осторожно, но довольно определенно развить тот тезис, который был, в виде намека, брошен с парламентской трибуны в Лондоне. Из всей этой контроверзы с германской стороны делался вывод о том, что заключение гарантийного пакта непосредственно и благоприятным образом отразится «на положении вещей в оккупированных территориях и вообще на вопросах, относящихся к оккупации». Далее, выясняя свою позицию по вопросу о характере арбитражных договоров и о правах гаранта, германское правительство вновь возвращалось к вопросу о вступлении в Лигу Наций, и в связи с этим к вопросу о статье 16 Статута Лиги. В основном германская политика сразу пошла на уступки, отказавшись от своей первичной позиции и согласившись на англо-французское требование рассматривать проблему безопасности в неразрывной связи с вопросом о своем вступлении в Лигу Наций. Второй вопрос—о действии статьи 16 Статута—тактически связывался с проблемой всеобщего разоружения, до урегулирования которой Германия требовала для себя особого временного решения, учитывающего ее положение, как с военной и экономической точки зрения, так и с точки зрения географической.

Германской политике пришлось претерпеть сильное давление,—и при том по двум линиям. С французской стороны последовал ответ, в котором явно сказалось форсирующее и регулирующее влияние английской дипломатии. Обходя центральный для Германии вопрос, с точки зрения места, занимаемого ею в системе международно-политических отношений между Востоком и Западом,—вопрос о статье 16 Статута, ссылкой на единственно-имеющуюся правомерную тут компетентность Лиги Наций, Франция от имени всех союзников усиленно настаивала на немедленном вступле-

---

[1] Согласно статьи 19 Статута Лиги Наций «Собрание может от времени до времени приглашать членов Лиги приступить к новому рассмотрению договоров, сделавшихся неприменимыми, а также международных положений, сохранение которых могло бы подвергнуть опасности всеобщий мир».

нии Германии в Женевскую организацию. «Союзники остаются в убеждении, — гласила нота, — что положение члена Лиги Наций предоставило бы Германии по вступлении ее в Лигу, самое верное средство отстаивать свои desiderata. Вступление Германии в Лигу Наций есть единственное прочное основание взаимной гарантии и европейского соглашения». Настаивая на том, чтобы договор об арбитраже вступил в силу не только в вопросах юридического, но и политического порядка, нота в своем определении понятия нападающей стороны свидетельствовала о поражении, нанесенном Англией французской дипломатии: «Нападающий обнаружит сам себя уже одним тем фактом, что вместо обращения к мирному решению он прибегнет к оружию или нарушит либо границу, либо, в отношении Рейна, демилитаризированную зону».

Зафиксированное, таким образом, притупление реальной гарантии, предоставляемой Францией ее восточным союзникам, должно было сделать германскую политику еще более податливой, но более решительной она стала не столько под влиянием английской дипломатии, сколько перед фактом прямой интервенции англо-американского финансового капитала, снова выступившего открыто и самостоятельно, в условиях тяжелого состояния германской промышленности, которое выразилось вскоре, например, в крахе таких гигантских предприятий, каким являлся концерн Стиннеса. Германское народное хозяйство крайне нуждалось в кредитах и оборотных средствах. Даже еще после лондонской конференции Германии удавалось добиваться в Англии и в Америке лишь краткосрочных займов, да и то на весьма невыгодных для себя условиях: через посредников и по высоким процентам. Лишь с самого начала 1925 года импорт капиталов в Германию несколько увеличился, в виде, главным образом, муниципальных займов. С этого же времени началось предоставление долгосрочных займов, однако, в весьма осторожной форме и в явно недостаточном количестве. В таких условиях понятна вся эффективность заявлений, сделанных явившимся в Берлин директором американского Federal Reserve Bank Стронгом и директором Bank of England Монтегю Норманом директору германского Имперского Банка Шахту о том, что в случае неподписания гарантийного пакта Германии будет отказано в кредитах. Создав планом Дауэса экономические предпосылки своей экспансии в Европу, англо-американский капитал настойчиво добивался теперь политических гарантий. Недвусмысленно выраженная и весьма реальная угроза возымела свое действие: германское правительство сначала согласилось послать своих представителей на состоявшуюся в Лондоне конференцию юристов-

экспертов, а затем и принять участие в созываемой в Локарно конференции ответственных руководителей иностранной политики заинтересованных стран. В число этих последних входила и Италия, которая, соглашаясь быть участником рейнского гарантийного пакта, вместе с тем пыталась втянуть Германию в сделку в форме интернациональной гарантии своей Бреннерской границы, являющейся важнейшим стратегическим пунктом. Англия не была склонна распространять гарантию на другие границы, кроме Рейнских, Франция требовала в виде компенсации предоставления гарантии восточных германских границ, и эти разногласия дали германской политике возможность навязываемой сделки избежать, и при том ссылкой формального характера: с Бреннером граничит не Германия, а Австрия. Вместе с извещением о своем согласии участвовать в Лондонской конференции германское правительство по мотивам внутренне-политического характера (давление националистических кругов) снова декларировало свой отказ признать тезис о моральной виновности германского народа в возникновении мировой войны—этот идеологический стержень всей Версальской конструкции,—и требовало эвакуации северной Рейнской зоны и окончательного разрешения вопроса относительно разоружения Германии. В своих ответах державы Антанты отказывались признать правомерность выдвинутых германским правительством вопросов, как уже получивших разрешение в Версальском трактате. Если содержание этих ответов было одинаково, то по тону, быть может, наиболее резким был ответ Англии, которая ссылкой на Версальский трактат компенсировала французскую политику за ее поражение, а вместе с тем удерживала за собой дальнейший контроль франко-германских отношений. Как бы то ни было, вся эта дипломатическая переписка между Антантой и Германией имела хотя и симптоматический, но в значительной мере формальный характер,—и не могла изменить основное направление работ Локарнской конференции.

Все своеобразие места, занимаемого Германией в системе международно-политических отношений, выявилось в постановке и соотношении тех основных проблем, вокруг которых протекала борьба и которые совершенно ясно были очерчены в заключительном акте Локарнской конференции. Этими проблемами являлись отношения между договорами, а с другой стороны,—действие статьи 16-й статута Лиги Наций. Если юридически возможно было установить отделение одной из этих проблем от другой,—то реально-политически эти проблемы имели между собой неразрывную связь, и это отразилось на позиции германской политики, которая перед лицом держав Антанты должна

была учитывать дальнейшее направление своих отношений с Советским Союзом. Французская политика в своем стремлении всячески противодействовать тому удару, который наносился ее союзным связям с Польшей и Чехо-Словакией, настаивала на приглашении представителей последних,—с тем, чтобы в начинающихся переговорах закрепить связь между рейнским гарантийным пактом и восточными арбитражными договорами. Но эти французские требования встретили резкий отпор со стороны германских представителей, которые пытались подорвать эту связь,—и французским попыткам окружить себя на конференции союзниками противопоставили требование пригласить в Локарно представителей Советского Союза. Перед лицом этой угрозы Англия сочла необходимым вмешаться более активно, дабы компромиссным решением смягчить франко-германские противоречия: Франция сделала формальную уступку, вопрос об арбитражных договорах Германии с Польшей и Чехо-Словакией был окончательно разрешен вслед за вопросом о рейнском гарантийном пакте, восточные союзники Франции присутствовали на конференции сначала лишь в качестве наблюдателей, а Советский Союз приглашен в Локарно не был. Далее в течение переговоров выяснилось, что Англия категорически поддерживает германский тезис, отрицающий непосредственную связь между рейнским гарантийным пактом и восточными арбитражными договорами, и право Франции вступать без правомерной санкции Лиги Наций в демилитаризованную рейнскую зону в целях предоставления реальной гарантии восточным арбитражным договорам.

Если это благоприятное для Германии разрешение вопроса было достигнуто благодаря изоляции французских попыток, то при разрешении другого вопроса, определяющего общую ориентацию германской политики в смысле выбора между Востоком и Западом, Германия, не добившись приглашения на конференцию Советского Союза, оказалась изолированной перед сомкнутым рядом англо-французской политики. Вся фаланга выдвинутых в свое время аргументов в пользу необходимости сделать специально для Германии (а также для Австрии, Болгарии и Венгрии) оговорку относительно ст. 16 статута Лиги Наций,—была со всей настойчивостью развернута и тут, однако, безрезультатно: перед англо-французским напором Германии пришлось уступить, удовлетворившись словесным обещанием со стороны Антанты эвакуировать Кельнскую зону, уменьшить срок общей оккупации германской территории и др., в том числе, если верить промелькнувшим в печати сведениям, поставить вопрос о предоставлении Германии колониального мандата. Трудно сказать, каково было со-

держание закулисных переговоров, в частности англо-германских, происходивших во время идиллических прогулок по озеру Маджиоре,—но во всяком случае имелось в виду, что полученные Германией обещания относительно укреплений ее позиций на Западе отразятся на развитии ее отношений с Востоком.

16 октября 1925 года акты Локарнской конференции были парафированы [1], и это знаменовало высшее достижение послевоенной политики Великобритании в Европе. Гарантийный пакт, заключенный между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией, констатируя отмену договоров о нейтрализации Бельгии и предоставляя подписавшим его державам дополнительные гарантии в рамках статута Лиги Наций,—устанавливал индивидуальную и коллективную гарантию территориального status quo франко-германской и германско-бельгийской границы, а также демилитаризованной рейнской зоны. Германия и Франция, Германия и Бельгия взаимно обязывались не предпринимать нападения друг против друга, не вступать в состояние войны. Исключения предусматривались только на случай невызванного нападения, «когда, вследствие сосредоточения вооруженных сил в демилитаризованной зоне, необходимы немедленные действия»,—или в силу статьи 16-й статута Лиги Наций, когда требуется выступление против нападающей стороны, или, наконец, в силу решения Совета или собрания Лиги Наций. Далее, согласно договору, все спорные вопросы, возникшие между Германией и Францией, и между Германией и Бельгией, поскольку их не удалось разрешить обычным дипломатическим путем, в обязательном порядке должны передаваться арбитражу, форма которого установлена одновременно принятыми специальными конвенциями. Устанавливаемые в договоре условия коллективной гарантии и вся связанная с этим процедура весьма рельефно выявляют общую расстановку сил и тот основной политический принцип, в направлении к которому выстраивались переплетенные и противоречивые интересы участников пакта. Каждая из договаривающихся сторон обязывалась немедленно сообщить Совету Лиги Наций о факте совершающегося или совершившегося нападения, нарушения границы или демилитаризованной зоны. Совет Лиги, установив этот факт, немедленно же должен сообщить о своем решении всем заинтересованным сторонам, которые и предоставляют свою помощь пострадавшей стране. Но в случае явного нарушения обязательства о ненападении в установленном смысле, «или, как гласит далее гарантий-

---

[1] Локарно. Международная конференция. Перевод с официального текста под ред. Т. К. Лашкевича и Б. Штейна. Москва. 1925.

ный пакт, явного нарушения статей 42 и 43 Версальского договора со стороны одной из высоких договаривающихся сторон, каждая из других договаривающихся держав отныне обязуется немедленно предоставить свою помощь той стороне, против которой направлено такое несоблюдение или нарушение, как только названная держава сможет учесть, что это нарушение составляет невызванный акт нападения и что, вследствие либо перехода границы, либо открытия военных действий или сосредоточения вооруженных сил в демилитаризованной зоне, необходимы немедленные действия». За советом Лиги Наций, в таких условиях, остается лишь последующее, правда, обязательное решение, в выработке которого стороны, прибегающие к враждебным действиям, принимать участия не могут. Этим центральным пунктом гарантийного пакта Англия, пользуясь в этом поддержкой Италии,—все более и более входящей в орбиту ее политического влияния,—страховала себе и непосредственно и через Лигу Наций необычайно выгодную позицию не только гаранта, но и фактически самостоятельного арбитра франко-германских и бельго-германских отношений,—тем более, что, согласно договору, отказ от арбитража или выполнения его решений одной из сторон с последующим нарушением обязательств о безопасности, также вызывает применение санкций. На случай, если такой отказ не повлечет за собой нападения или нарушения демилитаризованной зоны,—договор предусматривал обращение другой заинтересованной стороны в Совет Лиги Наций, с соответствующими решениями которого все подписавшие пакт должны сообразоваться. Гарантийный договор особо отмечал, что заключающиеся в нем постановления не наносят ущерба правам и обязанностям, вытекающим из Версальского договора и из последующих соглашений, в том числе и из постановления Лондонской конференции, — а также не ограничивает статут Лиги Наций.

Далее, особо было оговорено, что обязанности по гарантийному договору не распространяются на английские доминионы и Индию,—без специального согласия на это их правительств. Наконец, последним пунктом была установлена неразрывная связь между теми политическими элементами, которые в своей совокупности и означали поворот Германии на Запад: начало действия гарантийного пакта обозначалось моментом вступления Германии в Лигу Наций. Специальные, одновременно заключенные конвенции устанавливали порядок третейского разбирательства спорных вопросов между Германией и Бельгией,—Германией и Францией. Конвенции эти поставлены в неразрывную связь с гарантийным пактом. Аналогичные конвенции были заключены между Германией и Польшей, и Германией и Чехо-Слова-

кией; на них действие гарантийного пакта не распространилось, но устанавливалось (ст. 21), что «настоящий договор, согласный со статутом Лиги Наций, не будет наносить никакого ущерба правам и обязанностям высоких договаривающихся сторон, как членов Лиги Наций, и не будет толковаться, как суживающий миссию этой последней по принятию мер, пригодных для того, чтобы действительным образом охранять всеобщий мир». Таким образом, англо-германская точка зрения, установленная в предварительных переговорах и на Лондонской конференции юристов-экспертов, восторжествовала: восточные границы Германии не получали гарантии ни в общей, ни в специальной форме, и гарантийный пакт ставил преграду активному вмешательству Франции, и ее помощи Польше и Чехо-Словакии. В последнем вопросе роль Англии и непосредственно, и через Лигу Наций становилась решающей и как бы контролирующей отношения между Францией и ее восточными союзниками,—без того, чтобы компенсировать это со своей стороны какими-либо обязанностями.

Для того, чтобы в некоторой мере восстановить ослабленные в Локарно свои союзные отношения с Польшей и Чехо-Словакией,—Франция, не добившись права гаранта германских восточных границ, заключила специальные соглашения со своими восточными союзницами, в которых пыталась установить возможность, пользуясь статутом Лиги Наций, предоставления обоюдной военной помощи. Но формально эти соглашения не вошли в систему локарнских актов (в заключительном акте они отмечены, как одностороннее сообщение, сделанное министром иностранных дел Франции), — а их реально-политические действия остались под контролем Великобритании, проводимым или непосредственно или через Лигу Наций. Реальная гарантия восточных германских границ устранялась,—и открывающаяся тут перспектива ревизии являлась тем, что вместе с полученными обещаниями по ряду других вопросов (эвакуация Кельнской зоны, изменение режима в оккупированных областях и т. д.)—представлялось для германской политики наиболее привлекательным. Германская локарнистская печать в свое время особо подчеркивала, что о добровольном признании германских восточных границ речи быть не может, и даже старалась поставить вопрос в такую плоскость, что рейнский гарантийный пакт вовсе не предусматривает возможности изменений в порядке добровольного соглашения западных границ, и, например, возвращения Германии областей Эйпен-Мальмеди [1]. Локарнские

---

[1] Ср. Der Sinn on Locarno Urkunden und Erläuterungen. Berlin. 1925. S. S. 26,49.

акты заключались не против Германии, а вместе с Германией,—и это одно знаменовало собой, происходившее на базисе капиталистической стабилизации, усиление ее (Германии) международно-политической роли. Это усиление допущено было Великобританией для того, чтобы установить в Европе противовес самостоятельным французским попыткам достигнуть гегемонии, и чтобы одновременно не только изолировать Советский Союз, но и приобрести в Центральной Европе базу для политического наступления на него. Это последнее отразилось и в специальном документе, парафированном в Локарно,—в письме, адресованном германской делегации о толковании статьи 16-й статута Лиги Наций. «Согласно этому толкованию,—гласит письмо,—обязанности вытекающие из названной статьи для членов Лиги, должны пониматься в том смысле, что каждое из государств членов Лиги обязано лойяльно и действительно сотрудничать, чтобы уважать статут и чтобы противодействовать всякому акту нападения в той мере, какая совместима с его военным состоянием и учитывает его географическое положение». Формула эта слишком обща и неопределенна, чтобы Германия ею была действительно ограждена от возможности и обязанности выступлений против Советского Союза. Некоторая часть немецкой прессы утверждала, что она достаточна, однако, ближайшее будущее показало обратное, и самой германской политике пришлось предпринять активные шаги по иным путям, чтобы несколько притупить то анти-советское острие, которое выступало из факта Локарнских соглашений, и которое ставило под вопрос дальнейшее развитие экономических и политических отношений с Советским Союзом. Путь этот был извилист, и его направление в значительной мере определялось той перегруппировкой сил на арене европейской политики, которая произошла в результате Локарно. В частности, Германии пришлось считаться и с активностью советской дипломатии.

Весьма характерно, что незадолго до Локарнской конференции, но тогда, когда основные контуры Локарнской конструкции были уже ясны, в Париже появились слухи о заключении во время заграничной поездки Г. В. Чичерина советско-германского военного соглашения, а одновременно в Берлине—слухи о военном соглашении между Советским Союзом и Польшей, направленном против Германии и гарантирующем западную польскую границу.[1] В общем контексте сложившихся тогда отношений эти слухи являлись тем кривым зеркалом, в котором нашли свое отражение опасения германской политики и которое направлялось

---

[1] «Japan Times», 5 октября 1925 г.

французской политикой в сторону Лондона: роли переменились, и теперь Париж стал аргументировать возможностью советско-германского союза. Действительно, Локарно усилило тенденции французской и польской политики в сторону сближения с Советским Союзом. Но с другой стороны, для Германии большую роль сыграл тот сложный клубок противоречий, в котором ей приходилось действовать при своем повороте, как самостоятельной политической силы, на Запад. В этом повороте английская политика накануне Локарно была вполне уверена: — «много разговоров — мало результатов»—под таким заголовком официоз Форейн-Оффиса сообщал о пребывании Чичерина в Берлине.[1] Германская политика и германская печать всячески пытались доказать, что путь в Локарно ни в каком смысле не является отходом от Раппало. И вступив на этот путь, Германия предварительно урегулировала характер своих экономических взаимоотношений с Советским Союзом. 12 октября, накануне парафирования Локарнских актов, в Москве был подписан советско-германский торговый договор. В переговорах об этом договоре, протекавших очень долго,—фактически, около двух лет,—неоднократно вставали сильные затруднения. Раппальским договором советско-германские отношения были урегулированы, взаимные претензии разрешены, и одним из главным затруднений, задерживавшим ход советско-германских переговоров о торговом договоре,—являлась попытка Германии, так или иначе, подорвать советскую систему монополии внешней торговли, — и тем самым установить прецедент. Попытка эта не удалась, и в конце концов Германия, переживающая относительный хозяйственный под'ем, упирающаяся в проблему рынков и столь нуждающаяся в развитии своих экономических связей с Советским Союзом, вынуждена была считаться с фактами и исходить из них. Заключенный договор представляет собою ряд обширных соглашений по вопросам поселения на территории другой страны и общеправовой защиты, экономических взаимоотношений, железнодорожной связи, мореплавания, налогов, о третейских судах и об охране промышленной собственности. Сюда же входило и консульское соглашение. Таким образом, договор охватывал различные стороны экономических и правовых взаимоотношений, исходя из фактов различия хозяйственных структур обеих сторон. В договоре отсутствует устойчивый таможенный тариф,—но его основанием является принцип наибольшего благоприятствования (на характер взаимоотношений Советского Союза со странами Востока этот принцип для Германии не распространяется). Следует также отметить, что Гер-

---

[1] «Daily Telegraph», 5 октября 1925 г.

мания согласилась признать полную экстерриториальность советского торгового представительства. Одновременно с торговым договором Советским Союзом и крупнейшими германскими банками было подписано соглашение относительно краткосрочного кредита в 75 миллионов марок для закупки в Германии товаров. Проблема финансирования германского экспорта в Советский Союз стала весьма актуальной, и благоприятное ее разрешение могло бы стимулировать развитие экономических связей,—получивших в подписанном договоре широкий правовой базис. В соответствующих переговорах с американскими банками выяснилась возможность такого финансирования, но все это задерживалось непримиримой позицией правительства С. Штатов по отношению к Советскому Союзу. С другой стороны, английские банки продолжали свою политику отказа в принятии акцептов советских торговых представительств,— и делали все возможное, чтобы не допустить финансирования германского экспорта в Советский Союз. В этом отношении было, вероятно, использовано и состоявшееся в Нью-Йорке в октябре 1926 года совещание директоров английского, американского федерального и германского имперского банков.

Германская печать в свое время отметила, что советско-германский торговый договор в условиях своего возникновения получил не только экономическое, но и политическое значение. Действительно, германская политика явилась в Локарно не с пустыми руками, и министру иностранных дел Штреземану пришлось тотчас же по приезде на конференцию западных держав доказывать, что договор с Советским Союзом, этот «договор возможностей», по выражению одной газеты,[1] — не является «ручной гранатой против Локарнской конференции»[2]. Однако, в дальнейшем германской политике к такой гранате пришлось прибегнуть, и это было последствием не только активности советской политики, фактами сумевшей заставить Германию оценить связь с Востоком, поставленную в Локарно под удар, но и последствием тех противоречий, в которых происходило включение Германии в концерт западно-европейских держав, — и той борьбы, которая, развернувшись на основе Локарно, протекала в значительной мере за счет Германии.

27 ноября 1925 г. германский рейхстаг большинством голосов принял акт соглашения, парафированного в Локарно. 1 декабря Локарнские соглашения были окончательно подписаны в Лондоне. «Дух Локарно» получил, таким образом, возможность для своего оформления и материали-

---

[1] «Industrie—und Handelszeitung». 25 октября 1925 г.
[2] «Vossische Zeitung». 6 октября 1925 г.

зации в конкретных актах международной политики. В соответствии с переговорами в Локарно эта материализация должна была тотчас же начаться в одном из наиболее острых для Германии вопросов,—в вопросе об оккупации германской территории, в частности, об эвакуации Кельнской зоны. Для германского правительства значение этого вопроса обуславливалось внутренне-политическими соображениями,—необходимостью направления общественного мнения в соответствующее русло внешней политики. Англией же это рассматривалось как скидка, которую заранее предполагалось сделать, в целях включения Германии в систему западно-европейских держав. Трудно сказать, какие аргументы развивала Франция, чтобы удержать Англию от уступок в этом вопросе. Эвакуация северной рейнской области, первой, так называемой, Кельнской зоны,—провозглашалась германской локарнистской печатью, как первая благоприятная для Германии реализация политики Локарно. Формально эта реализация должна была произойти в решениях Совета послов, на основании рассмотрения вопроса об исполнении Германией пред'являемых ей требований о разоружении. В плоскость вопроса об эвакуации Кельнской зоны был брошен акцент послелокарнских отношений, но т. к. плоскость, лежащая между Берлином, Парижем и Лондоном, слишком велика, то и акцент прозвучал весьма разноголосно. Франция настаивала на необходимость рассмотрения вопроса с точки зрения выполнения Германией требований о разоружении, между тем, как в германской печати стала разрабатываться целая программа встречных требований, в которой вопрос об эвакуации Кельнской зоны стоял лишь первым пунктом, за которым следовало: изменение режима в Саарской области — установление автономии, уменьшение оккупационной армии до численности довоенных немецких гарнизонов, изменение режима на Рейне, и, в частности, уменьшение прав Верховной Межсоюзной Комиссии, уничтожение военных судов, отказ Франции от пропаганды на Рейне и т. д. Версальская комиссия маршала Фоша сумела настоять перед конференцией послов, и Германии был пред'явлен ряд пунктов[1] с требованием их выполнения. Но вместе с тем, из Лондона неофициально дали понять, что добровольным принятием этих пунктов Германия купит очищение Кельнской зоны к 1 декабря. Ответ германманского правительства был предопределен. Единственное,

---

[1] Пункты, подлежащие урегулированию с точки зрения Версальской комиссии, сводились к следующему: 1) ограничение действительных полномочий данных генералу фон-Секту, 2) прекращение военного обучения, проводимого спортивными организациями бывших офицеров, 3) демилитаризация полиции, численный состав которой не должен превышать 150.000 человек, и некоторые другие, касающиеся более мелких вопросов.

что оказалось в нем неожиданным,—было многословие. Германия шла навстречу основным требованиям Совета послов. Впрочем, Версальская военно-контрольная комиссия осталась все же недовольной германским ответом. Однако, Совет послов, опасаясь отставки германского кабинета, под влиянием Англии поспешил принять германский ответ. Это было ударом по Версальской военно-контрольной комиссии,—опорному пункту Франции и орудию ее давления на Германию. 1-го декабря эвакуация Кельнской зоны началась, и подступы к Руру были, таким образом, покинуты. История этой эвакуации показывает, что разрешение подобных проблем стало определяться не французским толкованием буквы Версальского трактата, а силами совсем иного порядка. Англо-американский капитал планом Дауэса и позицией в вопросе о французских долгах дал общее направление. В области же непосредственной политической и дипломатической практики Англия повела руководящую роль. Голубое небо Локарно отразилось в малой капле кельнской проблемы, а также в вопросе о режиме двух зон, оставшихся оккупированными. Выставленное германской политикой требование снизить цифру оккупационной армии не нашло своего разрешения в Локарно, благодаря противодействию Франции. Впоследствии, под давлением Англии, Франция вынуждена была итти на компромисс, обещав неудовлетворенной Германии снова поставить этот вопрос после вступления последней в Лигу Наций.

Но по мере того, как приближался момент вступления Германии в женевскую организацию, начали действовать те скрытые силы старой версальской традиции, которые пытались подорвать английскую политику Локарно. Начало 1926 года ознаменовалось резким итало-германским конфликтом в связи с предпринятой фашистами итальянизацией населенного немцами Южного Тироля. В Германии появились призывы бойкотировать Италию, нарушившую свое обещание уважать культуру национальных меньшинств, а из Рима в ответ на это последовали угрозы, не требующие особых комментариев: «Италия не только никогда не уберет своего знамени с Бреннера, но, если это потребуется, она скорее понесет свое знамя за Бреннер». Французская пресса следившая за этим конфликтом с большим вниманием, нашла этот момент удобным, чтобы напомнить об общности франко-итальянских интересов.—Были основания предполагать, что Италия в этом конфликте деятельно поддерживается французской дипломатией, пытавшейся затруднить Германии вступление в Лигу Наций, дабы, отодвинув тем самым вступление в силу Локарнских актов, предпринять шаги к восстановлению более благоприятных для себя отношений.

Но итало-германский конфликт примечателен еще и в том отношении, что он свидетельствовал о новых политических тенденциях усиливающейся Германии.

Полная реализация плодов Локарно представлялась, как известно, последствием вступления Германии в Лигу Наций в качестве не только полноправной, но и великой державы. Но еще не войдя туда, Германия стала подготовлять и репетировать свою новую, ожидающую ее роль. В частности, эта репетиция происходила в отношении к немцам, живущим вне Германии. На языке официальных заявлений, речь идет о единстве немецкой национальной культуры. Так, например, приглашенный в Берлин бывший австрийский канцлер—доктор Зейпель говорил об этом культурно-национальном единстве, об ущербности немецкого понимания государственного единства, и его дебюты вызвали во Франции и Италии не столько интерес, сколько опасение. За всей этой идеологической конструкцией скрывалось нечто довольно реальное и определенное: так часто и порой откровенно разрабатывающиеся планы о присоединении Австрии к Германии. Временно утихшая традиция оживилась снова, особенно после Локарно, а за лозунгом единства скрывалось ничто иное, как организация проводников экономического и политического влияния Германии. Разорванные войной и Версальским трактатом связи начали довольно быстро налаживаться вновь. В Германии снова поднялся, например, большой интерес к Южной Америке. Усилилась пропаганда стран Южной и Центральной Америки, как благодарной почвы для германской промышленности. Этому сопутствуют, конечно, планы культурной пропаганды и помощи немцам, живущим в Южной Америке, в Южной Африке, Китае и т. п.

Но даже такой специфически-европейский вопрос, каким является итало-германский конфликт, вызванный мероприятиями фашистского правительства по итальянизации Южного Тироля,—не избежал той своеобразной окраски, которая привносится новым фазисом истории колониальной политики. В связи с южно-тирольским конфликтом официоз Форейн-Оффиса высказал предположение, что за всей этой, протекающей между Берлином и Римом, перепалкой лежит нечто более глубокое, а именно—выставленное Италией требование на получение колониальных мандатов в первую очередь, т.-е. вопреки Германии. Характерно, что печать германских националистов увидела в этом не отвлеченное предположение английского официоза, но нечто более реальное, симптоматично угрожающее в виду протекавших как раз тогда англо-итальянских переговоров,—и потому вовсе не стала скрывать своего недовольства и беспокойства. Колониальный вопрос снова стал в порядок дня гер-

манских интересов. Германия начала переживать рецидив колониального движения, который отливается в своеобразную форму—«назад к Бисмарку». А это, конечно, не только результат переоценки ценностей, но и любопытная примета времени. На ряду с Kriegsschuldirage (вопросом о виновнике войны), тоном которого фактически окрашена вся послеверсальская немецкая литература, как историко-исследовательская, так и публицистическая, посвященная проблемам международной политики, — Бисмарку, и в частности, его колониальной политике посвящена в Германии большая литература. Создалась даже особая, так называемая, «бисмарковская литература», и в свете современного колониального движения делается понятной та дискуссия, которая протекает в германской научной литературе по вопросу о времени первоначального вступления германской политики на путь колониальных интересов. За этой внешне-академической дискуссией по существу скрывается нечто более реальное: идеализацией Бисмарка и интересом к Бисмарку, — столь понятными после краха Вильгельмовской Германии, — вуалируется определение условий и момента необходимости для Германии вступления на путь колониальной политики. Тут послеверсальская действительность непроизвольно проецируется назад, а материал, выдвигаемый в качестве оснований для аргументаций, выводов и оценок, хотя и оказывается довольно сомнительного происхождения, но является составной частью построения, перекинутого через голову германской политики нового курса. Но и обратно, послеверсальская действительность через голову всех протекших десятилетий оживила первичные и примитивные формы колониального движения бисмарковской эпохи. Об'ективные лониального движения, конечно, совершенно иные. Первая условия, в которых возродилась старая традиция форм кополовина 20-х годов текущего столетия весьма мало напоминает вторую половину 70-х годов истекшего столетия; Франкфуртский мир и Версаль, или германские планы превентивной войны и оккупация Рура — это несоизмеримые по своим последствиям и об'ективному значению факты.

«Германия отказывается в пользу главных союзных и об'единившихся держав от всех своих прав и правооснований на свои заморские владения»,—гласит статья 119-ая Версальского трактата. Этим самым Германия потеряла 2.953.000 кв. километров колониальнных владений — все, что она приобрела в результате своей колониальной политики. Но уже очень скоро Германия снова стала, хотя сначала очень робко и отдельными намеками, говорить о необходимости вернуть ей колонии и при том в таком контексте, который является по существу зачатком логической и психологической предпосылки плана Дауэса. Логическая нить

была примерно такова: чтобы обеспечить регулярное поступление и самую возможность германских платежей,— нужно предоставить Германии некоторый конкретный резервуар определенных экономических возможностей. Такая концепция многозначительных намеков необходимости для Германии получить колонии развивалась перед союзниками еще весной 1921 года,—и это означало ничто иное, как желание разрешить репарационную проблему, главным образом, на спине колониальных народов. Вся эта намечающаяся программа разрешения репарационной проблемы, не успев еще оформиться, быстро рухнула под мощным напором реализации другой, внешне более действенной,— но безнадежной, программы Раймонда Пуанкаре: оккупации Рура. Крах политики Пуанкаре, усиление англо-французского антагонизма и вмешательство Америки в европейские дела принесли новую программу—плана Дауэса,—и в результате германская установка связи между разрешением репарационной проблемы и вопросом о возвращении Германии колоний постепенно стала отмирать. На горизонте появилось Локарно,—и уже в предварительных переговорах о принципиальном установлении равноправия сторон — речь зашла о расширении предполагающегося равноправия и на вопрос о колониальном мандате. В конце 1924 года этот вопрос был официально выделен в самостоятельное и оформленное политическое целое. «Ст. 22-ая статута (Лиги Наций. *А. Е.*),— говорит германский меморандум правительствам, представленным в Совете Лиги Наций,—предусматривает, что опека над народами, еще неспособными управляться самостоятельно будет доверена передовым нациям, которые, в силу своих ресурсов или своей опытности, лучше всего могут принять на себя эту ответственность. Устраненная после своего поражения от всякой колониальной деятельности, Германия ожидает, что Лига Наций призовет ее в подходящее время к активному участию в системе мандатов».

В опубликованных официальных ответных документах, касающихся вопроса о заключении гарантийного пакта и о вступлении Германии в Лигу Наций,—вопрос о предоставлении Германии колониального мандата как-то просеивается и не имеет за собой никаких более или менее определенных опорных пунктов. Но нужно полагать, что в частных переговорах вопрос о предоставлении Германии мандатов, так или иначе, ставился. Во всяком случае, в прессу проникло сообщение о том, что в Локарно проблема колоний была затронута, а один немецкий журнал—орган кругов заинтересованных в реставрации колониальной политики Германии, дает такую формулировку: «Хотя при переговорах в Локарно вопроса о предоставлении Германии мандата на колонию только коснулись, однако, на него, хотя и гипотетически,

дан был положительный ответ. Превратится ли этот утвердительный ответ в представление мандата зависит не только от согласия участвующих держав, но также и от решения Германии»[1]. Разрешение колониальной проблемы остается, конечно, на усмотрении держав Антанты: весь вопрос в силе давления внешних обстоятельств и в размере соответствующих компенсаций,—не случайно, в этом смысле, происходившие в Германии многочисленные собрания представителей политических партий (главным образом, германской национальной партии, народной партии, хозяйственной партии и центра) совместно с соответствующими организациями, требуя возвращения Германии колоний, обычно особо оговаривали, что возвращение это не должно происходить ценой особых жертв Германии. Деятельное обсуждение в прессе вопроса о возвращении Германии колоний представление правительству различных докладных записок и резолюций, касающихся этого вопроса, оживленная деятельность различных обществ и организаций—все эти черты старого колониального движения возродились вновь, однако, в эту внешнюю форму влилось новое содержание — определенная дань времени. Вместо ученого путешественника-исследователя половины прошлого столетия типа Рольфса и Нахтигаля,—вместо исследователя-практика, ищущего свободных земель для германской колонизации, типа Карла Петерса,—появился наблюдатель-политик, обычно лицо близкое к германской довоенной колониальной деятельности,—об'езжающий знакомую ему область и отмечающий всякие изменения, производящиеся в бывших германских колониях новыми мандатариями. Таким корреспонденциям германская пресса предоставляет большое место. Внимание, чтобы не сказать — забота, к бывшим колониям весьма напряжено, как будто статьи 119 Версальского трактата и вовсе не существует. Велико также внимание к проживающим в бывших германских колониях и в странах Центральной и Южной Америки немцам, этим экономическим пионерам, потенциальным проводникам экономических и политических интересов Германии. Любопытно, что несмотря на весь исторический опыт кое-где в германской печати появляются, в качестве аргументов необходимости для Германии колоний, утверждения и предположения буквально повторяющие те, которые высказывались на заре германского колониального движения: колонии трактуются, например, как резервуар, впитывающий избыток германского населения. Такая аргументация исторически бита, но просачивается она даже в серьезные журналы. Но обычно, выдвигающаяся аргумен-

[1] V. Rechenberg. Der Erwerb deutschen Kolonialbesitzes in seiner Bedeutung für Deutschland und die Weltwirtschaft. «Weltwirtschaft». 1925 № 12.

тация носит более сложный характер и, конечно, неустойчивый. Ее модификация носит черты зависимости своего происхождения и черты двойственности в своем направлении. Если в том отрезке послеверсальской действительности, который прошел под знаком выработки плана Дауэса,—вопрос о колониях в его германской постановке и аргументации был оторван от решения репарационной проблемы, то вскоре, когда осуществление плана Дауэса началось, — эта связка между двумя проблемами стала намечаться вновь. Одна, обращенная во вне, сторона цепи аргументов апологетов германской колониальной политики приблизительно такова: выполнение плана Дауэса может итти только путем усиления германского экспорта, который, однако, весьма стеснен целым рядом условий: таможенными рогатками, индустриализацией многих стран и т. д.; приходится, следовательно, делать ставку на внутренний рынок, что возможно только при его расширении путем включения колоний. Но эта аргументация, рассчитанная на противника, притягивается лишь по необходимости. Она не носит самодовлеющего характера, а является скорее лишь внешним придатком к другой системе аргументов, вряд ли более убедительных, но зато более симптоматичных для Германии, взявшей курс на формальное утверждение в правах великой державы.

«Да,—пишет автор статьи «Нуждается ли Германия в колониях?»—восстановление обладания колониями есть предпосылка успешной экономической деятельности и дальнейшего развития немецкого народа. Если потребление колониальных продуктов, которое ставит нас в зависимость от чужих колониальных народов, не играет решающей роли,—то играют тем большую роль разнообразные виды сырья, безусловно необходимого для нашей промышленности, наряду с некоторыми заграничными продуктами питания, восполняющими недостаток их у населения. Сырье должно быть ввезено, и этим самым торговый баланс делается все пассивнее, если не удастся значительно увеличить наш вывоз. Само собой разумеется, что не приходится думать о том, чтобы можно было немецкими колониями покрыть всю потребность в сырье, которое германская промышленность должна получать извне. Продукция колоний в таком об'еме, чтобы она могла регулировать цены на мировом рынке, по мнению таких видных знатоков колоний, как Дернбург, была бы достаточна»[1]. Опыт исторического прошлого не может оправдать радужные надежды германских сторонников колониальной политики, и колониальному оптимизму приходится черпать свои силы в надежде на по-

---

[1] «Wetpolitik und Weltwirtschaft». München. 1925. Heft 10. Band I, S. 369.

тенциальные возможности дальнейшего развития, предуказанного довоенной практикой. Получить обратно Киао-Чиао в Германии не предполагают, но питаются надеждой на африканские и тихоокеанские колонии. В Камеруне многие плантации путем разного рода финансовых операций снова перешли в руки немецких владельцев,—и в Германии накануне Локарно говорили, что Штреземан потребует возвращения Германии Камеруна. В Германии с особым интересом наблюдают за всем происходящим в этих колониях, и с удовлетворением отмечают, когда по ту сторону Рейна или Ламанша раздается голос о необходимости вернуть Германии области Того и Камеруна Написанная на эту тему статья Анри де-Шамбон («Les illusions et les reatites» в «Revue Parlamentaire») произвела большое впечатление в Германии, где умудрились не заметить всей пикантности аргументации автора: «Английская мандатная зона, производящая какао,—единственная часть Того, имеющая действительную ценность. Они же (т.-е. англичан. *А. Е.*) великодушно предоставили нам (т.-е. французам. *А. Е.*) остальную часть страны. Вся импортная и экспортная торговля Того в руках англичан и американцев. Туземцы бегут из французской в английскую зону, чтобы скрыться от военных поборов».

Но французская палата имеет относительно деятельности Франции в колониях особое суждение — более радужное, а в части политической,—а это главное,—более определенное и решительное. В связи со всплывшими слухами о предоставлении Германии, с согласия Англии, колоний Того и Камеруна, 19-го декабря 1925 года состоялось оживленное заседание палаты, где позиция Франции в этом вопросе была сформулирована в терминах, не оставляющих никакого сомнения. Было сказано всеми словами, что если в Лондоне предполагают предоставить Германии французскую часть бывших германских колоний в Африке,—то эти расчеты окажутся совсем напрасными, если бы даже Англия вздумала показать в этом деле пример великодушия.

Все эти заявления, формулировки своих позиций, прозрачные экивоки на своего ближайшего партнера в игре, наконец, столь многозначительное, сколь и неожиданно-сделанное официозом лондонской дипломатии опровержение слухов относительно того, «будто бы на конференции в Локарно был также затронут вопрос о колониях, при чем германцы, якобы, заручились определенными обещаниями Франции»,—все это взятое вместе, как некоторые отдельные элементы определенной политической борьбы, происходящей не без соответствующего напора Германии,—свидетельствовали о завязывающейся нити каких-то первичных зондирований, намеков, уловок, торгов и переговоров, происходящих между главнейшими участниками гарантийного

пакта. Англии выгодно втянуть стабилизирующуюся Германию в орбиту непосредственной колониальной политики, как один из элементов борьбы с Востоком,—и в одном участке Германия, еще ничего реально не получившая, в эти силки попала: под непосредственным давлением самого сильного для нее аргумента — Америки, — германское правительство примкнуло в конце декабря 1925 года к постановлению Вашингтонской конференции, касающемуся Китая. Германское отделение Гоминдана, в своем письме от 6-го февраля 1926 года к членам Рейхстага, призывало отказать в ратификации акта присоединения Германии к постановлениям Вашингтонской конференции, но, как и следовало ожидать,—напрасно.

Локарно сказалось, таким образом, очень быстро, но с приближением намечающегося дня вступления в Лигу Наций, Германия все более и более теряла свою верную карту в игре. Это очень хорошо понимали в Германии, и известное Korag (Koloniale Reichsarbeitergemeinschaft) на своей конференции, состоявшейся в Берлине в начале января 1926 г., предложила правительству продолжать до конца играть на оставшейся карте, т.-е. оттягивать вступление в Лигу Наций до реализации следующих претензий: 1) свобода торговли, судоходства и поселения во всех чужих колониях, при сохранении принципа наибольшего благоприятствования, 2) для всех бывших германских колоний немедленное уничтожение противоречащих международному праву постановлений о ликвидации немецкой собственности, как и уничтожения всех правил, которые налагали на немцев большие и иные ограничения в отношении иммиграции, поселения, ведения торговли и промыслов, чем те, которые были на них возложены в начале мировой войны, 3) мандат на Камерун и Того. Но этого мало. На случай, если бы эти требования, предваряющие вступление Германии в Лигу Наций, остались бы неудовлетворенными, и Германии без предварительной их реализации все же пришлось бы в Лигу вступить,—была выработана подробнейшая инструкция, которой предлагалось строго придерживаться будущим представителям Германии в Лиге. Инструкция эта настолько любопытна, что ее стоит привести целиком: а) система мандатов, как она ни несовершенна и сомнительна, должна быть сохранена, пока Германии нет надежд на получение обратно своих колоний с возможностью ими распоряжаться. Для этого, раньше всего требуется, чтобы Германия обеспечила себе постоянное место в Совете Лиги Наций, ибо только таким образом, станет возможно на основании ст. 26-й Статута Лиги Наций с успехом противодействовать аннексионным стремлениям мандатариев; б) германские представители должны заставить признать принцип, что.

согласно статута Лиги Наций, так называемые, В—мандаты, следовательно, все подчиненные области, за исключением юго-восточной Африки, Новой Гвинеи и Самоа, должны быть рассматриваемы, как особые области управления, а не как часть государственной области. Деление Камеруна и Того, а также восточной Африки таким образом, что каждый из них составляет две области, состоящие под различным управлением, противоречит тексту и смыслу ст. 22-й Статута Лиги Наций; в) отсюда следует, что эти области с технической стороны управления не могут быть соединены с чужими колониями; г) тоже самое относится к финансам, пошлинам и т. д., так как каждая подчиненная область и в этих отношениях представляет собой самостоятельное целое; д) коронные земли составляют собственность области, а не мандатариев; это же относится и к железным дорогам, и к другим предприятиям общественного значения. Не мандатарий, как таковой, а только сама область в праве строить железные дороги, гавани и т. д. Лига Наций должна установить обязывающие правила условий, при которых этой области предоставляется мандатарием или третьими лицами заем для подобных целей; е) постановление ст. 22-й Статута Лиги Наций касательно обращения с туземцами должно быть проведено фактически. В частности должен быть прекращен рекрутский набор для чужих колониальных армий. Туземцы Камеруна и Того, до сих пор задержанные в полках французских колониальных армий, должны быть немедленно отпущены на родину. За проведением этих постановлений и, в частности, за надзором над принудительными работами для частных и государственных целей и за необходимыми санитарными мероприятиями должна наблюдать интернациональная комиссия, которой предоставляется право расследования на месте; ж) право туземцев на петиции должно быть гарантировано. Лига Наций должна также проверять и разрешать жалобы туземцев, которые доходят до нее не через посредство правительства мандатария; з) экономическое равноправие Германии во всех колониях, а прежде всего, в бывших германских, должно быть обеспечно.

Итак, планы довольно широкие, тон взят достаточно уверенный. Если сравнить настоящую программу германских требований в области колониальной политики с многозначительными, но мало связанными намеками, раздававшимися в 1921 году, то путь, пройденный Германией, окажется очерченным достаточно выпукло. Но все дело в том, что в этом чертеже обрисовывается путь не только одной Германии,—но и направления всей системы международных отношений, как она складывается в результате действия отдельных составляющих ее элементов. Эти отдельные эле-

менты активным проявлением своим в любой момент могут нарушить и нарушают то, что уже кажется сложившимся,— и от этого соотношение основных сил неизбежно меняется. Вокруг колониальной проблемы продолжает протекать скрытая, но напряженная борьба, и нет ничего удивительного, если она прорывается в другой плоскости политических отношений, столь напряженных послевоенными «мирными» трактатами. И не случайно английский официоз в южно-тирольском конфликте усмотрел проявление более глубокого итало-германского антагонизма, лежащего, быть может, в пластах колониального вопроса: ведь Италия имеет еще формальные права на получение колоний. Эта постановка колониальной проблемы усугубила напряженность политической атмосферы, раздражение и взаимное недоверие. Колониальное движение Германии толкало ее на путь «западной» ориентации, на тот путь, который вел к Лиге Наций. Вступление Германии в женевскую организацию стало делом весьма сложным, и таким, как оказалось, поучительным, что его следует рассмотреть подробней.

10 февраля Германия подала заявление о своем вступлении в Лигу Наций, и тотчас же появились сведения, которые мешали все карты плавно протекавшей политической игры: Польша, а за ней Испания и Бразилия предполагали требовать для себя постоянного места в Совете Лиги. Удовлетворение требований Польши означало бы снижение того значения, которое придавалось вступлению Германии в Лигу, а дальнейшее расширение Совета неминуемо привело бы к тому, что Совет обратился бы в «митинг», где разнобой противоречивых интересов прорвался бы весьма интенсивно.

Именно, во французской прессе начали усиленно разрабатываться предположения необходимости предоставления постоянного места Польше, как активной участнице Локарно, Испании, как представительнице нейтральных государств и, наконец, представительнице «Америки» (намек на Бразилию). Франция с самого начала стала зондировать возможность усиления в Совете Лиги своей креатуры,—и возможно, что это происходило не без поддержки Вашингтона, который начал несколько подозрительно относиться к Локарнскому об'единению Европейских держав, к усилению Лиги Наций, и стал ревниво относиться к руководящей роли английской политики. Возможно, что именно в этом вопросе был перекинут мост, дабы связать английскую политику и отбросить назад, развившую большую активность, английскую дипломатию. Первое официозное выступление английской прессы звучало довольно решительно: постоянные места в Совете Лиги должны остаться только за семью великими державами—Англией,

Францией, Италией, Японией, Германией, а в будущем за Америкой и Россией,—дальнейшее же расширение Совета за счет увеличения числа постоянных членов означало бы или монополизацию власти Совета, что противоречит демократическим принципам Лиги, или чрезмерное разбухание Совета, что сделает Лигу ареной борьбы противоречивых интересов, и тем самым парализует ее деятельность. Что касается последнего, то диагноз поставлен был, конечно, и верно и откровенно, но именно то, что пугало Англию, привлекало Францию,—да и не только, конечно, одну Фрацию. И вместе с нескрываемой радостью по поводу сделанного Германией заявления о принятии ее в Лигу Наций в английской печати начали появляться нотки раздражения и нервозности в связи с перспективой будущих затруднений.

Затеянная Францией дипломатическая игра логикой положения оказалась направленной столь же против Англии, сколько и против Германии. В официозе Форейн-Оффисса[1] появилась большая статья дипломатического корреспондента газеты, который довольно откровенно анализировал положение дел, будущую перспективу и прямо указывал на виновника надвигающихся затруднений. Организация Францией большой дипломатической коалиции «латинско-славянских стран» и ловкие попытки изолировать англо-шведско-германское меньшинство—все это было высказано всеми словами, однако, общий контекст и привлеченная аргументация говорили о невыясненности и нерешительности английской позиции. Указывалось, что окончательное оформление английской позиции еще предстоит британскому кабинету, но слишком тщательно подчеркнутое заявление о том, что Чемберлен в бытность свою в Париже всячески избегал давать какие-либо заверения Бриану и польскому послу, а с другой стороны, слухи о том, что якобы Англия преподала Германии совет взять обратно из Лиги поданное заявление — все это, по меньшей мере, было столь же неопределенно, сколь многозначительно звучало заглавие этой вызвавшей столько шуму статьи: «Предстоящий кризис в Лиге Наций». Как раз в это же время появились сомнения относительно позиции Италии ввиду напряженности итало-германского конфликта. Позиция английского кабинета оставалась неопределенной—ответ Чемберлена на запрос Мак-Дональда был этому ярким свидетельством,—а Германия дала ясно понять, что продолжает настаивать на предоставлении ей постоянного места в Совете Лиги, однако, без одновременного расширения Совета. На 12-ое февраля назначено было заседание Совета Лиги, где формально дол-

---

[1] «Daily Telegraph», 11 февраля 1926 г.

жен был быть фиксирован день пленума,—и это заседание протекало уже в обстановке бурных дискуссий по поводу новых претензий на постоянное место. Вопрос о вступлении Германии, таким образом, как бы отошел на задний план, уступив место более сложной и принципиальной проблеме—проблеме расширения Совета, —однако на экране борьбы неизменно отражалась тень германской проблемы. Программы ее разрешения были разноречивы, и именно это повергло Лигу Наций жестокой лихорадке, возникшей от одного прикосновения с проблемой утверждения равноправия за побежденной Германией. Больше всего волновал вопрос о предоставлении места Польше. В кругах женевской организации аргументация Польши квалифицировалась, как нечто несовместимое с духом Лиги. Однако, французская печать эту аргументацию вполне оправдывала: поскольку Германия по вступлении в Лигу поднимет вопрос об изменении своих восточных границ,—установление равновесия диктуется-де самой логикой. Для Германии беда назревала в том, что часть французской прессы утверждала, будто позиция Франции разделяется и Англией. Число претендентов на постоянное место в Совете Лиги увеличилось еще Чехо-Словакией и Бельгией, а итальянские выступления по вопросу о немцах Южного Тироля как бы акцентуировали всю ситуацию. Положение было признано серьезным (Ernste Lage —пестрело в германской печати). Опубликованная формула решений тайного заседания Совета Лиги Наций 12 февраля была слишком расплывчата, и именно поэтому для Германии неутешительна. В повестке дня предстоящего заседания Совета было, между прочим, обозначено: 1) рассмотрение заявления германского правительства, 2) отношение пленума к возможным предложениям Совета, касающимся применения ст. 4-ой статута Лиги[1]. Неопределенность последней формулировки свидетельствовала об одном весьма определенном обстоятельстве: сначала предполагавшиеся английские намерения ограничить дискуссию одним вопросом предоставления Германии постоянного места, оказались сокрушенными,—либеральная английская печать уже тут заговорила о крахе Локарно, а шведская—от консервативной до социал-демократической включительно,—резко протестовала против самой постановки вопроса о реорганизации Совета Лиги,—усматривая в этом политику будущей изоляции Германии. В этой форме проявились опасения за исход политической работы Англии, в сфере влияния которой вращалась Швеция. Между тем, Франция уверенной рукой продолжала свое дело, и тотчас же после упомянутого заседа-

---

[1] Статья эта трактует об организационной структуре и сфере деятельности Совета Лиги Наций.

ния Совета Лиги, стала известна французская программа: увеличение общего числа членов Совета до 14 путем увеличения числа постоянных членов с 4-х до 7 (Германия, Испания и Польша) или даже до 8 (Бельгия), предоставление трех непостоянных мест Латинской Америке, одного—скандинавским странам, и одного—какому-нибудь из государств Азии. К этому плану,—цинично добавляла французская пресса,—вряд ли присоединится Англия.

Германия встала перед опасностью, войдя в Лигу Наций, оказаться совсем не в том обществе, которого она искала и в котором предполагала развернуть свои претензии великой державы. В Лондоне не видели секрета в том, что Чемберлен оказался связанным в своих действиях с французской дипломатией,— а „Manchester Gardian“ сделал даже сенсацию своим сообщением о том, что еще в Локарно начались тайные переговоры относительно предоставления Польше постоянного места в Совете Лиги, и что признание Польши великой державой являлось частью цены, заплаченной за Локарно. Различные позиции, официально и неофициально занятые отдельными государствами—членами и нечленами Лиги Наций—только усилили разноголосицу,—но за всем этим шла напряженная политическая борьба, дипломатические интриги, компенсации, инспирации,—конкретное выяснение которых является пока почти неразрешимой проблемой. Во всей этой поднятой сумятице довольно резко прозвучали появившиеся в Париже сведения о том, что если расширение Совета Лиги Наций произойдет до вступления Германии в Лигу и до предоставления ей постоянного места в Совете,—германское правительство, учитывая новое и непредвиденное положение, вынуждено будет воздержаться от дальнейших переговоров и, возможно, даже взять обратно свое заявление о вступлении в Лигу. Испания внезапно об'явила о своем решении, в случае непредоставления ей постоянного места в Совете Лиги,—голосовать против Германии. Последняя продолжала настаивать на status quo Совета Лиги Наций. Точка зрения французской политики была сформулирована достаточно отчетливо: включение в Совет Лиги—Польши, и возможность дальнейшего расширения Совета. Призрак старых политических методов—старая система политических группировок обрисовалась с ясностью почти эмпирической. Англия, которая вела переговоры с доминионами, продолжала занимать неопределенную позицию.

Ко всему этому присоединилось еще одно обстоятельство: в связи с открытием заседания мандатной комиссии Лиги Наций—был поднят вопрос о предоставлении колониальных мандатов Италии,—при чем пресса называла бельгийское Конго и Камерун—об'ект германских вожделе-

ний. «Медовый месяц Локарно прошел», писала одна влиятельная итальянская газета. Твердо германскую позицию защищала только Швеция.

18-го февраля заседала комиссия по иностранным делам Рейхстага. Предложение коммунистов, поддержанное фашистами и националистами, об из'ятии из Лиги, поданного Германией заявления, было отклонено. Руководителю германской политики было предложено добиваться в своей работе следующее: 1) Германия должна получить в Совете Лиги Наций постоянное место, 2) одновременно с этим ни одна другая держава не должна быть включена в состав Совета, 3) Германия должна получить место в Совете Лиги уже в предстоящей мартовской сессии, непосредственно при своем вступлении.

Приблизительно одновременно с этим появились новые планы, а именно—предоставление Польше постоянного или временного места во время осенней сессии,—очевидно, отзвуки или зондирование каких-то компромиссных соглашений. Польша, однако, продолжала настаивать на своем, а Франция продолжала открыто ее в этом поддерживать. За Францией последовала и Италия. В ответ на речь Штреземана и на заявление комиссии рейхстага, официозная пресса обеих этих стран подчеркивала, что в Локарно никакие обязательства относительно германской монополии на постоянное место в Совете Лиги даны не были. Больше того, Бразилия заявила, что вопрос о вступлении Германии в Лигу Наций может быть разрешен только после урегулирования вопроса об увеличении постоянных мест в Совете, а Испания развила дальнейшую кампанию в том же направлении.

23-го февраля на заседании германского кабинета Лютер и Штреземан получили полномочия представительства в Женеве, где деятельно разрабатывались планы всяких компромиссов, неизбежно сокрушаемых непримиримой позицией различных держав: Франция продолжала настаивать на расширении Совета Лиги и предоставлении постоянного места Польше, а также Бразилии и Испании, — Англия, несмотря на всю неопределенность своей позиции, склонялась все же, очевидно, к тому, чтобы предоставить место Испании, а временное Польше,—Италия определенно требовала постоянного места Польше,—Испания, Польша и Бразилия, понятно, продолжали настаивать на своем. Чехо-Словакия согласна была поддержать Польшу с тем, чтобы самой получить постоянное место,—и во всяком случае, готова была голосовать за предоставление Польше непостоянного места. Китай требовал постоянного места себе, Уругвай высказывался против Испании и лишь за временное место Бразилии, Япония была против дальнейшего расширения Совета, однако, твердо на своем не настаивала,—и, таким образом, одна

Швеция продолжала оставаться на точке зрения германских претензий, которые Англия хотела бы, но не могла твердо поддержать. Таково было положение к концу февраля. К этому времени английская дипломатия сделала еще один шаг в сторону Франции (речь Чемберлена в Бирмингаме). Германская печать продолжала нервничать и, в зависимости от своей позиции и своего характера,—угрожать или убеждать. Несколько более оптимистичен был официоз Вильгельмштрассе, который, оказавшись припертым к стене, все же вынужден был признать, что Германия в Локарно, действительно, никаких требований относительно дальнейшего расширения Совета не выставляла и никаких заверений по этому поводу не получала.

Есть основания предполагать, что германская дипломатия предполагала пойти на уступки в вопросе о расширении Совета Лиги Наций за счет получения компенсаций в других важных для нее вопросах. Кое-какие пробные шары в этом направлении были, вероятно, пущены в Лондон, однако, они там, очевидно, быстро лопнули. Этим, нужно думать, и следует об'яснить слишком поспешные германские опровержения сообщений английской печати относительно согласия Германии на предоставление места Польше взамен очищения рейнских областей. До компенсации такого рода оказалось, однако, весьма далеко: в Берлине получены были сведения о том, что на предстоящем заседании Лиги Наций будет рассматриваться вопрос о назначении председателя и новых членов Саарской Комиссии, а также и других вопросов, с этим связанных,—и при том, до принятия Германии в Лигу. К началу марта тучи на женевском горизонте еще более сгустились. В английском кабинете происходила борьба, однако Форейн—Оффис явно склонялся в сторону уступки французской позиции. Французская непримиримость была, между тем, еще более подчеркнута: в Париже указывалось, что в случае упорства Германии и Швеции, Франция будет голосовать против Германии.

Откинутой Германии сразу вынужденной перейти к дипломатической обороне своих позиций,—пришлось во всей этой разноголосице искать каких-либо опорных пунктов. 2-го марта в Гамбургской ратуше выступил канцлер Лютер, начавший свою большую речь с заявления о том, что Германия никоим образом не собирается строить систему своей политики на выборе между Востоком и Западом, а затем уверявший в германской лойяльности и полной доброжелательности в отношении к Лиге Наций. Внешне речь являлась подтверждением прежней точки зрения,—однако, по существу, в ней были довольно ясные предложения компромиссного характера. Вся эта речь окрашена была тоном опасений за судьбы локарнских соглашений. Сделанная Брианом на

следующий день в палате декларация была законченной формулировкой французской непримиримости, английская же дипломатия двусмысленно и потому безнадежно искала компромиссов, на сей раз в расчетах как-нибудь договориться на неофициальном заседании Совета Лиги и в частных переговорах с германской делегацией. Компромиссный план был, очевидно, таков: на первом заседании предоставление Германии постоянного места в Совете, — с тем, чтобы на втором, уже с участием Германии, предоставить временное место Польше. Все эти планы никого не удовлетворяли, ничего доброго не предвещали,—и именно так и были оценены европейской прессой. Германская правая пресса снова воскресила обычную историческую традицию и заговорила о новом окружении Германии. «Не может быть сомнения в том, что существует заговор, имеющий целью нейтрализовать голос Германии в Совете Лиги Наций»,— так характеризовал и Ллойд-Джордж положение дел накануне открытия заседания Лиги.

Некоторое замешательство во всей этой перепитии произошло вследствие неожиданного падения 6-го марта министерства Бриана. В связи с французским правительственным кризисом появилась возможность отсрочки рассмотрения всей проблемы в целом до сентября,—мысль, которая и была принята впоследствии, однако, уже под давлением обстоятельств иного порядка.

Весь день 7-го марта в Женеве протекали оживленнейшие частные переговоры между отдельными делегациями,— метод введенный английской дипломатией и так успешно ею применявшийся в Локарно. Однако, к открытию пленума Лиги Наций (8-го марта) никакой договоренности еще не было и вступительная речь председателя, португульца Декоста, о «духе Локарно принесшем сюда Германию» и о «духе братства, связующем все народы» звучала обычной, официально-оптимистической риторикой. Дело, по существу, не подвинулось ни на шаг: французская политика и все остальные силы, входящие в эту систему, готовы были немедленно принять Германию только при условии одновременного дальнейшего расширения Совета Лиги.

Германская делегация отправилась в Женеву без всякой определенной программы, — этого в Берлине не скрывали. И руководящие круги германской политики, всячески старавшиеся представить женевский кризис, как внутреннее затруднение Лиги Наций, не означавшее принципиального антигерманского выступления,—с самого начала считали предлагаемый компромисс неприемлемым, а всю ситуацию чрезвычайно опасной. Переговоры, происходившие 10-го марта между Штреземаном и французской делегацией ни к чему не привели, и Испания и Бразилия начали рас-

пространять слухи о своем решении голосовать против Германии. Большую деятельность развили и представители Италии. Ликвидация правительственного кризиса во Франции и приезд Бриана в Женеву только усугубили дальнейшее наростание того, что уже всюду и всеми было определено совершенно отчетливо — кризис Лиги Наций. Единогласно принятая политической комиссией Лиги, под председательством Чемберлена, резолюция о принятии Германии в Лигу почти не произвела должного эффекта. Кризис достиг своего апогея и зашел в тупик.

Если приезд Бриана внес что-либо новое в направление женевского кризиса, то только то, что испанская и бразильская проблемы как бы отошли на второй план, уступив место еще более выдвинутой и подчеркнутой польской проблеме. Характерно, что это выдвижение польской проблемы за счет других определялось как попытка Антанты спасти разваливающуюся от своей собственной внутренней борьбы организацию Лиги Наций. Эти планы являлись опять-таки попыткой компромисса между Францией и Англией, которые вынуждены были, в целях достижения нужного им эффекта, произвести соответствующее давление на тех, кто в своей непримиримой позиции удачно их заменял. Предполагалось убрать из Совета Лиги Чехо-Словакию или Швецию, Бельгию или Уругвай, и освобожденное место предоставить Польше. Это опять-таки означало уступку со стороны Англии. Соответствующее давление, при ближайшем участии Бонкура, Вандервельда и Тома, было сделано,— и в результате непримиримость Швеции довольно быстро испарилась: 15-го марта шведский представитель и министр иностранных дел Унден в терминах, звучащих как извинение, сообщил германской делегации о своей «добровольной готовности »уйти из Совета, чтобы тем самым предоставить место другой державе, вероятно, Польше. Чехо-Словакия под соответствующим давлением также готова была отказаться от своего места в пользу Польши, сомнения которой, как об этом сообщала английская печать,—о том, стоит ли еще вообще строить свою политическую ориентацию на «Запад» или лучше подумать о «Востоке»,—появились весьма кстати, и будучи соответствующим образом оценены английской дипломатией, оказались достаточными, чтобы сделать свое дело. Однако, оттертая дипломатическими переговорами Бразилия не без содействия, вероятно, державы более значительной и весьма заинтересованной в исходе дела, снова вынырнула, категорически подтвердив свое решение, в случае не предоставления ей постоянного места,— голосовать против Германии. Бразильское выступление было весьма своевременно,—очевидно оно направлялось твердой и опытной рукой: оно произошло как раз тогда, когда ситу-

ация начала несколько проясняться, так что Бриан—этот, правда, хитроумный оптимист,—говорил о намечающемся между германской и французской делегациями соглашении. Последняя надежда, не успев вспыхнуть, погасла, и вся постройка, воздвигаемая на фундаменте англо-французского соперничества, протекавшего в условиях сложных дипломатических интриг между захваченными в сферу борьбы и приведенными в движение государствами,—рухнула. Главным участникам только осталось это констатировать, что и было сделано в подписанной 16 марта представителями Германии, Бельгии, Франции и Италии декларации, выражающей надежду на преодоление возникших затруднений в будущей сентябрьской сессии Лиги, когда Германия займет соответствующее место в Лиге Наций.

Намеченная оценка Локарно, как системы, одно политическое острие которой потенциально направлено против Америки, может иметь некоторое оправдание: в этом отношении любопытна та особо враждебная позиция по отношению к Лиге Наций, которая занята была во время мартовской сессии американской печатью, навязывавшей Германии ответственность за исход Женевы,—и, возможно, этим самым прикрывавшей более глубокий политический смысл событий и более тонкие связи (С. Штаты—Бразилия?). При оформлении Локарнской системы, отодвигающей традицию Версальской политики, запутанный клубок противоречий вскрылся и развернулся в Женеве острой политической борьбой, жертвой которой оказалась Германия, пытающаяся через Лигу Наций занять место великой державы. Разразившийся кризис Лиги Наций отодвинул вступление в силу локарнского договора. Германская политика оказалась несвязанной и, получив в Женеве хороший урок «языка Европы», снова повернулась в сторону Востока, более активно приступив к переговорам относительно заключения с Советским Союзом договора о нейтралитете. Впоследствии германская пресса, оправдывая этот шаг перед Западом,—указывала, что советско-германские переговоры начались еще в декабре 1924 года. Первое сообщение английской газеты [1] относительно предстоящего подписания советско-германского договора вызвало сильное политическое возбуждение. Виднейшие германские политические деятели открыто высказались за необходимость для Германии в данных условиях уравновесить свой зафиксированный в Локарнских актах сдвиг в сторону Запада, политическим договором с Советским Союзом. Немалую роль в этих усилившихся политических тенденциях относительно Советского Союза играл оживленно обсуждавшийся вопрос о-

[1] «The Times» от 13 апреля 1926 г.

перспективе франко-советского сближения. Все попытки официоза германского министерства иностранных дел доказать, что между женевским кризисом и советско-германскими переговорами нет никакой причинной зависимости,—ни к чему не привели. В германской печати можно было встретить совершенно определенную оценку этих переговоров. «Тесная связь с Россией, которая могла бы втянуть нас в опасные конфликты,—невозможна,—писал, например, Т. Вольф. — Но с другой стороны, для нас столь же невозможно принять статьи 16 и 17 статута Лиги Наций, которые могут нас принудить в выступлению против России — предоставлением свободного прохода через нашу территорию и участием в экономическом бойкоте».[1] С точки зрения германской политики время советско-германских переговоров выбрано было не слишком удачно: очевидно, поняли, но несколько поздно, что более раннее выступление с советско-германским договором, имел бы больший политический эффект даже с точки зрения «западной» ориентации германской политики. Но новые тенденции, идущие навстречу английской политике, парализовали своевременный и нужный шаг Германии в сторону Советского Союза. На этот шаг решились в результате той доли скепсиса, которая поневоле была почерпнута из непосредственного соприкосновения с Лигой Наций. Английская политика и инспирированная ею пресса сначала пытались дать событиям весьма осторожную и по существу двойственную оценку: отмечались наступательная активность советской политики против Лиги Наций, самый же факт переговоров Германии с Советским Союзом официально оценивался в терминах довольно сдержанных. Но за этой формальной позицией развернулась деятельная политическая работа по срыву благоприятно протекающих переговоров между Германией и Советским Союзом. Действовать английской политике приходилось, очевидно, весьма осторожно, т. к. Франция, усматривая в советско-германском договоре возможность ревизии восточных германских границ, с самого начала активно выступила против него, и пыталась использовать сложившуюся ситуацию, чтобы снова вернуть себе утраченные в Локарно позиции. В таких условиях английская политика старалась использовать французскую инициативу,—без того, чтобы самостоятельным резким выступлением создать напряженность в своих отношениях с Германией, а с другой стороны, допустить ревизию локарнской системы. По намеченному во Франции плану, в виде противодействия советско-германским переговорам о заключении договора,—предполагалось об'явить локарнские

---

[1] «Berliner Tageblatt» от 18 апреля 1926 г.

акты действующими без вступления Германии в Лигу Наций.—В непосредственной связи с этим планом стояли переговоры в Варшаве Поль Бонкура о заключении между восточными государствами ряда пактов, одно острие которых должно было быть направлено против Советского Союза, а другое против Германии. Последнее являлось рецидивом старых англо-французских планов — установить широкий и высокий барьер между Советским Союзом и Германией,—планов, столь блестяще развитых на Парижской мирной конференции и положенных в основу системы версальского мира. Осуществление этой программы означало бы возвращение к Франции ее старых позиций: Англия осталась бы изолированной,—Германия оказалась бы отрезанной от Советского Союза, окруженной системой мелких государств, непосредственно связанных с французской политикой, а Локарно было бы притуплено в своих противофранцузских заострениях. Вместе с советско-германскими переговорами, или пользуясь ими, со стороны Франции делались попытки сорвать и Локарно. Французская пресса, как бы возвращаясь ко времени появления Раппальского договора, снова заговорила о «русско-германском блоке», направленном против Версальского договора, и в виде аргументации, рассчитанной, конечно, и на Лондон,—подтверждала то, что раньше отвергала: заслуга Локарно,—это говорилось открыто,—отрыв Германии от Советского Союза, и если, благодаря подготовляющемуся советско-германскому договору, это не удастся сделать, то Локарнские акты стоят того, чтобы их бросить в корзину. Дабы несколько приостановить ту кампанию против Германии, которая началась и все более усиливалась, а также, вероятно, под внешним влиянием, с германской стороны тотчас же было указано, что предметом переговоров с Советским Союзом является лишь договор об ограниченном нейтралитете и что, таким образом, в случае нападения Советского Союза на какое-либо государство, Германия не будет обязанной по отношению к нападающей стороне соблюдать нейтралитет [1]. По сообщению официозной английской прессы именно эти сведения оказались достаточными, чтобы Лондон уклонился от французских планов организовать англо-американскую интервенцию в Берлин, дабы заставить германскую политику выбирать между Локарно и Москвой. Франция, очевидно, старалась остаться в тени, дабы, скомпрометировав политику Локарно, выступить с самостоятельной политической программой. Но именно этого английская политика допустить не могла, и вместо того, чтобы своими или чужими руками ломать систему Локарнских отношений, приступила

---

[1] «Kölnische Zeitung» № 279 от 15 апреля 1926 г.

к тихому, но настойчивому воздействию на Германию в том отношении, чтобы притупить эффект и уменьшить общее политическое значение подготовляемого советско-германского договора. Подчеркивалось, что советско-германские переговоры относятся к вопросам исключительно экономического порядка, что вопрос о нейтралитете ни в какой форме в переговорах не поднимался,—и в этой подмене сущего желаемым, быть может, и отразилось то направление, которое английская политика пыталась дать советско-германским переговорам.

Параллельно этим переговорам и в связи с ними шли переговоры между Англией и Германией (через лорда д'Абернона и германского посла в Лондоне Штамера) и между Польшей и Чехо-Словакией. Весь этот круг политической работы, как вскоре выяснилось, был сведен к одному центру: методы были разные, но цель одна — не допустить заключения советско-германского договора. Вопрос о том, прибегала ли Англия в переговорах с Германией непосредственно к политическим угрозам, пока не имеет своего освещения. Всего возможней, что этот метод воздействия был предоставлен другим, а английская политика пыталась перенести советско-германские переговоры на другие рельсы, соблазняя Германию различными перспективами, в частности, вероятно, обещанием провести ее в Совет Лиги Наций на ближайшей же сессии, и без того, чтобы провести туда же и Польшу. В связи с этими переговорами и можно поставить выступление газеты, близкой к германскому министерству иностранных дел, с явным раздражением указывавшей на то, что Германия была уже однажды обманута в Локарно фактом секретного англо-французского обещания предоставить Польше место в Совете Лиги Наций. «Советско-германские переговоры показывают, — писала газета,—что Германия снова способна вести самостоятельную политику. Если в Локарно Германия находилась еще до некоторой степени под давлением английской инициативы, пользующейся Германией, как инструментом для достижения английских целей, — то переговоры с Россией являются показателем того, что Германия решилась и в состоянии вести такую политику, которая, как на первый взгляд может показаться, стоит в противоречии с интересами Западных держав».[1] Столь резкая и необычная для германского официоза статья свидетельствовала, что о к р е п ш а я Германия пытается эмансипироваться от постоянного английского влияния, и, можно думать, выражала собой отказ германской политики следовать в своих переговорах с Советским Союзом указаниям Лондона. Самый

[1] «Deutsche Allgemeine Zeitung» № 178—179, 18 апреля 1926 г.

факт роста влияния германской политики был неприемлем для Франции и ее восточных союзников, а то, что этот рост шел за счет сближения с Советским Союзом — было неприемлемо и для Англии. Во всяком случае, именно с того момента, когда выяснилось, что Германия, начатые с Советским Союзом переговоры, доведет до конца,—усилилась активность английской политики, действующей, главным образом, через Варшаву и Прагу. Именно здесь поднят был вопрос о том, что в связи с предстоящим заключением советско-германского договора Антанта должна пересмотреть свои точки зрения относительно вступления Германии в Лигу Наций. Кроме этой угрозы намечалась специальная дипломатическая интервенция в Берлин Малой Антанты, поддержанной и Польшей. Интервенция эта предполагалась в виде вручения Германии меморандума, заключающего ряд вопросов относительно предстоящего подписания договора с Советским Союзом. Вопросы эти выработаны были министром иностранных дел Чехо-Словакии Бенешем, однако, как затем выяснилось, по приглашению английской дипломатии [1]. Меморандум был отослан в Лондон для предварительного секретного пользования Форейн-Оффиса. Новая форма интервенции в Берлин—не удалась: германское правительство заранее об'явило о том, что будет рассматривать подобные попытки, как вмешательство в свои внутренние дела [2], сделанные разоблачения закулисных нитей интервенции скомпрометировали самую ее идею, а меморандум Бенеша был разослан всем участникам Локарнской конференции, кроме Германии. Большой и Малой Антанте осталось только требовать скорейшего опубликования полного текста договора, тем самым заранее предоставляя себе возможность утверждать наличие в договоре секретных статей.

24 апреля 1926 г. в Берлине советско-германский договор о нейтралитете был подписан. По типу своему он был подобен советско-турецкому договору о нейтралитете и ненападении, заключенному 17 декабря 1925 г. вскоре после Локарно и в ответ на попытки окружения Советского Союза. Берлинский договор, заключенный между Германией и Советским Союзом состоит из четырех статей и, кроме того, двух нот, составляющих его интегральную часть. Как и советско-германский торговый договор, Берлинский договор о нейтралитете особо отмечает, что Раппало является базой дальнейшего развития советско-германских отношений. Этот пункт имеет особое значение в условиях обыч-

---

[1] «Kölnische Zeitung» № 300 от 23 апреля 1926 г.; «Daily Telegraph» № 22148 от 24 апреля 1926 г.

[2] «Deutsche diplomatisch—politsche Korrespodenz» № 91 от 21 апреля 1926 года.

ного противопоставления Раппало—Локарно: он является формальным подтверждением установившихся отношений между обеими странами. В развитие этого положения договор установил необходимость контакта между Германией и Советским Союзом по экономическим и политическим вопросам, имеющим отношение к обеим сторонам. «Оба правительства,—говорится в ноте германского правительства и в ответной ноте советского правительства,—исходили из того мнения, что согласование всех вопросов политического и экономического характера, касающихся обеих стран, существенным образом будет способствовать сохранению всеобщего мира». Центральным пунктом договора является статья 2-я устанавливающая принцип нейтралитета: «Если вопреки своему мирному поведению одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению третьей державы или группы третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжении всего конфликта». Таким образом, установленное договором обязательство нейтралитета имеет ограничительный характер. Этот пункт является для Германии воротами, к вступлению в Лигу Наций, статут которой требует обязательного применения санкций против нападающей стороны, независимо от того, является ли последняя членом Лиги Наций (ст. 16 и 17 статута). Тем самым вступление Германии в Лигу ставит в отношении определения нападающей стороны вопрос: а судьи кто?,—ибо всегда имеется опасность соответствующего постановления Лиги Наций, в случае каких-либо осложнений,—об'явить Советский Союз нападающей стороной, и потребовать от членов Лиги применения военных и экономических санкций. Перед Германией в таких условиях встает опасность превратиться в орудие чужих политических целей, достижение которых может итти через аппарат Лиги Наций. Исходя из этой возможности, германское правительство в своей ноте, составляющей неразрывную с договором часть, не только подтвердило, что вступление в Лигу Наций не может быть для Германии препятствием благоприятному развитию отношений с Советским Союзом, но и пошло далее: признавая мирный характер Лиги Наций (советское правительство в ответной ноте заявило, что не разделяет этой оценки), оно наметило свою позицию в Лиге по вопросам, затрагивающим интересы Советского Союза и, в частности, установило свое отношение на случай, если Лига Наций об'явит Советский Союз нападающей стороной. «Если бы... в среде Лиги Наций возникли когда-либо стремления, которые в противоречии с этой основной чертой мира, были бы односторонне направлены против СССР, германское правительство будет со всей энергией противодействовать таким стремлениям».—«При этом

надлежит иметь в виду, что вопрос о том, является ли СССР нападающей стороной, мог бы быть разрешен с обязательной для Германии силой только при ее согласии и что, таким образом, выдвинутое против СССР в этом отношении со стороны других держав, по мнению Германии, необоснованное обвинение не будет обязывать Германию участвовать в мероприятиях, предпринятых на основании статьи 16-й». Германия взяла, следовательно, обязательство не только противодействовать в пределах Лиги Наций организации антисоветского блока или отдельным выступлением, направленным против Советского Союза,—но и ограничивать для себя обязательность применения санкций, согласно статьи 16-й статута Лиги Наций, против Советского Союза. В этом вопросе вместо полученных в Локарно туманных обещаний, считаться в применении статьи 16 статута с военным и географическим положением страны, Германия до вступления в Лигу Наций самостоятельным политическим актом установила для себя ограничения в обязанности выступлений против Советского Союза. В одной из статей Берлинского договора (ст. 3) выражено, кроме того, обоюдное согласие в том, чтобы ни в мирное время, ни во время конфликта с третьей державой, обе стороны не будут принимать участия в коалициях, имеющих целью установить экономический или финансовый бойкот, направленный против одной из сторон. Для разрешения же спорных вопросов между Германией и Советским Союзом, договор установил возможность применения либо согласительных, либо арбитражных форм.

Все эти положения Берлинского акта представляют огромное значение для Советского Союза и его отношений с капиталистическим окружением. Острие, направленное против Советского Союза политикой Локарно и вступлением Германии в Лигу Наций, притупляется этим договором, снова в значительной мере восстанавливающим брешь в капиталистическом окружении Советского Союза. В этом отношении совершенно не приходится говорить об аналогии с Бисмарковской системой, установленной договором о «перестраховке», ибо эту тонкую дипломатическую комбинацию следует рассматривать не только в связи с австро-германским союзом, но и в связи с ролью Германии в построении Средиземноморской Антанты: положенное на дно договора обещание, предоставить России Константинополь,—по существу, устранялось образованием англо-австро-итальянской комбинации. Эта аналогия, кстати сказать, довольно обычная в прессе и в литературе [1],

---

[1] См. напр. Fank H. Simonds. How Europe made peace withaut America, p. 322

столь же мало подходит и с точки зрения оценки роли Берлинского договора для германской политики: современной Германии приходится действовать в совершенно иных и гораздо более сложных условиях, чем тогда, когда Бисмарк союзом с Австро-Венгрией страховал себя от России, а соглашением с Россией страховал от нападения Франции. Но значение Берлинского договора для Германии столь же велико, как и для Советского Союза. Этим договором, заключенным вопреки давлению с Запада, Германия установила новое основание для укрепления своих отношений с Советским Союзом, и одновременно, в значительной мере устранила возможность превращения своей политики в слепое орудие для достижения чуждых ей целей. Это было сделано после подписания Локарнского акта, но до вступления в Лигу Наций, и, таким образом, Германия шла к Женеве, сильная своей связью с Востоком и гарантией, что со стороны последнего не будет сделано никаких попыток вступить в направленную против нее коалицию военного, политического, экономического и финансового характера. Неудивительно, что французский официоз, оценивая Берлинский договор, как отход Германии от дороги в Женеву, выражал недовольство более всего тем, что международно-политическая позиция Германии укрепилась именно накануне вступления последней в Лигу Наций [1]. Еще более резкие и определенные оценки значения Берлинского договора даны были в Италии, где недвусмысленно указывалось, что советско-германский договор о нейтралитете сильно преуменьшил важность привлечения Германии в Лигу Наций, что Германия получила орудие для давления на своих победителей и что организацией «восточного блока» следует противопоставить мощный блок западных держав.

Официальное отношение великих держав к этому договору можно было бы назвать вынужденным безразличием. В действительности же, несмотря на кампанию германской политики и прессы, старавшейся доказать Западу, что Берлинский договор ничего принципиально нового в германской политике не означает, реакция была достаточно сильна,—и это выразилось, с одной стороны, в демонстрации англо-французского и англо-итальянского сближения, а с другой стороны, — в усиленном обсуждении планов организации сложной системы, направленной против советско-германского сближения. «Берлинский договор писал, например, французский «Journal» является политическим актом и должен поэтому получить также политический ответ. Чтобы сохранить положение восточных границ, нужно, следовательно, образовать блок восточных держав, кото-

[1] «Temps» № 23631 от 26 апреля 1926 г.

рый предоставил бы Польше и Чехо-Словакии нужную опору. Система Локарно может лишь тогда получить мирное завершение, когда оборонительные союзы установят защиту на Востоке и на Западе»[1]. Одновременно в Англии рассматривался вопрос о том, чтобы Лига Наций отказала Германии в регистрации Берлинского договора, но в конце концов официальная точка зрения по этому вопросу выражена была в том смысле, что хотя договор с юридической точки зрения и не подлежит возражению, он все же в будущем может послужить основанием для больших затруднений. Ллойд-Джордж, анализируя значение Берлинского договора и рассматривая послевоенную политику Франции, как построение системы союзов, довольно резонно выразил удивление тому, что «в случае, если Россия и Германия последуют примеру этого блестящего приверженца Лиги Наций, — они будут обвинены в нарушении статута Лиги Наций»[2]. Для того, чтобы предотвратить возможность советско-германского союза, Ллойд-Джордж предлагал немедленно исправить ошибки мартовской сессии Лиги Наций, в первую очередь, тем, чтобы открыть Германии свободную дорогу в женевскую организацию.

В конце-концов, именно эта точка зрения и восторжествовала в английской политике, которая для расширения своего политического влияния в Европе, нужного ей, как база активной политики на Востоке, для ослабления Франции и изоляци Советского Союза, пыталась создать новую систему европейских отношений. В этой системе Германии отведена была роль противовеса Франции и плацдарма для наступления на Советский Союз. Но Версальская система была потрясена. Германия на базисе капиталистической стабилизации начала превращаться из государства об'екта политики Антанты в государство, являющееся суб'ектом самостоятельной политики и пытающееся добиться былой мощи империалистической державы. Значение экономически и политически восстанавливающейся Германии стало увеличиваться, и германская политика начала довольно удачно лавировать, маневрировать и пользоваться теми возможностями, которые представляются в условиях борьбы и соперничества больших и малых держав. Берлинский договор и вступление в Лигу Наций очерчивает общий круг политического балансирования Германии между Востоком и Западом. Но и «западная» политика Германии не является простой прямой, ибо противоречия взрываются в самых различных пунктах международно-политической практики, и

---

[1] Цит. по «Berliner Tageblatt» № 205 от 3 мая 1926 г.
[2] D. Lloyd-George. Die Bedeutung des deutsch-russischen Vertrags «Neue Freie Presse». № 22137 от 1 мая 1926 г.

если вскоре после вступления Германии в Лигу Наций и всего лишь через три года после произведенной Раймондом Пуанкаре оккупации Рура начало намечаться франко-германское сближение, к тому же проводимое министерством того же Пуанкаре, то может показаться, что диалектика как бы избрала послеверсальскую действительность для своих самых тонких и изощренных упражнений и уроков. Подобно тому, как Англия строила свою политику на франко-германском антагонизме, Германия на определенной стадии своего восстановления получила возможность пользоваться англо-французским соперничеством. Это можно рассматривать, как выражение возрастающего влияния Германии в неустойчивой системе европейских отношений, и хотя в данном ее аспекте сказывается английская политика Локарно, но сказывается так, как этого не желал бы Форейн Оффис. Если Франции не удалось избежать Локарно, то ей пришлось использовать вновь сложившуюся ситуацию, дать политике Локарно свою, французскую, интерпретацию. Переговоры между представителями французской и германской тяжелой индустрии закончились образованием грандиозного международного стального об'единения. Политическая ситуация способствовала попыткам франко-германского сближения, а с другой стороны, экономическое сближение бывших врагов стало проявляться в попытках политического оформления, как некоего внешнего условия, как определенной гарантии. Продолжение англо-французского соперничества, резкое обострение франко-итальянских отношений, наконец, общая зависимость от С. Штатов,—все это подготовило политическую почву для первых шагов франко-германского сближения, — ситуации, предотвращение которой является традицией английской политики. Свидание ответственных руководителей внешней политики Франции и Германи в Туари являлось попыткой установить франко-германское сближение на основе разрешения ряда конкретных вопросов, затрагивающих интересы обеих сторон. После Берлинского договора—Туари было следующим ударом по английской политике Локарно, а с точки зрения всей послевоенной истории англо-французских отношений—это было выражением углубляющихся противоречий, развертывающихся на более широкой основе, где в качестве активной силы стала выступать и Германия. Политика Туари заставила Лондон принять шаги к предотвращению образования франко-германского блока, а для устранения препятствий, чинимых политике Туари французскими блюстителями Версальского трактата, Берлин предпринял свои шаги там, откуда можно было достичь соответствующего эффекта: англо-германской конференцией представителей индустрии в Ромси, Германия как бы хотела показать, что она вовсе не пере-

оценивает попытки «континентального», т.-е. франко-германского сближения, и что этим попыткам может сопутствовать, а если потребуется, то и противостоять сближение с Лондоном. В Ромси наряду с другими вопросами, поставлен был вопрос об отношениях к Советскому Союзу. По сообщениям прессы, кстати сказать, весьма скудным, представители Германии «принимавшие участие в этих переговорах сделали весьма интересное сообщение, касающееся опыта немецких деловых кругов в России, и защищали ту точку зрения, что Россия, несмотря на временное понижение ее покупательной способности имеет колоссальное значение для европейской промышленности. Точно также было указано, на возможность англо-германского сотрудничества в этой области»[1].

В своей западной политике, Германия сумела использовать не только англо-французские, но и франко-итальянские противоречия, заложенные в плоскости средиземноморской и ближневосточной проблемы и развернувшиеся во всей своей глубине. 29-го декабря 1926 г. в Риме был подписан итало-германский договор о третейском разбирательстве и мирном разрешении конфликтов. Своим появлением договор этот обязан Италии, предполагавшей оказать давление на Францию, особенно в виду опасных тенденций франко-германского сближения, — Германии, предполагавшей оказать давление на Францию, дабы напомнить ей о политике Туари и получить ряд уступок связанных с действием Версальского Трактата, и, наконец, Англии, которая поддержкой итало-германского сближения продолжала свою политику вовлечения Германии в сферу своего влияния и тем самым, в частности, отрыва от Советского Союза. Но корни итало-германского сближения уходили гораздо дальше, вглубь колониальной проблемы, в которую упирается и фашистская Италия, и пытающаяся выйти на дорогу империалистической политики — Германия. Итало-Германское сближение облегчалось тем, что в разрешении колониальной проблемы обе стороны ко времени подписания арбитражного договора выступали не как силы, соперничающие между собой, а как силы друг друга поддерживающие: если Италия добивалась (и добивается) самостоятельного владения колониальными мандатами, то Германия на первых порах готова была удовлетвориться правом экономической деятельности в чужих колониях. Английская печать в свое время обратила внимание на выработанный директором Рейхсбанка Шахтом проект организации в Германии специальных колониальных обществ для эксплоатации природных богатств в тропиче-

[1] «Bergwerkszeitung» от 15 октября 1926 г.

ских и других наиболее отсталых странах. Одновременно существовал план привлечения американских капиталов в русло германской экономической колониальной деятельности.

Все эти и последующие политические зигзаги германской политики, действующей в неустойчивой системе европейских отношений, сводятся к одной совершенно определенной линии: Германия пытается, — и не без успеха, — восстановить свои позиции великой державы на арене европейской и даже мировой политики. Эта линия проводится на основе укрепления народного хозяйства Германии, начавшегося после лондонской конференции 1924 г. и продвинувшегося благодаря иностранным кредитам и импорту, главным образом, американских капиталов, — а характерной чертой международной политики Германии последнего периода является активная политика балансирования между Востоком и Западом, а с другой стороны, попытка использовать противоречия между западными империалистскими державами. Трудно говорить в терминах конкретных о тех политических тенденциях и планах, которые лишь начинают намечаться и не имеют своего определенного завершения, тем более, что лозунг отказа от тайной дипломатии увял на Западе вместе с великим американским неудачником. Официальную позицию нейтралитета, занятую Германией в условиях англо-советского разрыва, можно считать символом этой политики балансирования между Лондоном и Москвой. Версальская система означала возможность использовать слабость Германии, — система Локарно — возможность использовать ее усиление. Это усиление Англия пытается использовать и против Советского Союза, который, однако, сумел Берлинским договором отчасти парализовать направленное против него острие Локарно. Этим договором Германия еще более подняла свою цену для той стороны, которой нужно ее использовать. На каком из полярных пунктов своего балансирования между Востоком и Западом Германия остановится — покажет будущее. Но в борьбе за это будущее приходится принять во внимание сложный комплекс противоречий, вскрывающихся во всех пунктах послевоенной действительности. Дальнейший ход социально-классовой борьбы дает основное направление. В аспекте же международно-политическом имеется целый ряд экономических и политических моментов, толкающих Германию в сторону сближения с Советским Союзом, но с другой стороны, на вопросе о характере отношений к Советскому Союзу отражается и тот запутанный круг противоречий, в котором живет и развивается Германия: репарационный вопрос, проблема сырья и рынков, проблема инвестиции капитала, перспектива англо-германского экономиче-

ского соперничества и все другие вопросы с этими переплетающиеся (проблема межсоюзнических долгов и пр.) и, наконец, вся система международно-политических отношений. В частности, весьма важное значение для отношений Германии к Советскому Союзу имеет дальнейший ход развития англо-американского соперничества, позиция и активность американской политики в европейских делах и вопрос о том, как сложатся отношения между С. Штатами и Советским Союзом. Политике и дипломатии Советского Союза на данном участке своей работы придется действовать в чрезвычайно сложной обстановке, однако, история советско-германских отношений и активность советской политики в борьбе за мир и против планов окружения Советского Союза, — все это дает основание полагать, что будут использованы до конца те тенденции, которые направляют германскую политику с Запада на Восток.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА РСФСР № 1972 г.
68671
Но
БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
О постановке вопроса 9
Глава первая. Брестский мир и крушение Германской империи . 12
Глава вторая. „Карфагенский мир“ 39
Глава третья. В тупике версальской системы 72
Глава четвертая. На переломе 100
Глава пятая. Между Востоком и Западом 133

Г 4365

Цена один рубль 75 копеек

Папка 15 копеек

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ:

Книжный магазин Изд-ва Коммунистической Академии.

Москва, 25, Моховая, 26. Тел. 2-38-97.